ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Под редакцией А. Г. Мамонтова, А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко

Сборник материалов Второй ежегодной международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына (20 декабря 2017 г.)

Москва
2018

ББК 67
А81

Рецензенты:

доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, канд. юрид. наук ***Н. Д. Кочеткова****; старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского института МВД России имени И.Д. Путилина, канд. юрид. наук* ***Н. А. Рязанова***

Историческая методология в правовой теории : сборник материалов Второй ежегодной международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына (20 декабря 2017 г.) / под ред. А. Г. Мамонтова, А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 315 с.

ISBN 978-5-9694-0611-7

Сборник подготовлен по итогам II Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына, проводившейся на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя 20 декабря 2017 г. при участии представителей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российского университета дружбы народов, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Академии управления МВД России и других ведущих российских вузов, а также Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Посольства Узбекистана в Российской Федерации.

Материалы конференции посвящены вопросам, связанным с местом и значением исторического метода познания в правовой теории, особенностями его реализации, ролью и корреляциями в системе юридической методологии, со спецификой и деятельностью основных представителей исторической школы права, перспективами развития исторической методологии, позиционированием принципа историзма в правовой теории, целесообразностью применения ретроспективных инструментов исследования в теории государства и права.

Представляет интерес для ученых, преподавателей, аспирантов и адъюнктов, курсантов и студентов юридических вузов, практических работников Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ББК 67

ISBN 978-5-9694-0611-7

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Арипов Т. Э. К вопросу об истории формирования принципа состязательности сторон в уголовном процессе 6

Ахмедов Р. М. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» как основа построения государственно-конфессиональной политики в Советском государстве 15

Барзилова И. С. Универсальное и национальное в российском праве 23

Бондарь Е. О., Юнева В. А. Развитие советской науки административного права 28

Васильев П. В. О методе научного правового исследования и структурном критерии его идентификации 34

Гарашко А. Ю. Особенности становления и развития общественных форм права 42

Давидов Д. С. Исторические основы формирования иудейского права 50

Дубинина Е. Н. К вопросу о применении исторической методологии в исследовании юридизационных процессов 55

Егорова Е. Н. Гармонизация как способ установления единых правовых стандартов в социально-трудовой сфере в Европейском союзе 60

Ефремова Н. Н. Принцип историзма в теории правосудия 67

Ивлева Н. Ю. Исторический компонент в исследовании правосознания 72

Керимов А. Д. Эволюция государства на современном этапе исторического развития 76

Клименко А. И. Историческая школа права против правового универсализма естественно-правовой школы (исторический метод и теоретическое моделирование) 83

Корнев А. В. Социальный факт и его интерпертация в методологии исторической науки 89

Кулакова Ю. Ю. Историко-правовые аспекты возникновения и формирования феномена бюрократии в России 94

Курбатова О. В. История и новеллы финансово-правового регулирования страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды 106

Лизикова И. И. Представление о праве и законе западноевропейских мыслителей средневековья 111

Лизикова М. С. История становления отрасли атомного права в системе российского права 117

Мамонтов А. Г. Историческая методология в теоретических исследованиях 128

Муромцев Г. И. Правогенез: проблемы методологии 131

Мухамедзянова Л. К., Шурухнова Д. Н. История борьбы с детской беспризорностью в России 137

Немытина М. В. Концептуальные основы судебной реформы 1864 г. в России 144

Никитин А. Н. Теологическая теория происхождения государства и права и ее исторический анализ 151

Орлов Д. В. О некоторых проблемах методологии в историко-правовых исследованиях 155

Павлов В. И. Методология антропологической концепции права: особенности применения исторического метода 160

Пархоменко А. Г. Октябрьские тезисы о невыученных уроках революций 1917 года, и не только 169

Попова Е. В. Формирование гражданского общества в России на примере работы над учебником «Гражданское общество» 176

Правкин И. В. Исторический опыт реформирования правоохранительной системы России 183

Правкина И. Н. Возможности исторической методологии в исследовании правовых стратегий 188

Рыжов А. А. Исторические основы права политического убежища 192

Сигалов К. Е. Время в концепте исторической методологии 197

Сидоркин Ю. В. К вопросу о методологии изучения благочиния в дореволюционном праве России 204

Соборнов П. Е. Роль исторического метода в изучении истории политических и правовых учений 209

Терешонок Т. А. Историческая методология в социологических теориях права 212

Токмачева А. Ю. Основные методы и организационно-правовые основы борьбы с проституцией в России в XVII–XIX веках 215

Феднева Н. Л. Правоохранительная система как веберовский «идеальный тип»: к вопросу об изучении генезиса исторических инвариантов в преподавании историко-правовых дисциплин 222

Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Тенденции современной российской юриспруденции и конституционная реформа: историко-правовой аспект 231

Чувальникова А. С. Теория, догма и история права: проблемы методологии 239

Анисимова В. С. Типология права: исторический подход 244

Гаранина А. И. История возникновения прав человека 247

Замулаев А. И. Исторические этапы развития киберпреступности . 253

Карпушкин А. В. Правовые ценности современного правосознания как объект теоретико-правового исследования 257

Коваль С. М. Революционное правосознание как источник советского права 260

Красиков Е. А. Организационно-правовые принципы взаимосвязи демократии и дисциплины 266

Кулик О. В. Исторический подход к селекции правовой практики с целью ее легализации 274

Мазуров И. И. Роль правопритязания в актуализации приобретаемых и добываемых прав 280

Овсянников А. Д. Право как средство принуждения в условиях действия чрезвычайных режимов 284

Цыганкова Я. В. Правовое гарантирование в западной культуре (историческое измерение) 287

Шумилов А. Н. Историко-теоретические аспекты имиджа правоприменительной деятельности 291

Т. Э. Арипов[1],
1 секретарь Посольства Узбекистана в Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Начиная с 1990-х гг., преступность, становясь все более организованной и профессиональной, перманентно продолжает расширять масштабы и формы влияния на деятельность органов расследования. Противодействие расследованию, носившее в большинстве своем единичный и разрозненный характер, постепенно трансформировалось в социальное явление.

Только в последнее время противодействию расследованию стало уделяться особое внимание, хотя оно всегда было характерно для преступной деятельности и следственной практики. Раньше противодействие рассматривалось в рамках сокрытия преступления как одного из элементов способа преступления в трудах ученых-криминалистов Р. С. Белкина, А. М. Ларина, В. П. Бахина, И. Е. Быховского, О. Я. Баева, Л. Я. Драпкина. Однако это были в основном упоминания о противодействии как о разновидности конфликтного поведения в деятельности следователя. Лишь В. Н. Карагодин и С. Ю. Журавлев (под научным руководством Р. С. Белкина с 1989 года) в своих трудах подвергли это явление системному анализу, положив тем самым начало теперь уже популярной теме противодействия – установлению истины[2].

Благодаря успешному противодействию немало преступлений оказывается нераскрытыми, и, как следствие, расследование преступлений годами, длительная латентность, недостаточная защита прав и интересов потерпевших, формирование недоверия общества к правосудию, усиление коррупционной составляющей в работе органов правосудия, деморализующее влияние противодействия на самих работников правоохранительных органов. Влияние противодействия

---

[1] © Арипов Т. Э., 2018.

[2] Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992; Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1992.

расследованию на раскрываемость преступлений в качестве решающего фактора провала расследования на сегодня – предмет повышенного интереса для криминалистов, криминологов и актуальная задача для практических работников.

Закон, предоставляя подозреваемым и обвиняемым право на защиту от обвинения всеми возможными средствами в рамках закона, фактически позволяет осуществить это право, в том числе прибегая к противодействию расследованию: дача ложных показаний, отказ от дачи таковых, немотивируемое (голое) отрицание фактов, умолчание о фактах, неявка по вызову следственных и судебных органов, несообщение запрашиваемых сведений и невыдача требуемых объектов (предметов, документов), неоказание помощи, невыполнение требуемых действий и отказ от участия в следственных действиях, различного рода инсценировки, симуляции психических и иных заболеваний, изменение признаков внешности, иные попытки ввести следствие в заблуждение. Они уголовно не наказуемы и вряд ли противоречат конституционным принципам уголовного судопроизводства, включая состязательность сторон.

С другой стороны, противодействие расследованию не всегда подразумевает защиту от уголовного преследования. Некоторые проявления противодействия влекут не только уклонение виновных от ответственности, но и включают незаконные, а иногда откровенно преступные приемы: подкуп (в этом случае сами лица, осуществляющие предварительное следствие или дознание становятся субъектом противодействия), побег из-под стражи, привлечение СМИ (в том числе интернет-ресурсы, включая зарубежные) для создания ажиотажа вокруг расследования в отношении якобы «невиновных», организация и проведение митингов в их поддержку, «заказные статьи», пикетирования зданий правоохранительных органов под видом «борьбы за охрану демократических прав человека», формирование ложного общественного мнения, требования от властей установить «особый контроль» над расследованием, публикации «компрометирующих материалов» в отношении добросовестного следователя, их толкование во вред расследованию, посягательства на жизнь и здоровье участников процесса (свидетелей, потерпевших), а в некоторых случаях – самого следователя и оперативных работников (угрозы, клевета, провокация, шантаж, похищение близких лиц, физическое насилие, вплоть до убийства) и, наконец, использование коррумпированных должностных лиц правоохранительных органов. К

сожалению, следователь подчас перекладывает всю тяжесть поиска подозреваемого, похищенного имущества или изобличения задержанного на потерпевшего, который сам при такой пассивности следователя вынужден заниматься «личным сыском». Полагаться при этом на объективность и полноту установления истины не приходится. А уж тем более у такого «уполномоченного» потерпевшего легко может появиться соблазн преувеличить размер нанесенного имущественного ущерба, ухудшить положение обвиняемого. Либо следователь, идя на поводу «версии потерпевшего», не вникает в возможные мотивы его заявления, представляющего собой оговор невиновного человека.

В некоторых случаях преступнику удается уйти от ответственности благодаря использованию современных технических средств для создания поддельных документов, удостоверяющих личность, которые позволяют ему выдавать себя за другого человека и беспрепятственно покидать пределы разыскивающего его государства, безнаказанно принимать участие в террористической деятельности. В этой связи большинство государств (в том числе Узбекистан и Россия), следуя рекомендациям ИКАО (Международной организации гражданской авиации), переходят к биометрической паспортной системе, основанной на идентификации человека по отпечаткам пальцев. Таким образом, необходимость в дальнейшем совершенствовании технико-криминалистических разработок в области дактилоскопии продолжает сохранять свою актуальность.

В связи с увеличением миграционных процессов на пространстве СНГ следователи нередко сталкиваются с противодействием, когда после признательных показаний лицо, по национальности не относящееся к титульной нации, начинает заявлять, что «не понимает языка» судопроизводства, и требует предоставить или сменить переводчика, якобы «не справляющегося» со своими обязанностями.

В таких условиях, когда преступная деятельность все больше сопровождалась прогрессированием противодействия расследованию, в независимых государствах на пространстве СНГ были приняты уголовно-процессуальные кодексы, основанные на принципе состязательности сторон. Данное нововведение было воспринято многими учеными неоднозначно. Их значительная часть уверена, что введение УПК РФ негативно повлияло на раскрываемость преступлений, а это повлекло нарушение конституционных прав граждан на их защиту от преступных посягательств.

По мнению некоторых из них, возведенный УПК РФ во главу угла принцип состязательности стал весьма мощным рычагом противодействия[1]. В УПК РФ принцип состязательности поставлен выше цели достижения истины, традиционно рассматриваемой в качестве цели доказывания. Если в УПК РУ принцип установления истины нашел свое законодательное закрепление, то в системе принципов российского уголовного процесса положение об объективной истине не нашло своего отражения. Ведущее положение стал занимать принцип состязательности при производстве по уголовным делам, предполагающий возможность осуществления правосудия и без достижения истины[2]. На наш взгляд, не следовало полностью отказываться от принципа объективной истины, являющегося гарантом соблюдения законных прав и интересов всех участников уголовного процесса.

Обратимся в этой связи к анализу соотношения состязательности уголовного процесса с тесно связанным с ним противодействием установлению истины. Поскольку сам законодатель допускает состязание, спор между двумя сторонами – обвинением и защитой, постольку наделяет каждую из них прямо противоположными функциями, а это предполагает противоположность целей и задач. Как известно, «в споре рождается истина». Однако не следует забывать, что бывают разные виды споров. В одних спорящие объединены стремлением установить объективную истину о предмете спора (научные споры). В других случаях главным для сторон является не достижение истины, а победа над соперником. Именно к такому виду спора можно отнести судебный спор в состязательном уголовном процессе, участники которого помогают суду установить лишь ту истину, которая соответствует интересам обвинения и защиты.

Теперь суд исключен из числа субъектов, ищущих истину, и не должен принимать никаких мер по ее установлению. Защита же не заинтересована в установлении истины, ей достаточно поставить под сомнение доводы обвинения. В силу закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве распределения бремени

---

[1] Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 51; Ищенко Е. П. Особое производство и его связь с противодействием расследованию // Противодействие расследованию и меры по его преодолению : Сб. матер. 51-х криминалистических чтений : В 2 ч. – М., 2010. – С. 98.

[2] Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М., 2004. – С. 17.

доказывания и по существующей конструкции предварительного следствия, обязанность формирования доказательственной базы по-прежнему возложена на орган расследования, который осуществляет функцию уголовного преследования, обосновывает и аргументирует вывод о виновности обвиняемого. Таким образом, установление истины как цели доказывания адресовано лишь к стороне обвинения – сторона защиты стремится к воспрепятствованию достижения истины.

Защита, представляющая собой функцию подозреваемого, обвиняемого, защитника, направленную на то, чтобы опровергнуть или ослабить подозрение или обвинение, определяется как защита от уголовного преследования. С точки зрения стороны обвинения, такая деятельность фактически представляет собой противодействие установлению истины. Противодействие, поскольку оно направлено на недопущение достижения целей противостоящей стороной, является разновидностью конфликтного поведения, представляя тем самым реальную угрозу в достижении задач и целей уголовного процесса.

Создание условий для успешной реализации принципа состязательности требует, по нашему мнению, достижения баланса между правами двух сторон – защиты и обвинения.

Некоторые ученые, основываясь на принципе состязательности сторон и поддерживая идею о существенном расширении прав стороны защиты (подозреваемого и обвиняемого, защитника), предлагают обсудить вопрос о процессуальном разрешении защите вести параллельное расследование[1]. Такая тенденция к защите прав и интересов подозреваемого и обвиняемого по-прежнему придает актуальность вопросу о недостаточной защите прав потерпевшего.

Пока же говорить о балансе прав и обязанностей сторон обвинения и защиты не приходится. При этом на следователя по законодательству Узбекистана возложены обязанности собирать также и смягчающие вину доказательства. Защитник таких обязанностей не несет и вправе ходатайствовать об ограничении либо пополнении объема доказательственной базы. Зачастую следователь собирает доказательства в полной мере известные защитнику, который, не раскрывая своих козырей, готовится к схватке в суде, а там начинает действовать – «разваливает дело», тогда как следователь отсутствует,

[1] Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М., 2009. С. 100.

его лишь представляет прокурор. Получается, что следователь и защитник поставлены в неравные условия: у следователя – только обязанности, а у адвоката – права. В настоящее время адвокатами работают бывшие следователи ОВД и прокуратуры, проработавшие в этой должности 15–20, а иногда и более лет. А им противостоят следователи, стаж работы которых не превышает 5 лет. При таком положении вещей нетрудно «завести следствие» в тупик. Не способствуют качеству расследования такие факторы, как возрастание нагрузки и отток квалифицированных кадров.

Неудивительно, что в силу своей зачастую невысокой профессиональной квалификации, именно как защитников, адвокаты озабочены в первую очередь поисками не истины, а упущений и ошибок следствия – доказательством того, что она не установлена обвинением. Деятельность таких защитников по компрометации доказательств обвинения Р. С. Белкин справедливо сравнивал с ролью «санитаров судопроизводства», поскольку зачастую неполнота предварительного следствия, процессуальные упущения и ошибки создают благоприятную почву для успешного «разваливания дела» в суде[1]. По делам в отношении организованных преступных групп (ОПГ) функции защитников не ограничиваются рамками их полномочий, определенных законом. Некоторые защитники находятся на постоянном денежном содержании ОПГ и сознательно злоупотребляют своим служебным положением, стремясь любой ценой «спасти» подзащитного от уголовного преследования. К тому же общеизвестно, что чем чаще адвокат достигает успеха[2] в своей работе, тем громче «имя» данного адвоката и выше размер гонорара. Налицо преобладание материального фактора, детерминирующего успешную адвокатскую деятельность, над моральными детерминантами, связанными с достижением успеха благодаря профессиональному мастерству в пределах правовых и этических норм. При наличии таких «соблазнов» деятельность защитника, противоречащая закону и адвокатской этике, в подобной ситуации мотивируется не столько стремлением оказать юридическую помощь, сколько целью «развалить дело» ради получения больших гонораров.

---

[1] Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 195–202.

[2] Здесь и в последующем имеется в виду как успех адвокатской миссии, осуществляемой в рамках закона и адвокатской этики, так и результат «разваливания дела» с нарушением норм закона и этики.

Не является идеальной и деятельность следователей, осуществляющих производство предварительного следствия. Отдельные представители следственных органов в силу различных мотивов не гнушаются применением порой незаконных методов ведения следствия путем выбивания признательных показаний от участников уголовного процесса, не утруждая себя поисками истины и довольствуясь получением «нужных» следствию доказательств. Зачем с таким трудом искать неизвестного преступника, если можно просто-напросто «назначить преступником» первого попавшегося подозреваемого, который под психологическим, психическим или физическим насилием сам признает свою вину, хотя это лицо может быть и непричастным к расследуемому преступлению. К большому сожалению, следственная и судебная практика изобилует такими примерами, о чем свидетельствует тот факт, что судами практически не выносятся оправдательные приговоры.

В рамках борьбы с такими явлениями 30 ноября 2017 года принят Указ Президента Узбекистана «О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности». Согласно документу, впредь в Узбекистане абсолютно не допускаются пытки, психологическое, физическое давление и другие виды насилия. Любое лицо, совершившее такие преступные деяния, независимо от того, кем оно является, неизбежно будет привлечено к ответственности. В рамках уголовных дел категорически запрещается использование любых данных, полученных незаконным путем, в частности аудио- и видеоматериалов, вещественных доказательств. Запрещаются пытки, введение в заблуждение, нарушение права на защиту и применение других незаконных методов в процессе следствия.

Согласно проекту Государственной программы на 2018 год, до 1 апреля следующего года в Узбекистане будет принят закон, который ужесточит наказание за применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Целью закона является усиление ответственности за пытки и другие виды насилия, унижающие честь и достоинство граждан, совершенные в ходе доследственной проверки, дознания, предварительного следствия, в процессе судебного разбирательства и отбывания наказания. Субъектами этих преступлений будут считаться также лица, содействовавшие их совершению. «Впредь ни один человек не должен привлекаться к ответственности на основе

фиктивных доказательств, клеветы и наветов. Необходимо создать надежные гарантии для того, чтобы нормы Конституции и законов неукоснительно соблюдались»[1].

Создание условий для успешной реализации принципа состязательности требует, по нашему мнению, достижения максимального баланса между правами как стороны защиты, так и обвинения. Укрепление и расширение гарантий института защиты по уголовным делам нельзя отрывать от усиления требований к самим защитникам, требований моральной безупречности и чистоты, соблюдения законности и адвокатской этики в их деятельности. Однако все вышеназванные способы противодействия как правомерные, так и преступные, совершались и ранее, когда уголовный процесс не считался состязательным, в рамках права на защиту от обвинения или с их нарушением.

Состязание между собой сторон уголовного процесса представляет по своему содержанию выражение одной из объективных закономерностей борьбы двух противоположностей, нашедший свое закрепление в УПК Узбекистана в виде принципа состязательности сторон, который сам по себе уже предлагает спор, конфликт, вызванный разными целями и интересами обвинения и защиты. При отсутствии их противоположности не мог бы существовать и сам принцип состязательности сторон. Равно как и состязательность сама по себе предполагает противоборствование, противодействие состязающихся сторон в реализации каждой из них своей уголовно-процессуальной функции[2].

Содержание уголовно-процессуальных функций обвинения и защиты в целом не подверглось существенному изменению, если не считать, что суд исключен из числа субъектов, ищущих истину, и не должен принимать никаких мер по ее установлению. Состязательный тип уголовного процесса предопределил изменение статуса суда: «Для обеспечения подлинной независимости судебной власти в первую очередь необходимо защитить судей от факторов, влияющих на

---

[1] Из Послания Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису (Парламенту), состоявшегося 22 декабря 2017 г.

[2] Баев М. О., Баев О. Я. Противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного (Процессуальная неизбежность и пределы допустимого) // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы. Сб. науч. трудов. – М., 2007. – С. 36.

осуществление правосудия. Важно выявлять случаи вмешательства в следствие и работу суда, усилить ответственность за это и обеспечить неотвратимость наказания. Мы будем последовательно продолжать работу по внедрению института «Хабеас корпус» и усилению судебного контроля при проведении следствия»[1].

Так каким на самом деле был уголовный процесс ранее? В различные исторические периоды одни и те же общественные отношения регулируются с помощью различных правовых средств воздействия. Любой учебник советского уголовного процесса или советской криминалистики до 1991 года, если вспомнить, содержал в числе других принцип партийности науки, свидетельствовавший о проникновении государственной идеологии и в науку. Стало быть, противоположность интересов обвинения и защиты обуславливала в какой-то мере состязательность и прежнего уголовного процесса, не считавшегося состязательным, но, как бы мы его не называли, фактически являвшимся таковым по своей природе и содержанию, и в котором судебная власть по форме своей организации выступала средством достижения публичных интересов государства.

Имплементация состязательности сторон в уголовный процесс Узбекистана, таким образом, позволила привести, наконец, форму (тип) уголовного процесса в соответствие с его реальным содержанием – состязательностью, обусловленной, с одной стороны, противоположностью интересов обвинения и защиты, с другой – высвободить науку от господства над ней любой идеологии, в том числе государственной. Выражаясь простым языком, «вещи названы своими именами».

Таким образом, событие преступления по своей природе всегда находилось и будет находиться в фокусе противоборствующих интересов. Уголовный процесс неизбежно сопровождался и будет сопровождаться противодействием установлению истины, независимо от того, провозглашен он по форме состязательным или нет.

Реализация принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Узбекистана, и это отмечают отечественные и зарубежные исследователи, свидетельствует о высокой степени имплементации международных норм в национальное законодательство. Вот почему это стало сегодня одним из наиболее приоритетных направлений обеспечения верховенства закона и

[1] Из Послания Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису (Парламенту), состоявшегося 22 декабря 2017 г.

дальнейшего реформирования судебно-правовой системы в Республике Узбекистан.

Р. М. Ахмедов[1],
начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕКРЕТ «ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ» КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Первым официальным документом, предметно регламентирующим законотворчество молодой Советской республики в сфере государственно-конфессиональных отношений, стал Декрет СНК РСФСР от 23 (20) января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»[2], известный больше как Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[3].

Согласно Декрету, каждому гражданину предоставляется возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой – всякие праволишения в связи с этим выбором отменялись. На территории республики запрещалось издавать местные законы, постановления, ограничивающие свободу совести, устанавливающие какие-либо преимущества или привилегии на основании вероисповедного выбора граждан. Указания на религиозную принадлежность устранялись из официальных документов. Запрещалось уклоняться от исполнения гражданских обязанностей, ссылаясь на свои религиозные убеждения. Разрешалось свободное исполнение религиозных обрядов, если они не нарушали общественного порядка и не посягали на права граждан. Для удовлетворения религиозных потребностей верующим были переданы в бесплатное пользование здания и предметы культа.

---

[1] © Ахмедов Р. М., 2018.

[2] Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С. 55–57.

[3] Там же. С. 53–55; Хрестоматия по истории СССР, 1917–1945 : учеб. пособ. для пед. институтов по специальности «История» / под ред. Э. М. Щагина. – М., 1991. – С. 70–71.

По Декрету церковь отделялась от государства, упразднялись все прежние формы их союза. Запрещались религиозные обряды и церемонии, проводимые ранее во время государственных и общественных мероприятий, отменялись религиозные клятвы и присяга. Религиозные общества объявлялись частными, не пользующимися какими-либо преимуществами и субсидиями от государства. Теперь они не имели права владеть собственностью, лишились прав юридического лица, все их имущество объявлялось народным достоянием. Кроме того, запрещались принудительные взыскания сборов и обложений в пользу религиозных обществ. Школа также отделялась от церкви – вводилась государственная система светского образования. Во всех учебных заведениях, где изучались общеобразовательные предметы, запрещалось преподавание религиозных вероучений.

Отношение Советской власти к конфессиям определялось в статье Декрета «Советская политика в религиозном вопросе». Поскольку Православная церковь рассматривалась как часть государственного аппарата Российской империи, как «орудие управления и господства эксплуататорских классов над трудящимися классами», то основная задача государственной политики по отношению к ней заключалась в том, чтобы лишить ее «первенствующей» роли среди других конфессий, «разбить старую церковную государственную машину», «уменьшить удельный вес церковников».

По Декрету допускалось существование групп верующих, которым предоставлялось право «на отправление культа», заключение договора с властями о найме помещения для богослужения и приглашение священнослужителей для отправления религиозных треб. В заключительном параграфе Декрета «все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ» объявлялось «народным достоянием».

По существу, Декрет 1918 года был нацелен на уничтожение Русской православной церкви как иерархической организации и на ликвидацию духовенства как сословия. Власть декларативно заявляла о своем невмешательстве во внутреннюю жизнь церкви, разрывала с ней все связи государства и отвергала прямую борьбу. Но, нарушая принцип отделения, руководство страны не только не предоставило церкви независимости, но и, активно вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь, встало на путь прямой конфронтации.

Декрет, провозгласив свободу вероисповедания, уравняв в правах религии, закрепил право на свободу атеистических убеждений и стал

основным и важнейшим источником Советского законодательства в области свободы совести и вероисповедания того периода времени. А также послужил правовой базой для аналогичных Декретов, изданных в декабре 1919 г. Украинской Советской Республикой, в 1921 г. – Грузинской, а в 1922 г. – Белорусской и Армянской Советскими Республиками.

Между тем духовенство России, священнослужители всех конфессий, религиозные учреждения продолжали жить жизнью своего народа, деля с ним испытания смутного и жестокого времени – революционного преобразования общества и государственного устройства.

После установления Советской власти Православная церковь в лице Поместного собора (1917–1918 гг.) в спешном порядке приняла решение о восстановлении патриаршества и избрании патриарха, ликвидированных еще Петром I. 5 (18) ноября 1917 г. патриархом избирается митрополит Московский Тихон (Василий Белавин), в прошлом активный деятель черносотенного «союза русского народа»[1].

Поместный собор и новый глава РПЦ резко выступили против Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[2]. Сразу после опубликования Декрета Поместный собор принимает два документа: постановление и воззвание к верующим. Эти документы, наряду с фактическим извращением содержания и смысла Декрета, охарактеризовали его как продиктованное «сатанинским умыслом» покушение на самое существо православной церкви, узаконивающее открытое на нее гонение[3]. Рассматриваемые документы содержали в себе и предостережение относительно возможных его негативных последствий под предлогом отделения церкви от государства. В постановлении Собора говорилось, что Совет народных комиссаров пытается «сделать невозможным само существование храмов, церковных учреждений и духовенства. Под видом отобрания церковных имуществ Декрет стремится уничтожить саму возможность церковного богопочитания и богослужения… Православные храмы становятся

---

[1] Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1986. С. 41.

[2] См. подробно: Патриарх Тихон Послание Совету народных комиссаров (26 октября 1918 г.) // Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов : учеб. пособ. / сост. В. С. Шульгин, Н. И. Цимбаев, Л. С. Леонова. – М., 1996. – С. 309–311.

[3] См.: Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 55.

собственностью всех граждан, без различия вероисповедания: христиан, евреев, магометан и язычников. Самые священные предметы поступают в распоряжение государственной власти, которая может либо передавать, либо не передавать их церкви для использования… Раз уничтожается всякая собственность церкви... существование церквей, монастырей и духовенства становится тем самым невозможным... Служители алтаря отстраняются от воспитания народа. Само преподавание закона божьего в школах – не только государственных, но и частных – не допускается, тем самым все духовно-учебные заведения обрекаются на закрытие... На основании всего изложенного Священный собор постановляет: «1. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» представляет собою под видом закона о свободе совести злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения. И всякое участие как в издании сего враждебного акта узаконивания, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной церкви и навлекает на виновных лиц православного вероисповедания тягчайшие церковные кары, вплоть до отлучения от церкви»[1].

Постановление Собора было написано в официальном тоне, содержало многочисленные ссылки на решения Вселенских соборов и нормы канонического права. Поэтому для мобилизации населения на борьбу против Советской власти одновременно с постановлением Собор принял особое воззвание к православному народу, в котором в популярной форме изложил содержание постановления и сформулировал свой призыв: «Объединяйтесь же, православные, объединяйтесь, все мужчины и женщины, старые и малые, для защиты наших заветных святынь, ибо «правители народные» хотят отнять у народа это божие достояние. Оберегайте храмы божие, не попустите их перейти в дерзкие и нечистые руки неверующих, не попустите свершиться этому страшному святотатству»[2]. Иерархи не удержались и от провокационного, особенно в тех революционных условиях, призыва к вооруженному сопротивлению: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученичества, чем допустить веру православную врагам на поругание»[3].

---

[1] Церковные ведомости. 1918. – № 3, 4. – С. 19–20.

[2] Церковные ведомости. 1918. – № 3, 4. – С. 21–22.

[3] Там же. С. 22.

В Определении, принятом по результатам деятельности Собора, Русская православная церковь попыталась выразить новой государственной власти свою историческую политико-правовую самобытность и самостоятельность, тем самым пытаясь сохранить свой прежний статус главенствующей в государстве, закрепив следующие положения:

«1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее положение, среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней духовной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления…

3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православной Церковью… равно как и акты церковного управления и суда, признаются государством, имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы.

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе как по соглашению с церковною властью…

6. Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке.

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными…

9. Православный календарь признается государственным календарем.

10. Двунадесятые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями…

18. Учреждаемые Православной Церковью низшие, средние и высшие школы как специально богословские, так и общеобразовательные пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании.

19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви; преподавание Закона Божия для православных учащихся обязательно как в низших, так и в высших учебных заведениях; содержание законоучительских должностей в государственных школах принимается за счет казны.

20. Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви, состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство…»[1].

Однако осуществить это определение Собора в ту историческую пору было совершенно невозможно. Этими документами церковь, по сути дела, объявила «войну» Советской власти. На местах, в епархиях, были организованы движения, направленные на противодействие осуществлению Декрета, то и дело возникали стычки, конфликты между органами Советской власти и подстрекаемым духовенством населением. Церковная печать, комментируя послания Собора, писала: «Церковь должна поднять и крест, и палицу свою против гидры, как подняла она все оружие свое против антихриста»[2]. Огромными тиражами патриарх, Синод, епархиальные управления печатали специальные листовки и прокламации.

Выступления руководителей Русской православной церкви были поддержаны руководящими деятелями некоторых других религиозных общин. Правительству Советской России был направлен совместный документ за подписями католического митрополита Роппа, Грекокатолического протосвитера Федорова, старообрядческого епископа Симона, представителя армянской церкви протоиерея Григория, протестовавших против Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Однако своей цели, по выражению Н. С. Гордиенко, «…мобилизации всех священнослужителей и мирян на борьбу с Советской властью – «соборным отцом», возглавляемым патриархом Тихоном, достигнуть не удалось. Более того, ропот на политиканствующих церковников усиливался, и исходил он не только от основной массы рядовых

---

[1] См. подробно: Собрание постановлений и определений Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917–1918. – М., 1994. Репринт с издания. – М., 1918. – Вып. 2. – С. 6.

[2] См.: Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 56.

верующих, но и от все возраставшего числа священнослужителей. Кризис доверия к церковному руководству обретал в русском православии все более зримые черты»[1]. Поэтому, почувствовав угрозу самоизоляции, иерархи Русской православной церкви решили изменить тактику: 8 октября 1919 г. патриарх Тихон опубликовал послание, в котором содержался призыв к епископату и духовенству «уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях», «повиноваться всякому человеческому начальству в делах мирских» и не давать Советскому правительству повода для подозрений в нелояльности.

Представители мусульманского духовенства в отношении Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» приняли несколько иную позицию. Со страниц газеты «Куряш» они подчеркивали, что: «Для России Декрет отделения церкви от государства необходим и правилен. Для татарского же народа, народа неграмотного, раздробленного, только что начинающего жить, этот декрет имеет обратную силу. Православие служило русскому правительству на протяжении 10 веков, укрепляя его силу и мощь. Мы только начинаем жить, и нам еще предстоит присоединить религию к нации. Нам необходимо создать автономные тюрко-татарские штаты, а это можно сделать лишь при помощи Ислама. Если же… выбросить религию из стен татарских школ, если Ислам отделить от татарской нации – нашим надеждам на самостоятельность не суждено сбыться. Единение Ислама с татарской нацией – залог успешного процветания вновь нарождающихся тюрко-татарских мусульманских штатов»[2].

Таким образом, Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были определены основные принципы взаимоотношений между строящимся молодым Советским государством и религиозными объединениями, которые имели место вплоть до развала СССР. Однако первоначальное проведение Декрета в жизнь было сложнейшим делом, в связи с этим появилась масса запросов с мест как от органов государственной власти, так и от верующих и духовенства. В этой связи Народный комиссариат юстиции и внутренних дел

---

[1] Цит. по: Гордиенко Н. С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: вехи истории / под ред. А. И. Клибанова. – М., 1989. – С. 620.

[2] Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 102.

опубликовал «Циркуляр по вопросу об отделении церкви от государства (декабрь 1918 г.)»[1], а также специальную, имеющую силу закона, инструкцию «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (действовала до 1929 г.) от 24 августа 1918 года[2] и несколько позже «Инструкцию по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства» от 19 июня 1923 года[3].

Настойчиво и последовательно разъясняя ленинский Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» по проведению его в жизнь, Советское правительство в апреле 1918 г. с этой целью создало Межведомственную комиссию при Наркомюсте, а в мае вынесло решение об организации при Народном комиссариате юстиции специального VIII отдела после роспуска Комиссии. Такие же отделы были созданы в губернских Совдепах и губернских комиссариатах юстиции. В целях разъяснения местным органам власти политики партии в отношении религии и церкви, взаимоотношений государства и религиозных объединений, порядка применения отдельных положений Декрета, Наркомюст в 1919–1924 гг. издавал журнал «Революция и церковь»[4].

Провозглашенный в Декрете 1918 г. большевиками изначально курс на искоренение религии из сознания народа постепенно превратил ее в объект методичной и целенаправленной атеистической обработки. Государственно-конфессиональная политика большевистской власти вскоре приобрела антирелигиозный характер, поскольку коммунистическая идеология была пронизана научным атеизмом. Поэтому дальнейшая конфронтация конфессии и Советского государства приобрела наиболее ясно выраженные формы в период Гражданской войны (1918–1920 гг.)[5].

---

[1] См.: Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М., 1971. – С. 58–63.

[2] См.: Там же. С. 63–66.

[3] См.: Там же. С. 66–69.

[4] См.: Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 54.

[5] История отечественного государства и права. Часть I : учебник / под ред. О. И. Чистякова – М., 1999; Курицын В. М., Рожнов С. Н., Гиляров Е. М и др. История отечественного государства и права. IX – начало XX вв. М., 2000.

И. С. Барзилова[1],
профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Сохранение национальных традиций относится, пожалуй, к одной из актуальнейших проблем развития российского права на современном этапе. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью продемонстрировало недопустимость «ломки» сложившихся отечественных традиций в угоду сиюминутным «новомодным» веяниям. Не следует забывать, что в жизни любого общества право играет первостепенную роль. Упорядочивая существующие социальные связи, оно позволяет в той или иной степени воплотить в жизнь постулаты извечных человеческих ценностей, обозначить общие ориентиры в развитии социума. Ценность национального права, как определенной социальной формы, заключается в разумной организации и реформировании всей системы общественных отношений. Упорядочивая и регулируя данную систему в целом, оно позволяет отстаивать и наиболее беспрепятственно удовлетворять интересы государства, общества, отдельных индивидов. По мнению ряда исследователей, в современных условиях данный нормативный регулятор является «прямым выражением, носителем и проводником свободы человека, его высокого статуса», что «уже напрямую отвечает потребностям социальной жизни…»[2]. Собственная ценность права, обусловленная его социальной природой, в известной степени зависит от стадии развития самого общества и существующих в его рамках институтов.

Право содержит в себе ценностные ориентиры, определяющие во многом направление развития всей социальной системы, используе-

---

[1] © Барзилова И. С., 2018.

[2] Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001. – С. 124.

мые правовые средства и ресурсы. Как определенное явление социальной действительности, оно закрепляет значительное количество специальных инструментов, посредством которых достигается его регулирующее воздействие на конкретные виды общественных отношений. Юридический инструментарий в определенной степени позволяет праву как государственно-властному регулятору быть высокочувствительным к природе и имманентной нормативности регулируемых им объектов, так как оно должно не подменять развитие социальной среды, а усиливать, охранять, создавать необходимые условия и ориентиры, давать общее направление и общие цели.

Анализ права с точки зрения политико-идеологического аспекта позволяет говорить о его существенной роли в поддержании авторитета власти, стабильности общественного порядка, сглаживании различного рода социальных конфликтов путем согласования, гармонизации существующих интересов и потребностей. Система юридических норм, имея нормативно-регулятивную значимость, содержит механизмы, которые в той или иной степени способствуют нейтрализации противоречий, приведению конкуренции между индивидами в разумные рамки.

Рассматривая право с позиции его социально-нравственной природы, необходимо отметить его немаловажное значение в реализации идей, заложенных в основе существования всех цивилизованных сообществ.

Универсальное и национальное в праве отражается в его принципах, гарантирующих, в свою очередь, его целостность, сохранение основных свойств и функций при воздействии разнообразных факторов объективной и субъективной реальности. Юридические принципы, как известно, отражают сущность, назначение, закономерности и тенденции развития права, определяют общую направленность правового регулирования и, в конечном счете, обеспечивают нормальное и единообразное развитие и функционирование правовой системы российского общества.

К числу национальных традиций следует отнести принцип равенства. Признавая важность учета качественных характеристик субъектов, их специфических особенностей, право как регулирующая система создает единые правила, требования, предъявляемые к участникам данной разновидности социального взаимодействия. Правовое равенство абстрагировано от фактических различий и поэтому носит формальный характер.

По своей сути равенство в демократическом обществе выступает высшим нормативным принципом права, выражающим его сущность и бытие. Подобная форма императивного долженствования является в определенной степени базовой для формирования иных видов «ценностно-должного в общей аксиологической системе императивного долженствования»[1].

Равенство в российском праве выражает в той или иной степени потребность социума в надлежащей, справедливой упорядоченности общественных отношений, в закреплении должного статуса отдельных индивидов, социальных групп, объединений, организаций и т. д., их прав и свобод. Речь идет о создании равных для субъектов возможностей реализации собственных правомерных интересов и потребностей. Тем самым обеспечивается единство фактического и юридического положения субъектов. Правовое равенство как основополагающий принцип позволяет стандартизировать механизм регулирования общественных отношений. В определенной степени унифицировав все юридические средства. Право во многом определяет степень социальной свободы и активности людей, создает единую упорядоченность и нормативность их поведения.

Выявление общих тенденций развития права, связанных с изменением самих социальных связей, в тоже время сохранение традиций, сложившихся общих подходов в процессе правового регулирования, должны учитываться при модернизации российской правовой системы. Довольно актуальной в этом плане является и проблема использования юридической терминологии в отечественном законодательстве. В большей степени это касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях высокой динамики российского права значительно возрастает. Не случайно за последнее время актуализировались дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим вопросам юридических дефиниций. Необходимость проведения логического анализа применяемых определений предопределена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений в юридических актах.

---

[1] См.: Мальцев В. А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 22; Курицын В. М., Альхименко В. В., Коряков В. П и др. История полиции России. Исторический очерк и основные документы. – М., 2001.

Дефиниции позволяют придать упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство в целом. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно оформляя ее.

Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или наоборот существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований, неоправданным использованием иностранных юридических терминов и конструкций. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе. По всей видимости, имеет место и проблема неполного соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности.

Унификация применяемых законодательных дефиниций обусловлена усложнением юридических понятий и терминов, громоздкостью текстов нормативных правовых актов, что создает трудности в плане осуществления интерпретационной деятельности. Унификация законодательных дефиниций приобретает особое звучание и в плане совершенствования ведомственного нормотворчества, определения которого должны вписываться в общую логически выверенную систему применяемой юридической терминологии как на общефедеральном, так и региональном уровнях.

Точность в формулировании дефиниций нормативных правовых актов позволит избежать возникновения разночтений, тавтологии, неоднозначности в понимании правовых текстов, коллизий между общими и специальными юридическими нормами. Кроме того, правотворческими органами активно «внедряются» в правовую материю абсолютно новые термины, которые нуждаются в дефинировании. Высокую динамику лексики современной российской юриспруденции обуславливают и происходящие миграционные и глобализационные процессы.

Для сохранения национальных традиций в праве необходимо совершенствовать и сами юридические процедуры, понимаемые в общей теории права как система последовательных юридически значимых действий, осуществляемых соответствующими субъектами, закрепленная в действующих нормах права. Юридические процедуры должны быть основаны на единых принципах и подходах, состоять из совокупности согласованных между собой правовых средств, оказывающих воздействие на общественные отношения. Следует учитывать, что процедуры охватывают все виды правовой регламентации длящихся во времени юридических действий и, наряду с правовыми средствами, выступают в качестве составляющих их элементов[1]. Правовые процедуры в целом связаны с реализацией юридических норм, представляя собой последовательно сменяющиеся детально регламентированные поведенческие акты субъектов правоотношений. Они устанавливаются процедурно-организационными нормами и могут носить как нормативный, так и индивидуальный характер. Для юридических процедур характерна строгая последовательность действий, связанная с претворением в практическую действительность норм материального права.

Думается, на современном этапе необходимо уделить особое внимание не только средствам стимулирующего характера, довольно активно исследовавшимся в рамках общей теории права, но и ограничивающего. Подобный подход позволит сохранить на должном уровне императивный метод правового регулирования, существующий в публичных отраслях права, и, в конечном счете, предотвратить «размывание» системы российского права. Рассмотрение в рамках общей теории права приостановлений и запретов позволит повысить качество их закрепления на законодательном уровне; привести в единую систему их определения, используемые в отраслях частного и публичного права; выбрать адекватные средства, приемы, способы юридической техники, применяемые для их нормативной фиксации.

Особенности использования приостановлений предопределены типом правового регулирования, существующего в рамках той или иной отрасли. Приостановления имеют временный характер (например, приостановление на определенный срок статуса, деятельности, процесса) и по своей сути не относятся к мерам юридической ответствен-

---

[1] Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 122–123.

ности. Характеризуясь двойственной природой, они позволяют достигать диаметрально противоположные цели, более гибко и дифференцированно подходить к регулированию общественных отношений. В одних случаях с помощью приостановлений реализуются субъективные права (например, мораторий на удовлетворение требований кредиторов позволяет реализовывать субъективные права должника); в других – предупреждается возможность совершения правонарушения (административное приостановления деятельности); в-третьих – предотвращается возможность возникновения угрозы или снижаются негативные последствия ее наступления и т. п.

Теоретические и методологические проблемы выявления универсального и национального в праве предопределяют на современном этапе особую значимость исследованиям и в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки в целом, нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

Е. О. Бондарь[1],
доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

В. А. Юнева[2],
слушатель ФПСППООП Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 508 учебного взвода

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Наука советского административного права берет свое начало с процесса формирования, становления и развития советского государства и права в годы революции 1917 года. В этот период времени наука административного права возникла как отрасль права, регулирующая

[1] © Бондарь Е. О., 2018.
[2] © Юнева В. А., 2018.

отношения в сфере управления. Но, к сожалению, развитие административного права в первые годы советской власти происходило достаточно медленно. Советское государство с начала марта 1918 – до конца 1918 гг. больше обращало внимание на проблемы государственного управления, экономики, а также на политические противоречия.

Вместе с тем ее развитие в первые годы советской власти не было достаточно активным. Советское государство с начала марта 1918 – до конца 1918 гг. основное свое внимание сосредоточило на проблемах экономического, военно-политического характера и государственного управления. В первые годы существования Советов в России продолжали действовать административные нормы дореволюционной (царской) России. Объем нормативного материала значительно возрос в годы Февральской революции 1917 года, в законодательстве которой были намечены пути решения возникших проблем в государственном управлении.

Главной особенностью советской модели организации науки определялось ее формирование в условиях авторитарного централизованного государства: партийно-государственная направленность создания необходимых условий для развития практически всех крупных отраслей знаний, концентрация научных ресурсов на основных направлениях научно-технического прогресса. Ведомственный подход к реализации государственных планов обусловил формирование академического, вузовского секторов науки. Был развернут целый комплекс научных исследований в различных отраслях, в том числе и гуманитарных дисциплин. При этом положительные результаты отечественной науки были получены не без труда: для этого были приложены большие усилия. Жесткая централизованная система управления в науке приводила к потере возможности свободного развития научного и технического прогресса. В некоторых случаях усматривалась консервация структуры сети научных учреждений, выделялись авторитарные методы управления.

Необходимо отметить определенный период пассивного процесса развития науки советского административного права. В начале 1930-х годов разработка проблем науки административного права была приостановлена, аргументируя это так называемым «отмиранием права». В связи с запретом на преподавание курса административного права в высших учебных заведениях юриспруденции, возникло распространенное ошибочное мнение об идеи «отмирания права» в период строительства социализма, которая в тот период времени поддерживалась

многими юристами. Однако впоследствии ошибочность этой теории оказалась очевидной.

Следует отметить определенную интенсивность в развитии науки административного права после Великой Отечественной войны. Начиная с 1946 года, стало издаваться большое количество учебников, учебных пособий, монографий и иных работ по административному праву, в которых затрагивались наиболее важные аспекты административного права, касающиеся вопросов отраслевого и частного характера.

В методологическую основу науки советского административного права были положены следующие принципы, являющиеся антиобщественными: партийность, идейность, классовый подход к изучению буржуазного административного права.

В последние годы, предшествовавшие распаду СССР, на определение приоритетных направлений фундаментальной науки оказали большое влияние ведомственные интересы, которые подавляли объективные потребности развития науки, экономики и общества.

Теперь следует остановиться на первых публикациях по административному праву, которые появляются в начале 1920-х годов. Так, в Академии наук в этот период времени был подготовлен и опубликован доклад на тему «Административный кодекс».

Среди первых исследователей административного права к концу 1920–30-х годов следует назвать С. М. Берцинского, С. С. Болтинова, И. Н. Ананова, М. Е. Климова, А. А. Мымова, С. С. Кравчука, С. С. Студеникина, А. М. Турубинера.

Исследования касались определения предмета, понятия, целей и задач административного права. Наибольший интерес вызывала тема выявления причин сохранения элементов бюрократизма в деятельности аппарата государственного управления, разработка проблем борьбы с бюрократизмом, выработка рекомендаций по совершенствованию государственного аппарата. Вышли в свет издания, касающиеся государственного управления таких авторов, как: Е. Б. Пашуканис, М. П. Карева, В. С. Ундревич.

В 1935–40-х годах увеличился круг обсуждаемых проблем. Естественно, принятие Конституции 1936 года повлекло за собой несколько иную специализацию государственно-правовой проблематики. По решению Президиума АН СССР от 5 октября 1936 года появился Институт государства и права АН СССР. После реорганизации в его составе появилась секция «Государственное и административное

право». В 1938 году штат института насчитывал 100 человек, в 1939 – 129 человек, к 1940 году в составе института было два академика, три члена-корреспондента, 16 профессоров и 10 кандидатов наук. Но, к сожалению, следует констатировать, что круг проблем, постановка интересной проблематики, выходящей за рамки официальной идеологии, возможность вести международное научное сотрудничество были узкими и почти невозможными с практической точки зрения.

Увеличение объема исследований по административному праву происходит активными всплесками в 1938–41-х годах и 1956–59-х годах.

Попытки ряда ученых систематизировать нормы административного права и связать их с субъектами (органами государственного управления, государственными служащими, общественными объединениями и гражданами) не встретили поддержки. Необоснованная критика, репрессии против талантливых ученых, ограничение и разрыв связей с мировой наукой – тот фон, на котором развивалась наука того времени.

В 1940-х годах выходят в свет первые советские монографии и учебная литература по административному праву. В этом направлении плодотворно трудились С. С. Студеникин, С. М. Берцинский, И. П. Трайнин, И. Н. Ананов, Г. И. Петров, И. Д. Левин, А. Е. Лунев и другие.

Были защищены блестящие докторские диссертации по теории административного права: И. И. Евтихиевым – «Виды и формы административной деятельности» (1948), С. С. Студеникиным – «Нормы административного права и их применение» (1949).

В 1980–90-х годах в советской науке административного права существенных изменений не произошло. Научные исследования в области административного права развивались в продолжение советского государственного права. Усилились связи советских исследователей с зарубежными учеными стран социалистического блока. Ряд разработок и исследований велись Б. М. Лазаревым, А. П. Клюшниченко, В. М. Манохиным, Л. М. Колодкиным, Н. М. Кониным, А. П. Кореневым, Ю. М. Козловым, Л. Л. Поповым, Н. Г. Салищевой и многими другими.

Повысился интерес к проблемам ответственности должностных лиц и действий административных органов, юридической ответственности и ее административно-правовые и административно-деликтные аспекты, проблемы модернизации административно-правовой науки, административного права и законодательства.

Особо следует отметить достижение науки административного права: издание шеститомного курса «Советское административное право», большая заслуга в подготовке которого принадлежит Ю. М. Козлову, Б. М. Лазареву, А. Е. Луневу, М. И. Пискотину и другим. Содержание курса включало:

1. Методы и формы государственного управления (1977).
2. Государственное управление и административное право (1978).
3. Управление в области административно-политической деятельности (1979).
4. Управление социально-культурным строительством (1980).
5. Основы управления народным хозяйством (1981).
6. Управление отраслями народного хозяйства (1982).

Следует отметить, что советская наука административного права в своем развитии прошла ряд этапов:

– 1918–20-е годы – этап становления и разработки методов марксистско-ленинской науки административного права;

– 1930–40-е годы – этап закрепления понятия, предмета, целей и задач административного права. Выход в свет новых публикаций монографического характера.

– 1960–90-е годы – этап совершенствования процесса управления в соответствующих сферах и отраслях.

Советское административное право являлось системой юридических норм, регулировавших общественные отношения в сфере государственного управления в целях осуществления задач коммунистического строительства.

Отвергая принцип разделения властей, государственное управление имело специфические признаки, в числе которых вертикальность (субординация, иерархичность) системы исполнительно-распорядительных органов; реализация юридически-властных полномочий в административном порядке; административное правотворчество (правоприменение и правоустановление); включение в систему государственного управления не только исполнительно-распорядительных органов, но и всех звеньев управленческого аппарата[1].

В таком их понимании органы исполнительного аппарата государственной власти (администрации) являлись основным звеном практи-

[1] Маилян С. С. Режимная организация миграционной службы // Миграционное право. – 2006. – № 1. – С. 32–35.

ческой реализации законодательства, а также иных правовых актов органов государственной власти, т. е. Советов различных уровней. В своем организационном строении эти органы оказались «связаны» прямо или непосредственно с системой Советов народных депутатов.

Важно также отметить, что по Конституции СССР и действующему советскому законодательству только Советы всех уровней относили к числу органов государственной власти, а правительство являлось «исполнительным и распорядительным органом государственной власти». Все иные органы государственного управления (в том числе судебные) не имели никакого отношения к механизму государственной власти, что не отражало действительности.

Кроме того, практика государственного управления экономикой в СССР показывает нам, что в этой сфере фактически преобладали элементы ничем не ограниченного вмешательства «сверху» в производственную деятельность предприятий (директирование, обязательные поставки), которые были лишены самостоятельности, и подобная система получила наименование «командно-бюрократической». Возможность существования такой системы была возможна лишь благодаря монополизму КПСС и сращиванию с конца 1920-х годов партийного и советского аппаратов. Данная система нашла свое выражение в крайней бюрократическо-партийной централизации руководства хозяйственной и социальной жизнью, бесконтрольности и безответственности управленческого аппарата, концентрации в руках государственно-партийного аппарата значительного объема властных полномочий распорядительного характера. Единственным средством достижения задач управления в командно-бюрократической системе СССР были прямые предписания принудительного характера, порождавшее слепое исполнительство. Аппарат управления являлся бюрократической надстройкой над сферой управления[1].

Подводя итог всему вышесказанному, история развития советской науки административного права несет в себе особенности как теоретического, так и исторического познания. Истории развития административного права были свойственны определенные процессы государственно-правовых явлений. Отсюда следует, что административное право в целом вне государственно-правовых явлений не существовало.

---

[1] Недобежкин С. В., Милованова Л. В. Реорганизация органов внутренних дел России в период деятельности Временного правительства (февраль 1917 г. – октябрь 1917 г.). М., 2002.

Накопление массы законодательного материала (норм) административного права идет медленно и противоречиво. Эффективность правового регулирования во многом зависит от того, насколько содержание права адекватно потребностям развития общественных отношений.

П. В. Васильев[1],
заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

О МЕТОДЕ НАУЧНОГО ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И СТРУКТУРНОМ КРИТЕРИИ ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблема идентификации метода, использованного для познания какого-либо правового явления, заключается в том, что исследователи правовой реальности зачастую не осознают ни самого факта применения того или иного метода для получения представляемых научной общественности результатов, ни адекватности методологического арсенала, использованного для этого. Данное утверждение основано на том, что исследователи зачастую не могут ответить на два вопроса: «Как Вы использовали упомянутый в исследовании метод?» и «Какие методы Вы использовали для получения представленного научного результата?».

Достаточно часто мыслительные процессы не нуждаются в сознательном контроле применяемых методов, так как человеческое мышление по природе своей логично, что обеспечивает способность людей достигать понимания друг друга[2]. Изучая выбранный предмет, познающий субъект фокусирует свое внимания только на нем, упуская методическую составляющую познавательного процесса. Этот феномен описан в монографии М. Полани «Личностное знание» как неявное, фоновое, периферийное, имплицитное знание[3]. Выбор методологиче-

---

[1] © Васильев П. В., 2018.

[2] Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика : учеб. для юрид. вузов / под ред. В. И. Кириллова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 6.

[3] Полани М. Личностное знание. – М. : Прогресс, 1985. – С. 96.

ской позиции почти всегда обусловлен общими и особенными мировоззренческими установками авторов, весьма метко раскрытыми Ф. Бэконом в учении об идолах[1]. Указанное в совокупности с другими наблюдениями позволяет сделать вывод о том, что методологическое знание в юридической науке является скорее имплицитными, чем эксплицитными.

Проблема невозможности определения конкретного метода получения научного результата в значительной степени обусловлена отсутствием тех критериев, которые позволили бы различать, идентифицировать методы познания.

Сам метод познания изучается и определяется наукой неоднозначно. Р. Декарт понимал метод как набор точных и простых правил, строгое следование которым всегда препятствует принятию ложного за истинное и, без лишней траты умственных сил, но постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно[2]. Р. Лукич определил метод научного исследования как действие, акт, в результате которого достигается определенная цель, а также вид и способ выполнения такого действия[3]. Г. И. Рузавин полагает возможным рассматривать метод научного исследования в качестве некоторой систематической процедуры, состоящей из совершаемых последовательно определенных операций, которые либо приводят к достижению цели, либо приближают исследователя к ней[4].

Изучение представленных и других определений метода научного исследования позволяет заключить, что чаще всего метод определяют как «кратчайший путь», «способ» или «инструмент». В юриспруденции метод изучения определяется как способ (или совокупность способов), с помощью которого изучается предмет[5]. Изучая методологию научных юридических исследований, следует учитывать особенности юридической науки. Одна из них заключается в том, что познание гос-

---

[1] См.: Бэкон Ф. Новый органон / пер. С. Красильщикова. – Л. : ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935. – С. 116–128.

[2] Декарт Р. Избранные произведения. – М. : Политиздат, 1950. – С. 89.

[3] Лукич Р. Методология права. – М. : Прогресс, 1981. – С. 32.

[4] Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособ. для вузов. – М., 2012. С. 6

[5] Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2003. – С. 12.

ударственно-правовой реальности предполагает использование различных форм существования информации в качестве основного познавательного средства. Иначе говоря, юридические исследования проводятся, главным образом, путем использования различных информационных средств, в отличие, например, от естественнонаучных и технических, предполагающих оперирование приборами, химическими реагентами и другими неинформационными материальными объектами. Таким образом, научное юридическое исследование, образно говоря, можно представить как оперирование имеющейся информацией для получения новых данных о государственно-правовой реальности. Однако имеющаяся информация о государственно-правовой реальности в ходе научной юридической деятельности может принимать различные формы как овеществленные (анкеты, тесты и др.), так и не овеществленные (организованное внимание наблюдателя, классификационный признак, критерий для сравнения и др.). При этом различные формы имеющейся информации о государственно-правовой реальности в процессе конкретного юридического исследования, сохраняя относительную самостоятельность, могут весьма существенно взаимодействовать между собой и образовывать сложные системные связи. Полагаем, что именно это обстоятельство обуславливает невозможность отграничения одного метода научного юридического исследования от другого.

Принимая во внимание наличие разноплановых (причинно-следственных, функциональных, закономерных, стохастических и др.) связей, образованных различными формами имеющейся информации о государственно-правовой реальности в ходе познавательной деятельности, мы предлагаем понимать метод научного юридического исследования в качестве системы информационных познавательных средств (инструментов), применяемых в соответствии с парадигмально определенной методикой для получения новой научной информации о каком-либо предметном аспекте государственно-правовой реальности.

Данное определение ориентирует на структурные элементы метода научного исследования. Полагаем, что именно **структура метода научного юридического исследования** способна стать тем критерием, который позволит решить обозначенную выше проблему идентификации того или иного метода исследования.

В научной литературе высказана позиция Г. Н. Кузьменко и Г. П. Отюцкого, согласно которым в структуре каждого конкретного метода научного исследования имеются объективно-содержательный,

операциональный и праксеологический аспекты[1]. В целом мы склонны разделить такой подход к пониманию структуры метода познания. Однако проследить и абсолютно четко разграничить все три аспекта (особенно объективно-содержательный с праксеологическим) оказалось весьма затруднительным.

Существенным достижением в познании метода научного исследования считаем монографию И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования». В структуре метода исследования автор выделил его теорию, состоящую из подхода и принципа, методику и технику[2].

Отметим, что существенных противоречий между указанными двумя подходами нами не обнаружено. Однако нам представляется, что термином «теория» охватывается весьма большое количество самостоятельных явлений. Более удачным видится термин «парадигма метода научного исследования», понимаемый как признанная модель постановки и решения научной проблемы[3].

Парадигма метода определяет его познавательные возможности. Полагаем, что она структурно состоит, как минимум, из трех компонентов: подхода, принципов и законов (закономерностей) познания. Под **подходом** в данном случае понимается определение более широкого явления, включающего в себя понятийное отражение изучаемого предмета[4]. Подход выбирается исследователем, исходя из собственных мировоззренческих установок, роль которых хорошо отражена в работах Ю. Е. Аврутина[5], Д. А. Керимова[6] и других авторов. Наилучшим образом значение выбора подхода к осмыслению того или иного юридического явления иллюстрирует дискуссия о природе права, в которой последнее представляется как формализованная в нормативных предписаниях воля государства (юридический позитивизм), как совокупность свойственных человеку от природы и неотчуждаемых от него

---

[1] Кузьменко Г. Н. Философия и методология науки : учебник для магистратуры. – М. : Юрайт, 2014. – С. 205.

[2] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. С. 42–44.

[3] См.: Т. Кун. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. – М. : Прогресс, 1977. – С. 11.

[4] Обратим внимание на то, что в подход включается не сам предмет, являющийся изучаемой областью реальности, а именно его научное отражение.

[5] Аврутин Ю. Е. Избранные труды. О государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве. СПб., 2017. С. 28.

[6] Керимов Д. А. Методология права. М., 2000. С. 46.

качеств (юснатурализм), как реально существующие общественные отношения (социологический подход), как психические явления и процессы, обуславливающие юридически-значимое поведение человека (психологический подход) и в других ипостасях. Значение выбора подхода становится очевидным тогда, когда возникает необходимость определиться с авторским видением предмета. Например, разрабатывая дефиниции каких-либо явлений, авторы часто предлагают понимать их через весьма широкие понятия. В этих случаях применяется способ построения определения через родовое сходство и видовое отличие. Однако нередко встречаются определения через местоимение «то», которое не только не проясняет сказанного, но и вообще может быть заменено словом «нечто». По поводу значимости определения подхода при идентификации метода научного юридического исследования отметим закономерность: чем более четко сформулирован подход, тем лучше можно оценить практическую и теоретическую состоятельность авторской позиции.

Принцип в парадигме метода является основополагающей идеей, определяющей познавательный потенциал метода и в целом описывающей переход от незнания к знанию о предмете исследования. Полагаем, что каждый метод юридического познания в своей парадигме имеет общие принципы научного познания: познаваемости объективного мира, всесторонности, комплексности, объективности, верификации, фальсификации и др. Однако для применения отдельных методов важна реализация их особенных принципов. Так, сравнительно-правовой метод основан на принципе одноуровневости сравниваемых объектов, выборочный опрос – на репрезентативности выборки и т. д. В парадигме метода юридического исследования принципов всегда несколько. Это отличает принцип от подхода, который может быть только один. Принцип в структуре научного юридического исследования является определенным методологическим ориентиром познавательной деятельности, позволяющим обеспечить истинность результата.

В отличие от принципа **закон (закономерность)** представляет собой объективно существующую необходимую связь между явлениями, внутреннюю существенную взаимосвязь между причиной и следствием, устойчивое отношение между явлениями[1]. При всем суще-

[1] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – С. 327.

ственном различии закона и закономерности по критерию необходимости – вероятности, в данном исследовании мы не разделяем их, так как в структуре метода научного юридического исследования они выполняют одну и ту же роль. В отличие от принципа, закон (закономерность) познания определяет алгоритм применения познавательного инструментария. Так, например, если мы диалектически изучаем предмет в его развитии, то методологически правильным является указание на диалектическое противоречие, борьбу противоположностей, которая обуславливает наблюдаемое изменение, отслеживание перехода количественных изменений в качественные и обратно, а также отрицание тех свойств, которые предмет приобретает и утрачивает в изучаемом периоде. Если мы метафизически одномоментно «схватываем» предмет, то прослеживание изменений не требуется, а основной закономерностью познания является связь между имеющейся и получаемой информацией, обеспечивающая описательную точность.

На основании изложенного полагаем, что парадигма в структуре метода научного юридического исследования определяет его общие познавательные возможности и в своей целостности является уникальным признаком конкретного метода научного юридического познания. Обнаружение отличий в парадигмах методов будет, в свою очередь, свидетельствовать о том, что перед нами различные методы исследования.

Ознакомление с источниками по поводу структуры метода научного юридического исследования нам не позволило обнаружить термин, целостно отражающий часть метода, не относящегося к парадигме. Полагаем возможным, данную часть метода условно назвать **инструментально-методической**, так как она четко отграничивается от парадигмы и является совокупностью конкретных познавательных средств[1] и методик их применения.

---

[1] Однако в литературе по методологии науки имеется мнение о том, что метод познания состоит только из правил, принципов познания. Такой позиции придерживается В. М. Сырых, один из наиболее известных отечественных теоретиков права. Полагаем, что ученый прав, если иметь в виду структуру метода всей науки теории государства и права. Но можно ли из данного суждения дедуцировать частный вывод о том, что метод научного правового исследования состоит только из правил и принципов познания? Вряд ли. В связи с этим в настоящей статье мы основываемся на различии метода юридической науки и метода правового исследования, структура которого является предметом данной работы.

По поводу средств научного юридического познания отметим следующее. В естественных науках, например, средствами являются технические приборы (телескопы и микроскопы, вольтметры и амперметры и др.), химические реагенты, измерительные принадлежности и другие физические объекты. Но применимы ли они к познанию государственно-правовой реальности? Полагаем, что в отдельных случаях применимы, но только для получения эмпирического знания. Для определения сущности и закономерностей возникновения, изменения, функционирования и прекращения существования предметов научных юридических исследований, приборы или иные вещественные средства не применимы. Как было изложены выше, под **инструментом научного юридического познания** следует понимать информацию, независимо от ее формы и носителя, которая используется для воздействия на объект познания в целях получения новых сведений о предмете.

Инструменты научного юридического познания различаются по форме существования информации. При этом по критерию степени (по уровню) обобщения результатов информация может быть классифицирована на эмпирическую и теоретическую. Конкретными средствами познания эмпирического уровня могут быть вопросы анкет, установка во внимании наблюдателя. На теоретическом (метатеоретическом) уровне познания средствами являются понятия и категории, а также суждения и умозаключения. Однако данная позиция оспаривается. Ее противником является В. М. Сырых, полагающий, что включение понятийного аппарата в метод является несостоятельным и соответствует действительному соотношению теории и метода науки[1]. Однако сам автор далее утверждает, что категории и понятия используются на всех стадиях познания и *вооружают* познающего субъекта[2]. Полагаем, что познавательные средства вооружают познающего субъекта в процессе осуществления исследовательской деятельности, как, например, рентген аппарат вооружает рентгенолога в ходе рентгенографии. Можно ли проводить последнюю без такого аппарата? Полагаем, что нет. А можно ли познавать государственно-правовую реальность без соответствующих понятий и категорий? Тоже вряд ли. По причине неразрывности средств и методик познания в научной иссле-

[1] Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – С. 92.

[2] Там же. С. 92.

довательской деятельности мы предлагаем не исключать средства познания из структуры метода научного юридического исследования. Кроме того, предлагаемое понимание информации как средства познания используется теорией систем. Так, О. Г. Аполов считает, что системные элементы сами могут быть понятиями. В этом случае мы имеем дело с понятийной системой (инструментом познания)[1].

Учитывая сказанное, полагаем, что **средство метода научного юридического познания** – это организованная особым образом информация, используемая для получения новых сведений о каком-либо предметном аспекте государственно-правовой реальности. Для определения указанного средства надо ответить на вопрос: «*что* именно применяется для получения научного результата?».

Понимание методической части метода разработано в современной науке гораздо шире и глубже. Авторы сходятся в понимании **методики научного познания** как системы познавательных процедур и операций, осуществляемых для получения результата – нового знания о государственно-правовой реальности. Мы солидаризируемся с И. Д. Ковальченко в том, что операция является простейшим познавательным действием (например, сложение или вычитание количественных показателей), в то время как процедура – это уже совокупность определенных операций (например, наблюдение, классификация измерение). Определять методику применения средств научного юридического исследования следует, отвечая на вопрос: «*КАК* именно применяются средства познания для получения научного результата?».

Обозначив компоненты структуры метода научного юридического исследования, мы можем обоснованно предположить, что если в ходе исследовательской деятельности устанавливается тождество парадигмы и инструментально-методической части различно называемых методов, то перед нами один и тот же метод, только по-разному названный. Если различия усматриваются только в инструментально-методической части, то, по всей видимости, можно сделать вывод о тождестве применяемых методов. Однако установление различий в парадигме свидетельствует о том, что с высокой степенью вероятности перед нами либо различные методы, либо весьма существенные модификации одного и того же метода. Таким образом, структура метода научного юридического исследования вполне может являться критерием его идентификации.

---

[1] Аполов О. Г. Теория систем и системный анализ : курс лекций. – Уфа, 2012. – С. 24.

Значение понимания структуры метода научного юридического исследования как критерия его идентификации заключается в следующем. Во-первых, появляется возможность сравнивать парадигмы, а также познавательные средства и методики их применения для получения нового научного знания о государственно-правовой реальности. Во-вторых, это поможет сделать методологическое знание более эксплицитным, то есть осознанно применяемым в юридической науке. В-третьих, в дальнейшем это позволит решить проблему методологического хаоса[1], заключающуюся в обозначении одних и тех же методов различными терминами.

А. Ю. Гарашко[2],
доцент кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ ПРАВА

Право является самым сложным и многозначным понятием в юридической науке. Проблемам правопонимания и формулировке определения данного понятия посвящены работы многих ученых, представляющих все многообразие направлений, теорий, концепций и научных школ в праве. Между тем до настоящего времени так и не удалось достичь единства и сформировать унитарную позицию по вопросам: что понимать под правом, возникло ли право вместе с государством, существует ли альтернатива государственному праву?

Данная научная статья представляет собой авторское видение ответов на указанные вопросы, сложившееся в рамках системы широкого правопонимания, то есть такого взгляда на природу и сущность права,

---

[1] Несмотря на то, что автор не использует термин «методологический хаос» для обозначения явления, описывает он именно его. Подробнее см.: Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 4 (26). С. 254–270; Курицын В. М., Косицын А. П., Гайдуков Д. А. и др. История советского государства и права. – Книга 3. – М., 1985.

[2] © Гарашко А. Ю., 2018.

который, не ограничиваясь единой идейной основой (в отличие от большинства сложившихся концепций и теорий правопонимания), предусматривает плюрализм позиций и комплекс факторов, причин и условий, приведших к появлению права.

С возникновением первых человеческих общностей (родов, общин, племен), возникла необходимость в упорядочивании жизни их членов, распределении обязанностей, установлении взаимоотношений с иными социальными группами, фиксации функциональных статусов в целях оптимизации удовлетворения потребностей, решения возникающих конфликтов и противоречий[1]. Так появилась хронологически первая форма общественного права – мононормы. Это первичные социальные правила поведения, выполнение которых обеспечивало нормальную организацию общественной жизни. Мононормы представляли собой уникальную форму права – синкретичное протоправо, объединившее в себе не только правовые начала, но и отделившиеся от него в дальнейшем, по мере усложнения общественной жизни и сознания, моральные и религиозные правила. Данные нормы реализовывались в форме складывающихся органично жизни социума обычаев, традиций, ритуалов, мифов, обрядов, привычек, табу, церемоний и т. д. Именно их следует называть способами закрепления общественного права в его первичной форме, отличая при этом от источников общественного права. Источниками такого права выступали социальная реальность и складывающиеся в ней общественные отношения, берущие начала в правосознании древних людей. Право брало начало в социальной жизни, складывалось в контексте естественных факторов человеческой природы, носило характер коллективности, добровольности, сознательности и обыденности. Нормы общественного права формировались людьми, оптимизировали их жизнедеятельность, служили человеку и его месту в коллективе.

Таким образом, общественное право исторически появилось вместе с человеком, его правовыми чувствами, свойствами и представлениями, задолго до возникновения первых государств, так как стабилизация общественной жизни – цель, прежде всего, самого человека.

По мере появления увеличения численности племен, их географической удаленности стали появляться нормы, характерные только для

---

[1] При этом следует отметить, что первые разумные люди появились приблизительно 70–60 тыс. лет назад, в то время как первые государства – примерно 5 тыс. лет назад. В этом промежутке жизнь людей также упорядочивалась и регулировалась отдельными социальными нормами или протоправом.

данных сообществ, неизвестные и (или) непризнаваемые другими социальными группами. Под воздействием этого фактора, а также иных многочисленных предпосылок (экономических, социальных, климатических, психологических и др.) появились первые протогосударства, из которых в дальнейшем сформировались известные и привычные для современной науки государства. По мере разрастания государств, централизации власти в руках, представляющих их аппаратах и механизмах государственных органов, стало актуальным определить наиболее удобные и результативные механизмы управления большими социальными общностями (жителями государств). Так появилось государственное право – система установленных и гарантированных государством правил поведения, регулирующих общественные отношения и закрепленные в официальных источниках права (нормативных правовых актах).

Между тем, параллельно с государственным, продолжало существовать общественное право, постепенно отодвигаемое на «второй план». По мере роста числа и значимости государственных образований происходила эскалация места и роли норм права государства в общественной жизни.

Этот удобный и эффективный механизм управления другими людьми оправдывал свое существование такими преимуществами по отношению к общественному праву, как формальная закрепленность (позволяющая донести волю законодателя до большей части населения в единой редакции и предполагающая одинаковую модель действия всех членов общества), системность (позволяющая оперативно проводить работу по изменению и дополнению действующего законодательства, успешно воздействовать нормативной базой), гарантированность государственным силовым ресурсом (невыполнение норм государственного права служит основанием для применения мер государственного принуждения, наказания и юридической ответственности, реализуемых сотрудниками специально подготавливаемых органов власти при применении ими специальных средств и инструментов).

Следует отметить, что право, представляющее собой единый комплекс государственного и общественного правовых начал, неизбежно «отклоняется» в сторону одного из них. Так превалирование в правовой жизни государственных начал привело к снижению роли принципов и элементов общественного права, которое из-за своей синкретич-

ности было «размыто» в других формах общественного сознания (морали и религии) и постепенно нивелировалось из правосознания членов социума. Жизнь людей с появлением государств стала все больше регулироваться государственно установленными правилами-шаблонами поведения, а государственное право становилось все более оппозиционным общественному праву.

Период буржуазных революций в Западной Европе и США (XVII–XVIII вв.) с его идеалами правового демократического республиканского государства привел к имплементации отдельных элементов естественного (общественного) права в основные законы государства[1]. Так на уровне конституций и международных правовых актов (биллей, хартий, пактов, деклараций, конвенций) были закреплены принципы обоснования права на народном волеизъявлении, равноправии, свободе слова, передвижения, запрещающих пытки и унижающие человеческое достоинство мерах принуждения и т. д.[2] Кроме того, на государственном уровне были признаны принципиальные начала местного самоуправления, нормы муниципального права; была создана система органов власти на местах, по своей первоначальной идее независимая от органов государственной власти и также способная создавать локальное право[3]. Однако на практике появилась дополнительная иерархическая организация власти, фактически полностью зависимая от государственных указаний, в самостоятельном ведении которой юридически оказалось решение лишь самых незначительных территориальных проблем.

За счет таких «уступок и заимствований» государственное право способно приобретать легитимность и безусловную общественную

---

[1] См.: Мамонтов А. Г., Оксамытный В. В., Иванов С. А. и др. Сравнительное правоведение : учеб. пособие. – М. : МосУ МВД России, 2013; Рязанова Н. А. Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М. : МосУ МВД России, 2012; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.

[2] См.: Декларация прав человека и гражданина. (Принята 26.08.1789). Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособ. – 8-е изд., исправл. и доп. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 117–119; Декларация независимости США, 1776; Билль о правах. США, 1789 // URL: http://www.grinchevskiy.ru/17-18/bill-o-pravah.php.

[3] Рыжов А. А. Специфика муниципального права // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 3. – С. 3–6.

поддержку, так как принципы общественного права, категории морали, социальные обычаи – то, что органично человеку по его природе, и управляло его жизнью еще в догосударственный период. Так общественное право, продолжая существовать параллельно и в тени государственного права, находило отдельные формы закрепления в актах государственной власти. Однако следует отметить что, наряду с высокой степенью легитимности общественных начал, зафиксированных в нормативных правовых актах, они характеризуются значительной абстрактностью и декларативностью. Это значит, что в реальности практически отсутствуют рабочие механизмы их реализации и непосредственного применения, что, кроме всего прочего, осложнено оценочной спецификой содержания, неоднозначностью толкования, например, таких понятий, как справедливость, равенство, свобода и прочее. Целесообразным с точки зрения науки представляется определение таких форм, зафиксированных в государственно правовых актах или актах местного самоуправления, соответствующих им и преследующих решение двойственных задач, как квазиформ общественного права.

Между тем, наряду с квазиобщественным правом, на фоне «конфликтности и конкуренции» государственных и социальных правовых начал продолжают формироваться правила, в своей совокупности образующие групповое право. Групповое право – плюралистичная по своему содержанию форма общественного права, включающая существующие параллельно с государственными нормы поведения всего многообразия социальных объединений. Так следует, например, говорить о церковном, обычном, крестьянском, купеческом (торговом), городском, разбойничьем праве, праве различных классов и сословий, различных светских отношениях и прочих видах группового права[1].

В настоящее время, по мере усложнения организации жизни общества, появления все большего числа социальных единств и увеличения масштабов социальной стратификации и дифференциации, независимо (а иногда и оппозиционно) от государства формируются многочисленные системы правил поведения, принятые к исполнению в тех или иных сообществах. Групповое право, как одна из форм общественного права, представляет сложную систему, в свою очередь делящуюся по ряду критериев на отдельные виды.

---

[1] См.: Knapp L. System der Rechtsphilosophie / L. Knapp. – Erlangen : Verlag von Ferdinand Enke, 1857. – 246 p.; Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии / Н. К. Ренненкампф – М. : Книга по Требованию, 2011. – 290 с.

Так, с появлением все большего числа сфер профессиональной деятельности, увеличивается число видов *группового профессионального права* (*нормы поведения, распространенные в сфере бизнеса, компьютерных технологий; промышленное, военное, полицейское, судебное право* и др.).

По этническому критерию можно выделить *национальное право (кавказские адаты, право пермских народов, народов севера, сибирских этносов* и др.). Его основным отличием от сложившегося в правовой теории понятия «национальное право», означающего право внутри границ отдельного государства, наряду с автономией от последнего, является отсутствие территориальных границ. Государства-нации с собственными правовыми системами в настоящее время уступили место полинациональным и поликультурным государственным образованиям, право национальностей которых распространяет свое действие вне зависимости от юридического территориального лимитирования.

Критерий конфессиональности позволяет выделить *религиозное или церковное право (исламское, каноническое, буддийское, индийское)*. Такое право наиболее ярко проявляет себя в государствах с теократической формой правления (мусульманские страны, Ватикан и т. д.).

Классовая составляющая дифференцирует групповое право в зависимости от социального статуса (*элитарное право, крестьянское, право рабочих, интеллигенции, феодальное право, право люмпенов,* т. д.).

Политический критерий позволяет делить групповое право в зависимости от политических взглядов и позиций членов политических групп (*право различных партий, фракций, союзов, блоков*). К этому же виду группового права необходимо относить *право гражданского общества*, как правила поведения наиболее активных и ответственных представителей общества, стремящихся оказывать воздействие на правящие в государстве социальные круги. Данный вид группового права характеризуется локализацией внутри конкретных государств, так как, по сути, является оппозиционным конкретному государственному праву.

Культура также выступает критерием обозначения права различных сообществ, объединенных общими культурными корнями, ценностями, вкусами (*право представителей западной и восточной культуры, культуры различных народов мира*)[1].

Географическая составляющая делает очевидным *право северных народов, южан, жителей островов и материков и др.*

Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер и иные представители психологической школы права помещали в основание деления права на виды особенности человеческой психики. Так, выделяется *интуитивное, неофициальное, индивидуальное, субъективное, лично-свободное право* и др.[2]

Существуют и иные критерии для деления группового права на виды. Их основным признаком является автономность, прежде всего, от государственного права (это однако далеко не всегда означает противодействие ему)[3], слабая формализованность и добровольность как выполнения данных норм, так и несения ответственности в случае их нарушения. Общественное принуждение в данном случае тождественно самопринуждению. Нежелание подвергаться установленным формам наказания влечет за собой уход или изгнание из данного сообщества (остракизм).

При этом конкретная личность может быть субъектом сразу нескольких видов права, в зависимости от принадлежности к той или иной группе.

---

[1] Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.

[2] См.: Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1908; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Ч. 2. – М. : Изд-во Юрайт, 2017; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201.

[3] Исключением является теневое право, представляющее собой систему правил криминальных сообществ. Такое право, наряду с его оппозиционностью государственному праву, высоким уровнем латентности и неофициальности, подкрепляется высокоразвитой субкультурной составляющей (пенитенциарная субкультура: наколки, статусы, обязанности, роли и др.).

В то же время необходимо различать виды группового права как формы общественного права от отраслей государственного права, которые порой фиксируют юридический статус тех же субъектов. Например, спортивное право можно рассматривать как совокупность норм международных документов и государственного права, регламентирующих отношения, складывающиеся в сфере спорта. Но вместе с тем существуют негласные неофициальные правила поведения, упрощающие и оптимизирующие профессиональную деятельность спортсменов (так называемые, техника безопасности, тактические приемы, культура тренажерного зала, спортивный этикет и т. д.). Критерием деления государственного права на отрасли являются предмет и метод правового регулирования. В основу дифференциации на виды в рамках государственного права кладутся субъектный состав, логика и механизм регуляции.

Таким образом, общественное право – система правил поведения, возникающая вместе с человеком разумным, служащая наиболее целесообразному и соответствующему природе социума регулированию его жизни, часто не имеющая формального закрепления и создаваемая отдельно от государственных органов власти в контексте стихийности общественных отношений. По мере появления государства и государственного права, развития жизни общества, менялось и общественное право. Так, его основными формами следует назвать догосударственные мононормы (протоправо), квазиобщественное право, создаваемое государством для легитимации собственной правовой активности, и наиболее распространенное и многообразное по моделям своего выражения групповое общественное право.

Д. С. Давидов[1],
преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИУДЕЙСКОГО ПРАВА

Прежде чем раскрыть исторические основы иудейского права, считаю целесообразным определиться с понятием «иудейское право», так как оно является древнейшим религиозным правом, история которого насчитывает более 3 тысячелетий.

Иудейское право – это система социальных норм, религиозных толкований, принципов, обычаев и традиций еврейского народа, которые основываются на священном писании Тора (Пятикнижие). Оно берет свое начало из Ветхого завета (ТАНАХа), полученных Моисеем заповедей на горе Синай от Всевышнего и дошедшие до наших дней в виде 613 заповедей[2].

Формирование и становление иудейского права, как и других религиозных правовых систем, теснейшим образом связано не только с юридическими факторами (событиями в правовой сфере), но и с другими социально-политическими событиями в жизни народа, общества[3].

Происхождение иудейского права напрямую связано с возникновением иудаизма как религии, предшественника христианства и ислама. Оно полностью базируется на иудаизме. Иудаизм возник в начале II тыс. до н. э. среди древнесемитских племен Месопотамии и стал национальной религией еврейского народа. Священные писания связывают возникновение иудаизма с именем Авраама — вождя племенного объединения, отделившегося от других семитских племен на основе веры в Единого Бога. Переселение племени Авраама, произошедшее примерно в 1900 г. до н. э., является точкой отсчета истории еврейского народа и еврейского общества.

---

[1] © Давидов Д. С., 2018.

[2] Гарашко А. Ю. и др. Теория государства и права. Базовый курс учеб. пособие для обучающихся по юридическим специальностям / под ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – С. 131.

[3] Элон М. Еврейское право. СПб, 2009. С.73.

Идейная основа иудаизма формировалась на протяжении длительного периода[1]. Она начала складываться сразу после создания еврейского общества и продолжалась до II в. до н. э., представляла собой религиозные взгляды и учения патриархов еврейского народа: Авраама, Исаака и Иакова – основанные на идее, согласно которой глава рода устанавливает личную связь (завет) с Богом своих отцов – покровителем рода[2].

Иудаизм как религия вел постоянную борьбу за свое самоутверждение. В этом процессе особую роль сыграл период правления царя Иосии (639–609 гг. до н. э.). Он провел централизацию культа вокруг Иерусалимского храма и ликвидировал другие политеистические культовые центры. В условиях ожесточенной борьбы за выживание постепенно еврейский народ превратился в замкнутую религиозную общину. В послевавилонскую эпоху в результате деятельности законоучителей Ездры и Нехемии (ок. 444 г. до н. э.) еврейский народ утвердился в качестве строго теократической замкнутой общины, обособленной от окружающего мира. Это нашло отражение в этническом изоляционизме, т. е. в принципиальном отказе от смешанных браков, а также в бытовом и экономическом сепаратизме[3].

Иудейское право обладает некоторыми характерными чертами, отличающими его от любой другой правовой системы. Во-первых, весьма длительный период его становления и развития, сопряженный с многочисленными изменениями, неоднозначными толкованиями содержащихся в нем норм, принципов и положений, с разнообразными, сообразующимися с духом того или иного исторического периода дополнениями. Во-вторых, чрезвычайно противоречивый характер процесса становления и развития иудейского права, который оставил заметный отпечаток как на его внешней стороне (структура священных книг, формы иудейского права и др.), так и на его сущности и содержании. При этом речь идет не только о противоречиях внутреннего порядка, которые порождены различными религиозными течениями и доктринами или же внутриполитической раздробленностью древних

---

[1] Пилкингтон С. М. Иудаизм / пер. с англ. Е. Г. Богдановой. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2008. – С. 135.

[2] Давидов Д. С. Политико-правовая мысль Израиля: истоки, основные направления, тенденции развития : дис. … канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2012. – 16 с.

[3] Электронная библиотека SciCentre.online // URL: https://scicenter.online/sravnitelnoe-pravo-scicenter/formirovanie-iudeyskogo-prava-84407.

иудеев, но и о противоречиях внешнего плана, связанных с непрерывным противодействием процессу развития иудейского права извне и с многовековым противостоянием иудейской религии и права с другими религиями и порождаемым ими правом. Причем такое противостояние, нередко переходящее в открытую борьбу, имело не односторонний, а обоюдный, двусторонний характер. В-третьих, иудейское право имеет преимущественно императивный характер: прямые запреты, требования, всякого рода ограничения и обязанности преобладают над правами и свободами. Это обязанности по отношению к иудейской вере и Богу, главная из которых – верность своему Богу и строгое соблюдение религиозных канонов; обязанности, связанные с непременным соблюдением религиозных праздников; обязанности, связанные с жертвоприношениями и строгим соблюдением требований к ним и ритуалов. Требования строгого соблюдения обязанностей в публично-правовой сфере, ритуалов, заповедей и содержащихся в них запретов сопровождались поощрительными или принудительными санкциями. Четвертой чертой иудейского права является его многофункциональный характер, проявляющийся в том, что, наряду со стандартными правовыми функциями (регулятивной, охранительной, воспитательной), оно выполняет специфическую объединительную функцию. Речь идет о функции, связанной с формированием еврейского сообщества и поддержанием его на протяжении многих веков в духовно-нравственном и религиозном единении[1].

Следующий этап формирования иудейского права связан с возникновением сионистского движения, появление которого стало своеобразным результатом общего развития еврейской философской мысли в Европе XVIII–XIX вв. В первую очередь в качестве своеобразного ответа на потребность эмансипации в среде еврейского народа возникло модернистское течение, получившее название «Хаскала» или так называемое «Еврейское просвещение». Не имея какой-либо универсальной школы и организационного единства, Хаскала тем не менее несла в себе ответы на первейшие вопросы, стоящие перед еврейским сообществом Европы того времени.

В еврейских этических и философских доктринах XVIII-XIX вв. можно проследить противоборствующие концепции, с одной стороны,

[1] Электронная библиотека Студопедия // URL: https://studopedia.org/1-36048.

отстаивавшие идеи ассимиляции еврейского населения Европы с народами, среди которых они жили, с другой стороны – идеи консерватизма, прежде всего, в религиозно-культурной сфере.

Пионером Еврейского просвещения считают Моисея Мендельсона, который стал всемирно известен благодаря двум своим работам: «Abhandlung über die Evidenz in metaphysischen Wissenschaften» («Эссе о доказательствах в метафизической науке»)[1] 1763 г., а также «Phädon oder über die Unsterblichkeit der Seele» («Федон или Бессмертие души») 1767 г. Созданием этих работ, а точнее тем успехом, который они получили в обществе, автор заслужил неофициальное звание «немецкий Платон», одновременно поставив перед обществом вопрос о месте евреев в европейском сообществе и их вкладе в развитие культуры.

Поскольку Мендельсон считал причиной изолированности евреев, прежде всего, культурные различия с коренными народами Европы, в своих трудах он предпринял попытку их приобщения к немецкой культуре. Как известно, большинство немецких евреев того времени говорили на идише, своеобразном диалекте евреев-ашкеназов. Священные тексты евреев, как правило, были написаны на древне-арамейском языке, что способствовало культурному единению евреев, но затрудняло их ассимиляцию с европейскими народами. Добившись в ходе своей жизни персонального признания, но тем не менее осознавая социальную изолированность и гражданское неравноправие евреев в целом, Мендельсон посвятил максимум своих сил на благо своего народа. Способом приобщения евреев к европейской культуре и выведения их из социального гетто он считал перевод священных книг на немецкий язык[2]. С этой целью в 1783 году им были переведены Пятикнижие и другие части Библии («Объяснение»), что должно было по замыслу автора открыть евреям красоту чистого немецкого языка и дать им возможность его изучения. Именно благодаря Мендельсону в Германии в еврейских школах стали уделять больше внимания светскому образованию.

Предпринимая попытки улучшения общего положения европейских евреев путем содействия в признании их прав, он побудил Христиана Вильгельма фон Дома опубликовать в 1781 году работу «Über

---

[1] Эта работа получила первый приз Берлинской Академии наук. Интересно, что второй приз в этом конкурсе получил знаменитый Эммануил Кант.

[2] Моисей Мендельсон. Частное письмо к Августу Хенингсу, 29 июля 1779 г. См.: Schoeps J. H. Das Erbe der Mendelssohns. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 2009. – P. 60–61.

die bürgerliche Verbesserung der Juden» («Об улучшении гражданского положения евреев»), которая сыграла значительную роль в повышении толерантности немцев по отношению к евреям.

В своем стремлении приобщить евреев к европейской культуре Мендельсон призывал своих сограждан к осознанию права любой личности и народа на сохранение уникальности. «Братья, – писал он в своей работе 1783 года «Иерусалим», – если вы заботитесь об истинном благочестии, давайте не будем отрицать, что разнообразие, со всей очевидностью, является планом и целью Провидения. Никто из нас не думает и чувствует то же, что и его ближние: зачем же мы тогда хотим обмануть друг друга ложными словами?»[1]. Основная мысль, которую автор хотел донести этими словами, состоит в том, что государство не имеет права вмешиваться в религиозные верования своих граждан, в том числе и евреев. В тоже время провозглашение обязательного характера еврейских законов для всех евреев, по мнению Мендельсона, не давало раввинату права наказать евреев за отступление от них. Будучи одновременно убежденным рационалистом и глубоко верующим человеком, Мендельсон пытался доказать, что еврейская религия не противопоставляет разум и веру, светскую и религиозную жизнь. «Носите на себе, насколько можете, бремя обеих обязанностей – таков суровый приговор истории», – писал он[2].

В 1897 г. состоялся I всемирный сионистский конгресс, проходивший в Швейцарии, на котором была создана Всемирная сионистская организация.

Таким образом, необходимо отметить, что развитие иудаизма, начиная с XIX в. и по настоящее время, происходит под влиянием различных, иногда противоположных, направлений еврейской мысли[3].

В «Декларации об образовании Государства Израиль» от 14 мая 1948 г. заключена квинтэссенция сионистской идеи. «В Стране Израиля, – говорится в этом документе, – возник еврейский народ. Здесь сложился его духовный, религиозный и политический облик. Здесь он жил в своем суверенном государстве, здесь создавал ценности нацио-

---

[1] Цит. по: Momigliano A. On Pagans, Jews and Christians. – Middletown : Wesleyan University Press, 1987. – P. 158.

[2] Цит. по: Беркович Е. От Моисея до Моисея не было равного Моисею // URL: http://www.sem40.ru/famous2/m1913.shtml.

[3] Пилкингтон С. М. Иудаизм / пер. с англ. Е. Г. Богдановой. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2008. – С. 137.

нальной и общечеловеческой культуры и дал миру в наследие нетленную Книгу книг. Насильно изгнанный со своей родины, народ остался верен ей во всех странах своего расселения, не переставая надеяться и уповать на возвращение на родную землю и возрождение в ней своей политической независимости»[1].

Итак, сионизм выражал историческую связь еврейского народа со Страной Израиля – исторической родиной народа. Возникновение государства Израиль является важнейшим этапом в развитии иудаизма и иудейского права.

Е. Н. Дубинина[2],
доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЮРИДИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Примерно со второй половины XX века современные общества становятся все более связанными одними и теми же процессами и общими проблемами, которые быстро стали глобальными. К их числу относятся в первую очередь неуклонное и значительное усложнение и дифференциация (специализация) социального управления, усиление государственно-организующего начала, по сути, во всех сферах общественной жизни, формирование нового политико-правового мироустройства, обновление различных форм государственности и многое другое.

Большинство современных глобальных проблем порождено несистемным, фрагментарным, ситуативным решением не только новых, но и давно существующих, традиционных задач. Это обусловлено подчас тем, что исторические факторы тех или иных явлений или процессов не учитываются при выработке эффективного механизма их разрешения. Поэтому закономерно возрастает востребованность в наиболее

[1] Давидов Д. С. Основные течения сионизма в Израиле / в сборнике : Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей. – Н.Новгород, 2010. – С.40.

[2] © Дубинина Е. Н., 2018.

ясных, сравнительно простых, единообразных, имеющих установочный характер регуляторах. И искомый регулятор здесь, конечно, только право.

Только государства обладают достаточными возможностями в упорядочении общественных отношений, и юридическое право является как раз тем средством, используя которое государство выполняет регулятивную функцию в обществе. Осуществляя последнюю, государство постепенно расширяло и углубляло сферу правового регулирования общественных отношений, усложняло (дифференцировало и умножало) правовые формы. Данный процесс юридизации общественных отношений является интуитивно ясным, однако, при более внимательном рассмотрении, он оказывается и неоднозначным с точки зрения оценки непосредственных и отдаленных (масштабных) социальных последствий, и многосоставным по своим элементам.

Детальное исследование юридизационных процессов становится возможным только с применением исторической методологии, которая позволяет пронаблюдать их причины, те факторы, которые, так или иначе, влияли на юридизацию.

В этой связи весьма актуальной представляется теория модернизации, которая является результатом применения, в том числе и исторической методологии при характеристике таких социозначимых проблем как усиление правового регулирования.

Правоведы называют современное общество обществом модерна или постмодерна. Его становление, соответственно, характеризуется процессом модернизации. Данная категория – «модернизация», часто встречается в работах современных отечественных правоведов. Однако однозначного подхода к характеристике указанного термина нет. Большинством авторов он используется для характеристики процессов политической и правовой реформы[1], так как применительно к праву в российской научной литературе утвердилось понимание модернизации как процесса усовершенствования права, устранения проблем, связанных с отсталостью отечественного позитивного права в переходный период. Таким образом, когда отечественные правоведы употребляют категорию «модернизация», то это означает анализ изменений реформируемого государства и права.

---

[1] См.: Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 3–17.

Между тем в настоящее время в зарубежной научной литературе категория «модернизация развития» рассматривается лишь как производная, вторичная и используется с уточняющими прилагательными «неорганическая», «запаздывающая», так как модернизация без дополнительных уточнений понимается в ином, более широком, смысле, как характеристика исторической эволюции развитых обществ в процессе перехода от традиционных обществ к современным (обществам периода модерна) и как дальнейшее общественное развитие[1]. Именно так, во втором значении, нам представляется более рациональным употребление термина «модернизации».

«Теория модернизации» – такое наименование, как известно, получила концепция, которая возникла в 70-е годы прошлого XX столетия. Так же как теория постиндустриального общества и концепция третьей волны, теория модернизации направлена на выявление исторически последовательных стадий планомерного общественного развития, которые одновременно являются фундаментальной характеристикой находящихся в разных фазах эволюции современных обществ. Вместе с тем теория модернизации стремится учесть всемирное разнообразие в значительно большей мере, чем это делали предшествующие стадиальные теории. Особенности стран незападного мира, в частности, рассматриваются в ее рамках с гораздо большим вниманием. Характерным для этой теории является то, что она учитывает исторические особенности и многообразие факторов, характеризующих различия стран, народов, регионов. Это делает ее более сложной, неоднозначной и во многом дискуссионной[2]. В рамках теории модернизации выделяются в первую очередь два типа общества: традиционное и современное. Процесс перехода от традиционного к современному, соответственно, и называется модернизацией.

Вопросы органической модернизации, противоречий, возникающих в ходе этого процесса, стали объектом философских дискурсов, предметом политических, социологических и правовых исследований многих известных ученых в XX в., таких как М. Фуко, П. Бурдье, Н. Луман, Ю. Хабермас. Последний отмечает, что «понятие модернизации относится к целой связке кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов: к формированию капитала и мобилизации ресурсов; к развитию производительных сил и повышению продуктивности

---

[1] Бусова Н. А. Модернизация, рациональность и право. Харьков, 2004. С. 8.

[2] Ершов Ю. Г. Краткий курс лекций по философии. М., 2005. С. 144.

труда; к осуществлению центральной политической власти и формированию национальных идентичностей; к расширению политических прав участия, развитию городских форм жизни, формального школьного образования; к секуляризации ценностей и норм и т. д.»[1].

Несмотря на то, что термин «модернизация» был введен в употребление лишь в 1950-х годах, исследования по данной проблематике в зарубежной политической философии начинаются гораздо раньше. В частности с работ М. Вебера[2], который характеризовал развитие общества периода модерна[3] как распространение рациональности во всех сферах общества, в том числе и правовой.

М. Вебер считал, что в процессе дальнейшего развития (модернизации) общества европейское право становилось все более формальным и рациональным, отделяясь от моральных и религиозных ценностей, между тем развитие общества приводит к так называемому парадоксу рациональности. Деятельность государства с разрушением этических критериев, так называемая протестантская этика, превращается в чистый утилитаризм, который с точки зрения индивида лишен смысла, а развитие социального государства приводит к регламентации действий граждан бюрократическими методами, к потере свободы[4].

Современное общество имеет особенности и черты, по которым мы отличаем его от их исторических предшествующих образований. Развитие общества сопровождается экспансией западного стиля жизни, массовой культуры и стереотипов мышления[5].

Современное общество, по мнению известного британского ученого Зигмунта Баумана, является индивидуализированным. Оно отличается от общества предыдущего времени усилением роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастанием неуверенности и

---

[1] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.

[2] Ю. Хабермас указывает, что после введения в 1950-х годах в оборот термина «модернизация», «оно характеризует теоретический подход, который, перенимая постановку вопроса у Макса Вебера, разрабатывает ее научными и теоретическими средствами социального функционализма». Там же. С. 8.

[3] Категория «модерн» употребляется довольно давно: например, Гегелем как синоним категории «новое время». См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.

[4] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. С. 206.

[5] Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.

неопределенности, подавлением тех проявлений человеческого духа, которые в прошлом вдохновляли людей к определенным социальным преобразованиям[1].

Индивидуализация представляется отрицанием форм социальности, известных из прошлого как нечто, выступающее в одно и то же время причиной и следствием фрагментации, и социальной действительности, и жизни каждого конкретного человека. В новых условиях не только масштабные социальные задачи подменяются личными желаниями и стремлениями, но и сами люди все чаще и охотнее отказываются от долгосрочных прогнозов.

В контексте вышесказанного очень уместно замечание профессора Баумана, который подчеркивает, что «личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится уже не столько взаимодействием с обществом, сколько биографическим разрешением системных противоречий».

Индивидуализированным общество было не всегда. Сложившиеся исторические реалии привели к тому, что можно выделить три главных признака, которые ярко характеризуют общество как индивидуализированное: утрата человеком контроля и влияния на большинство значимых социальных процессов; увеличивающаяся неопределенность личности, ее незащищенность в свете неконтролируемых ею перемен; и в результате этого, стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения сиюминутных, немедленных результатов. Все это в совокупности приводит к дезинтеграции не только социальной, но и индивидуальной жизни[2].

Анализируя черты индивидуализированного общества, его эволюцию, современное общество начала XXI века, характеризуется двумя магистральными тенденциями. С одной стороны, оно все больше характеризуется явной фрагментированностью человеческого существования. Социальное начало современного общества становится все менее значимым. С другой стороны, происходит стремительное усложне-

---

[1] Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. П. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – С. LII.

[2] См.: Дубинина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе : автореф. дис. … канд. юрид. наук – М. : МосУ МВД России, 2010; Дубинина Е. Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. Монография – Тула, 2016.

ние экономических, политических, государственных в целом процессов. Они закономерны, но только подробный исторический анализ позволяет их выделить.

Е. Н. Егорова[1],
доцент кафедры европейского права МГИМО МИД России,
кандидат юридических наук

ГАРМОНИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Исследование сути правовой системы Европейского союза невозможно без применения различных общенаучных, в том числе, и исторического, и частнонаучных методов правового исследования, свойственных определенным отраслям права ЕС.

Как утверждал Г. Еллинек: «Всякий исторический метод исследования – прямо или косвенно – основан на убеждении, что история должна показать… не простую смену явлений, а их живое образование, их рост и исчезновение»[2].

На примере развития Европейского союза, включая и период деятельности Европейских сообществ, хорошо просматриваются причинно-следственные связи и процессы становления различных явлений. В данном контексте в первую очередь речь идет о методах правового сближения, используемых институтами ЕС – унификации и гармонизации. Социальная составляющая является одной из особо чувствительных и одновременно значимых сфер наднационального регулирования, которая подверглась необходимости гармонизации.

За период своего существования Сообществами, а затем и Союзом, были приняты нормативные акты, программные документы, стратегии, затрагивающие порядок доступа граждан ЕС на рынок труда государств-членов, возможность беспрепятственного выбора места жительства и трудоустройства, защиту от любых форм дискриминации.

---

[1] © Егорова Е. Н., 2018.

[2] Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 32.

В сфере регулирования трудовых отношений в фокусе институтов и органов ЕС разработаны акты, предусматривающие обеспечение равенства мужчин и женщин в установлении условий труда, контроля рабочего времени и времени отдыха, охраны и гигиены труда, защиту социально-трудовых прав и гарантий особых категорий работников-граждан ЕС, прав работников при коллективных увольнениях, при банкротстве работодателя, при смене собственника компании, вопросы участия работников в управлении предприятием, регулирование неполной занятости, телеработы и многое другое.

Все эти вопросы регулируются путем принятия такого типа акта вторичного права ЕС, как директива. Согласно ст. 288 «Договора о функционировании ЕС», директива имеет обязательную силу в отношении государства-члена, которому она адресована в том, что касается ожидаемого результата, но оставляет в компетенции национальных инстанций свободу выбора форм и способов достижения поставленных целей[1].

Основная цель директивы состоит в гармонизации европейского законодательства: приведения к общему «знаменателю», введению единых «правовых стандартов»[2].

В определенные этапы становления Европейских сообществ роль гармонизации и, соответственно, степень вмешательства институтов ЕС в регулирование социально-трудовой сферы менялась. Это объясняется факторами исторического, политического и социально-экономического характера. Компетенция институтов и органов интеграционного объединения, начиная с 1951 года, значительным образом расширялась и дополнялась новыми полномочиями.

Главный вопрос, который возникает при анализе сферы ведения Союза в данном контексте, заключается в том, есть ли пределы наднациональной компетенции? Кто их определяет? Необходимо ли это государствам-членам ЕС?

---

[1] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. – OJ – P. 83; OJ – P. 306. – (17.12.2007).

[2] Правовая система Европейского союза: монография / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – С. 261.

Учредительный договор отвечает на поставленные вопросы следующим образом. С одной стороны, любая компетенция, не предоставленная Союзу в Договорах, принадлежит государствам-членам[1]. Одновременно Договором о ЕС предусматривается, что деятельность институтов ЕС определяется учредительными договорами и должна реализовываться при помощи принципов субсидиарности и пропорциональности. Следует отметить, что принцип субсидиарности содержит определенное противоречие, заключающееся в необходимости обоснования вводимых мер в социально-трудовой сфере на наднациональном уровне[2].

Инициатива институтов ЕС по введению минимальных социально-трудовых стандартов должна в первую очередь соответствовать заявленным Союзом целям в рассматриваемой области[3], при том что распределение полномочий между интеграционным объединением и государствами-членами по данному аспекту происходит преимущественно в пользу последних – институты и органы Союза только координируют действия национальных инстанций для достижения наилучших результатов[4].

При оценке исторического развития социального и трудового права интеграционного объединения акцент делается на основаниях вмешательства институтов ЕС в указанную область. Речь идет об интеграционной, экономической и социальной составляющих.

С одной стороны, Преамбула Договора о ЕС провозглашает, что «Союз и государства-члены совместными усилиями стремятся содействовать экономическому и социальному прогрессу их народов в кон-

---

[1] Ст. 4 Договора о ЕС (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.).

[2] Согласно ст. 5 Договора о ЕС, Союз действует лишь тогда и в такой степени, в какой цели предполагаемого действия не могут достаточным образом быть достигнуты государствами-членами на центральном, региональном или местном уровнях, но, ввиду масштабов или последствий предполагаемого действия, могут быть лучше достигнуты на уровне ЕС.

[3] Согласно 9 ст. Договора о функционировании ЕС, Союз при определении и осуществлении своей деятельности учитывает потребности в содействии высокому уровню занятости, в обеспечении адекватной социальной защиты, в высоком уровне образования, охраны здоровья людей.

[4] Основы трудового права Европейского союза : учеб. пособ. – М. : Граница, 2014. – С. 17; Курицын В. М., Шалягин Д. Д. Опыт становления конституционализма в США, Японии и советской России : учеб. пособ. для вузов. – М., 2004.

тексте завершения формирования внутреннего рынка». В этом проявляется интеграционный аспект, используемый как основание для проведения гармонизации.

Функционирования внутреннего рынка ЕС является весьма важным элементом исторического развития и становления интеграционного объединения в целом и развития социального регулирования, в частности. Изначально предполагалось, что создание общего рынка, развитие таможенного союза, перспектива образования экономического и валютного союза без особого труда приведет к упразднению социально-экономического дисбаланса между государствами-членами ЕС.

Ключевым элементом доклада группы экспертов Международной организации труда и влиятельного бельгийского политика Поля-Анри Спаака[1], который послужил, в том числе, и основой для Римского договора об образовании Европейского экономического сообщества 1957 года, было то, что общий рынок не предполагал согласования трудовых стандартов на наднациональном уровне. Государства с более высоким уровнем социальной защиты и заработной платой не должны были «опасаться» конкуренции со стороны стран с низкими социальными показателями (речь, в частности, шла о сотрудничестве государств-членов в рамках механизма установления валютных курсов)[2].

Однако возможность проведения гармонизации в определенных сферах все же была предусмотрена положениями Договора об учреждении Европейского экономического сообщества[3]. Совет министров был наделен полномочиями издавать акты вторичного права – директивы – в целях реализации сближения законодательных и административных норм государств-членов ЕС по вопросам деятельности и содержания общего рынка. Уже с конца 70-х годов прошлого столетия процесс введения единых правовых стандартов в социально-трудовой сфере начал свое постепенное распространение.

Социально-экономическая составляющая «вмешательства» наднациональных институтов ЕС в регулирование социальной сферы обу-

---

[1] International Labour Organisation, Social Aspects of European Economic Cooperation. Report by a Group of Experts (summary), in: (1956). – № 74. – International Labour Review. – P. 99–123.

[2] Fligstein N. Euro-Clash: The EU, European Identity and the Future of Europe. – Oxford, Oxford University Press, 2008. – P. 68–80.

[3] Ст. 100 Договора о ЕС, ныне ст. 115 Договора о функционировании ЕС.

словлена необходимостью контроля уровня безработицы в государствах-членах Союза, обеспечения конкурентоспособной социальной рыночной экономики, борьбы с социальной маргинализацией, содействия социальной справедливости, а также защиты и предоставлении гарантий в социально-трудовой сфере.

Следует отметить, что все три аспекта неразрывно связаны между собой. При этом полномочия институтов и органов ЕС в данной сфере ограничены (в соответствии с принципом пропорциональности). Европейский парламент и Совет министров оказывают поддержку государствам-членам в социально-трудовой сфере путем разработки долгосрочных стратегий, организации обмена информации и примерами «лучших» практик. Однако указанные формы взаимодействия не предусматривают проведения сближения правовых норм путем гармонизации. В данном случае используется открытый метод координации, при применении которого наднациональными инстанциями устанавливается только «минимальный порог» социально-трудовых гарантий[1].

В указанном контексте учредительными документами Союза закреплены нижеперечисленные полномочия Европейского парламента и Совета.

Ст. 153 Договора о функционировании ЕС предусматривает возможность принятия таких мер (без использования методов гармонизации), которые бы способствовали эффективному взаимодействию государств-членов друг с другом.

Одновременно указывается, что институты ЕС полномочны вводить поэтапную имплементацию трудовых стандартов, закрепляя их в форме директив и учитывая при этом определенные установленные ограничения:

– принимаемые меры не должны препятствовать национальным властям самостоятельно определять основы национальной системы социального обеспечения и трудовых стандартов и гарантий;

– государства-члены могут самостоятельно устанавливать более жесткие меры защитного характера, при соблюдении условий учредительных договоров ЕС;

[1] Szyszczak E. Experimental Governance: The Open Method of Coordination // European Law Journal. – 2006. – № 486. – P. 23–30.

– соответствующие наднациональные нормы не должны касаться различных аспектов, связанных с регулированием выплаты заработной платы, правом на объединение, проведением забастовки и локаута.

Таким образом, действия институтов и органов ЕС в области регулирования социально-трудовых отношений должны быть выверенными, острожными и одновременно разнонаправленными[1].

Очевидно, что Союз в достаточной мере наделен соответствующей компетенцией по проведению гармонизации, в целях обеспечения эффективного функционирования внутреннего рынка, и свободы передвижения физических лиц, в частности. В этом проявляется интеграционная составляющая подобного правового сближения.

Для реализации экономически-социального обоснования необходимости наднационального регулирования социально-трудовых аспектов институты ЕС используют предоставленную им компетенцию в рамках координации действий государств-членов с помощью открытого метода координации, введения минимального порога трудовых стандартов.

Следует иметь в виду и влияние практики Суда ЕС в рассматриваемой сфере. При анализе его решений выявляются значительные противоречия по способам и методам регулирования социально-трудовых отношений[2].

С одной стороны, использование гармонизации позволяет нивелировать существующие различия в социально-трудовой сфере и тем самым способствует эффективной реализации положений по обеспечению возможностей и гарантий свободы передвижения и трудоустройства граждан ЕС.

С другой стороны, существуют и весомые доводы не в пользу проведения гармонизации. Особенно отчетливо противоречия проявляются в кризисный период, в котором Союз находится уже достаточно продолжительное время.

---

[1] Davies P. European Community Labor Law: Principles and Perspectives. – Oxford, Clarendon Press, 1996. – P. 112–120.

[2] Например, решения Суда ЕС по делам C-341/05 Laval un Partneri Ltd v Svenska Byggnadsarbetareförbundet, Svenska Byggnadsarbetareförbundets avdelning 1, Byggettan and Svenska Elektrikerförbundet. [2007] ECR 11767; C-8/74 Procureur du Roi v Benoît and Gustave Dassonville [1974] ECR 00837; C-267/91 Criminal proceedings v Bernard Keck and Daniel Mithouard [1993] ECR 06097.

Анализируя результаты, достигнутые по развитию социально-трудового регулирования на наднациональном уровне, следует отметить, что на показатели значительным образом влияет качественный состав Европейского союза. С проведенным расширением в 2004 году – присоединением стран Центральной и Восточной Европы – объединение приобрело крайне неравномерный состав по социальным показателям. В этой связи необходимость приведения к единому знаменателю норм и правил представляется трудно достижимой. Одни государства-члены не намерены идти на уступки и понижать социально-трудовые стандарты, в то время как более слабые государства не в состоянии «дотянуть» свои показатели до уровня первых.

Европейские лидеры заявляют о построении единой социальной Европы, предлагается создание «социальной опоры» ЕС[1]. Возможный выход из состава Союза Соединенного Королевства внесет существенный разлад в реализацию этих идей.

Вместе с тем, по сообщениям Европейской комиссии, европейская экономика развивается устойчиво, и позитивные экономические перспективы сочетаются с улучшением показателей рынка труда и социальной ситуации[2]. Это отражает реформы, проведенные государствами-членами в последние годы, и предоставляет возможность для дальнейшего укрепления устойчивости экономики и социальных показателей ЕС. Институты ЕС высказывают общую позицию относительно того, что гармонизация социально-трудовой сферы будет углубляться и в дальнейшем. К середине апреля 2018 года государства-члены должны будут представить свое видение социально-экономических приоритетов с целью развития идеи укрепления социальной составляющей ЕС и повышения эффективности правового сближения национальных и наднациональных норм в области регулирования социально-трудовых отношений.

[1] European Pillar of Social Rights. – booklet. 16.11.2017.

[2] 2018 European Semester: Country Reports. 07.03.2018.

Н. Н. Ефремова[1],
кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
сектора истории государства, права и политических учений ФГБУН
Институт государства и права РАН, профессор НИУ ВШЭ

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ТЕОРИИ ПРАВОСУДИЯ

В развитии современной юриспруденции особое место занимают проблемы методологии, что обусловлено, с одной стороны, потребностью ее обновления, в связи с изменением парадигмы изучения социальных явлений в постсоветский период, а с другой – необходимостью использования различных, в сочетании традиционных и инновационных, подходов в интересах получения новых объективных знаний о праве и производных от него категорий и явлений. Отсюда и ставшее модным обращение к новым междисциплинарным приемам, и возвращение к уже известным методам и принципам, возникшим в досоветскую эпоху и ею в определенной мере недооцененным, либо идеологически искаженным. Одним из таких, сохраняющих, несомненно, важное значение, является принцип историзма, ценность которого проявляется, в частности, и в методологических основаниях теории правосудия.

Построение любой социальной теории, в том числе и правовой, немыслимо без учета исторического контекста, ее обусловливающего и обосновывающего. Объясняя смысл историзма, один из его проповедников Людвиг фон Мизес писал: «Историзм возник в конце XVIII в. как реакция на социальную философию рационализма. Реформам и политике сторонников различных авторов Просвещения он противопоставляет программу сохранения существующих институтов и иногда даже возвращения к упраздненным институтам. В ответ на постулат разума историзм апеллирует к авторитету традиции и к мудрости ушедших веков»[2]. Однако, по мнению автора, позже он изменился,

---

[1] © Ефремова Н. Н., 2018.

[2] Мизес Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции./Людвиг фон Мизес, пер. с англ. А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2009. – С. 177.

утратил свой консерватизм и превратился в эпистемологическую доктрину[1]. В чем, собственно, и состоит его значение в современном научном познании. В российской юриспруденции конца VIII – начала XX вв. также сложилось историческое направление (школа) правоведения, внесшая значительный вклад в развитие и юридической науки в целом, и историко-правовой, в частности, и помимо того, в достижения прикладных направлений юриспруденции (полную систематизацию российского законодательства первой трети XIX в.), в повышение уровня правовой культуры в целом. Позднее в российскую юриспруденцию вошел позитивизм, внесший вклад в создание юридико-правовой догмы, и иные направления. Однако, по справедливой оценке, данной профессором Л. С. Мамутом в учебнике под редакцией академика В. С. Нерсесянца, историческая школа права, будучи консервативной, «по своим практически-политическим выводам… тем не менее пополнила социологическую и юридическую теорию плодотворными гипотезами, ценными наблюдениями методологического порядка. Во всяком случае, дальнейший прогресс научного знания в области права, имевший место в XIX в., трудно понять без учета деятельности этой школы»[2]. Справедливости ради, следует сказать, что и в условиях господствующего в отечественной юриспруденции в XX в. «советского легизма» оставалось место для использования исторического приема в познании правовых явлений. В частности, это отмечала в сборнике, посвященном памяти В. М. Курицына, Н. В. Михайлова: «Методология историко-правового познания является важнейшим направлением, нашедшим отражение в трудах известного ученого В. М. Курицына. Методологические принципы, сформулированные им, особенно важны и продуктивны при исследовании истории советской и современной российской государственности и права»[3]. Следует отметить, что в целом досоветская, советская и современная историко-правовая наука внесла и продолжает вносить значительный вклад в формирование и развитие методологии юриспруденции.

---

[1] Там же. С. 178.

[2] История политических и правовых учений. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2007. – С. 522.

[3] Михайлова Н. В. К вопросу о методологии историко-правового познания // Исторические основания правовой науки. Сборник научных статей. – М., 2012. – С. 18.

Вместе с тем в изучении права, как и в других областях знания, исторический метод не является самодостаточным, хотя и создает условия для выявления закономерностей развития исследуемого объекта, накапливая знания о нем, соответственно потому и можно констатировать, что без истории предмета нет его теории. Следовательно, история в связи с теорией составляют методологические основания для познания сущности и явления (сущего и должного), например, в праве, правосудии и т. д. Причем история, выявляя и обобщая факты и акты, реконструирует реальное состояние объекта познания в прошлом и текущем, тогда как теория формулирует необходимый для этого понятийный, категориальный аппарат, выявляет закономерности развития, а также, по справедливому замечанию Л. Мизеса, «может внести вклад в прояснение будущих событий; она способна делать предсказания в границах, определенных праксиологическому предсказанию»[1].

Взаимосвязь исторического подхода к исследованию и теоретическому обоснованию права как целостного явления, важна также для познания отдельных, производных от него категорий, и, в частности, для правосудия. История правосудия, прежде всего отечественного, уже сложилась в отдельное направление в рамках историко-правовой науки, и если в досоветский период особое внимание в историографии уделялось пореформенной его организации, то с 80-х гг. XX в. появились труды, посвященные дореформенной организации, определившие научный интерес к ее достоинствам и достижениям, а не только, как было принято ранее, к недостаткам[2].

В свою очередь, теория правосудия как особое направление в юридической науке только начинает складываться. Монографическим трудом, специально посвященным этому, является трехтомник Д. А. Фурсова и И. В. Харламовой. В его первом томе, прежде всего, и затронуты, как отмечено в аннотации, «основные проблемы реального правосудия как сложного государственного и социально-правового института», при этом теоретические вопросы правосудия, согласно авторскому походу и интересу, в большей мере опираются на материалы

---

[1] Мизес Л. Указ соч. С. 181.

[2] См.: Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование : монография. – М. : Наука, 1983. – 150 с.; Ефремова Н. Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование) : монография. – М. : Наука, 1993. – 192 с. и др.

гражданско-процессуального характера[1]. Теоретические основания правосудия, понятийный аппарат теории правосудия затрагиваются также в ряде статей, диссертаций, учебной литературе, посвященной судебным и правоохранительным органам; отдельные публикации посвящены анализу теоретических оснований организации правосудия в историко-правовом контексте и обусловленности[2]. Однако теория правосудия в дальнейшем развитии не может обойтись без опоры на принцип историзма, без обращения к историко-правовому фундаменту, представляющему не только культурно-правовое наследие прошлого, фонды знаний о том, какими качествами отличались организации правосудия в отдельные исторические периоды, но и материал для выявления закономерностей и тенденций, свойственных развитию организации правосудия, позволяющих объективно оценивать современные и прогнозировать будущие ее модели. А это немаловажно и в свете планируемой очередной судебной реформы в РФ.

Правосудие как государственно-правовой, то есть юридический и социально значимый институт, проходит длительный путь развития в любом обществе, зарождаясь как средство цивилизованной защиты нарушенных прав и интересов субъекта и противопоставляемый самозащите, основанной на произволе первобытного дикаря. При этом форме, сущности, функциям правосудия как универсального института правовой охраны и защиты свойственны и общие закономерности, и индивидуальные особенности его моделей, складывающихся в конкретно-исторических условиях. Правосудие, взятое как объект исследования, познается в связи теоретического и исторического. Данная связь, как отмечается в философской доктрине, «...обнаруживается и в том, что в процессе развития объекта исследования (в данном случае модели правосудия – Н.Н. Ефремова) неизбежны скачки, переходы к

---

[1] См. Фурсов Д. А, Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. – Т. 1. – М. : Статут, 2009. – С. 2.

[2] См.: Правоохранительные органы. Десятое издание. / под ред. И. И. Сыдорука, А. В. Ендольцевой, О. Д. Жука. – М. : Юнити, 2018 г.; Ефремова Н. Н. Историография проблемы становления отечественного правосудия в XVIII – первой половине XIX в. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 2 (31). – С. 51–56; Ефремова Н. Н. Правовое общение и правосудие как категории юриспруденции: проблемы теории и истории // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 7(38). – С. 69–72; Ефремова Н. Н. Правовое общение и правосудие в контексте истории российской юстиции // Государство и право. – 2011. – № 10. – С.85–94 и др.

новому качеству. Чисто логическим путем невозможно при этом из начальной категории вывести последующие, действительность же дает конкретно-исторический материал, что делает возможным и необходимым переход к новому уровню в анализе»[1]. Это положение демонстрирует, в частности, история отечественной организации правосудия, выявляющая закономерности ее поступательного развития от начальной неразвитой формы (и сущности) в Древнерусском государстве, то есть не отделенной от администрации, до зрелой современной, основанной на независимости судебной власти. Процесс поэтапно проходил как эволюционным путем — посредством реформ и контрреформ, так и революционным — посредством слома старой и построения новой. Анализ исторического опыта развития юстиции позволяет выявить, как постепенно формировались и проходили легализацию те качества правосудия, которые, с точки зрения современной судебно-правовой теории, соответствуют ее надлежащей модели.

Однако, несмотря на очевидность приоритета взаимосвязи теоретического и исторического в познании правосудия, принцип историзма не занял пока заслуженного места в методологии теории правосудия, свидетельством чему являются те немногие труды специалистов-процессуалистов, посвященные последней. В свою очередь, в историко-правовой литературе, в последние два десятилетия обогатившейся работами, посвященными правосудию, благодаря опоре на принцип историзма, делаются обобщения, выделяются тенденции, отмечаются качественные отличия, характеризующие общее и особенное в организации различных существовавших во времени и пространстве национальных моделей, что создает условия для формирования общей (прежде всего не узкоотраслевой и незамкнутой отечественной) теории правосудия.

[1] Краткий философский словарь / под ред. д-ра философ. наук А. П. Алексеева. – М. 2000. – С. 128.

Н. Ю. Ивлева[1],
преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Правосознание – весьма многогранная категория со сложными многоаспектными вопросами, которая активно разрабатывалась и разрабатывается не только юридической, но и философской науками. А усложняющаяся в современной действительности практика строительства правового государства и развития гражданского общества значительно повышает значение и роль субъективного фактора в целом, и сознательности индивидов, в частности.

Осуществление качественного скачка в общественной жизни возможно достичь лишь при весьма серьезной перестройке сознания, где становится важным не только лишь объяснить мир, но и изменить его. Исторический опыт свидетельствует о том, что качественным изменениям в реальности всегда предшествуют изменения сознания людей[2].

Единственной или универсальной для организации познания методологии, разумеется, не существует и не должно быть, но каждому аспекту общей проблемы правосознания должна соответствовать какая-нибудь методология, позволяющая наиболее точно и объемно осмыслить ее[3].

Немало трудностей в типологизации правосознания связано с пониманием того, что такое правосознание. Рассмотрение этого вопроса

---

[1] © Ивлева Н. Ю., 2018.

[2] См. Лановая Г. М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. – 2012. – № 11. – С. 15–18; Лановая Г. М. Формы существования базовых типов современного права. Монография – М., 2014.

[3] См.: Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: историческая методология // История государства и права. –2009. – № 20. – С. 46–48.

– первый шаг в поиске оптимальной методологии исследования проблемы[1].

Отечественная юридическая наука и философско-правовая теория выработали множество подходов к определению правосознания. В дореволюционной теории было довольно известное направление, которое было связано с пониманием правосознания как ограниченного ориентацией на позитивный закон. Поэтому правосознание, основанное на законе, а, соответственно, и на присущей ему силе, является односторонним, деформированным, нездоровым сознанием. А. С. Хомяков утверждал, что употребление термина права есть не что иное, как злоупотребление[2].

Но были и иные подходы. Так, И. А. Ильин, один из наиболее известных и авторитетных исследователей проблемы правосознания, указывал на то, что оно является базовым по отношению к праву. Последнее говорит на языке правосознания и обращается к сознательным существам. «Человеку невозможно не иметь правосознания;… человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или нет… Жить – значит для человека жить правосознанием… Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством. Оно живет в душе и тогда, когда еще отсутствует положительное право»[3].

В русле до сих пор не исчерпавшей себя марксистской методологии весьма устойчиво сегодня понимание того, что «правовое сознание представляет собой особую форму отражения современного общественного бытия, форму общественного сознания, представляющую собой систему правовых целей, понятий, взглядов, представлений, чувств, настроений… Правовое сознание представляет собой, во-первых, общественные отношения, общественное бытие, объективную сегодняшнюю действительность, а во-вторых – особое правовое воздействие на эту действительность, правовые связи и отношения»[4].

---

[1] См.: Мамонтов А. Г., Оксамытный В. В., Иванов С. А. и др. Сравнительное правоведение. – М. : МосУ МВД России, 2013. – 115 с.

[2] Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Избранные статьи и письма. – М. : Городец, 2004. – С. 46.

[3] См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. С. 19.

[4] Рассолов М. М., Малахов В. П., Иванов А. А. Актуальные проблемы теории государства и права. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. – С. 357.

С. С. Пискунова полагает, что категории правосознания носят оценочный характер и выражают отношение людей к общественному устройству, к существующим порядкам[1].

Немалое число исследователей связывали и связывают понимание правосознания с выяснением его структуры. Они полагают, что знание структурности правосознания помогает в определении основных элементов механизма правового регулирования отношений и воздействия на поведение людей. Также знание и верная оценка структурных элементов правосознания позволяет обозначить направления, средства и методы правового воспитания, определить направления развития самого общественного правосознания.

Наконец, отмечается, что определяющей чертой правосознания выступает содержащийся в нем мотив, который выступает координирующим началом деятельности индивида. Существование общества с высокоорганизованным и эффективным политико-правовым основанием возможно только при наличии адекватного и свободного от болезненного восприятия реальности правосознания, посредством которого проявляется активная позитивная роль права[2].

И помимо указанных выработано немало вариантов определений правосознания, но приведенных примеров достаточно, чтобы отметить то, что объединяет все определения. Во-первых, независимо от того, какие элементы содержания понятия правосознания выходят на первый план, общим является неразрывная связь понимания правосознания с его функциональным выражением, социальным предназначением. Во-вторых, практически все определения связывают правосознание исключительно с правом, что закономерно сводит исследование правосознания к отражению самого права, что, в сущности, тавтологично для понимания правосознания. Они замыкают исследование правосознания на выявлении его смыслового аппарата, описании его содержания (хотя все это, конечно, важно для выработки знания о предмете), но не учитывают сущностной, неразрывной связи правосознания с государственной жизнью, ее организацией. Вернее, эта связь лишь обозначается, но не воспринимается как существенный момент в характеристике самого правосознания. А вне этой связи видимой ста-

---

[1] Пискунова С. С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. – 2008. – № 8. – С. 28–29.

[2] Гречин А. С. Социология правового сознания. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 18.

новится только связь правосознания с моральным сознанием; правосознание понимается только как форма духовной жизни общества, тогда как это, прежде всего, элемент действительной социальной жизни. Не случайно в политической сфере и в профессиональной юридической деятельности многими учеными отмечается дефицит и неактивность правосознания (пассивность или даже избыточность).

При этом, отвечая на вопрос, в каких элементах или структурах правосознание можно рассматривать как отражение государственной жизни в ее определенной политико-правовой форме, можно сказать следующее: этими конкретизирующими признаками правосознания в избранном аспекте являются не сами по себе те или иные структурные элементы правосознания – идейный, ценностно-установочный, концептуальный строй, – а, во-первых, конфигурация идей, ценностей и т. п. (их специфическое соотношение при доминировании тех или иных идей, установок и т. д. в общем идейном строе в зависимости от того, в каких политико-правовых условиях общественной жизни они проявляют свое функциональное предназначение), во-вторых, содержательное наполнение, в первую очередь, доминирующих (системообразующих в конкретных условиях государственного бытия) идей. Существенное содержание правосознания определяется конкретно-исторической сущностью определенного государства. Притом «отсвет» конкретной государственности распространяется не только на позитивное право, право самого государства, но и косвенно, в конечном счете – и на право в других его формах, даже в определенной мере на так называемое естественное право.

Таким образом, возможно сформулировать определение правосознания – это закономерно сложившаяся, содержательно и структурно определенная совокупность смысловых единиц (правовых понятий, идей, концептов, знаков, символов), на основе которой существование государства в конкретной политико-правовой форме отражается как позитивно, так и критически, а также являющаяся одним из базовых идейно-ценностных средств воздействия на процессы образования, воспроизводства и изменения формы политической организации власти.

А. Д. Керимов[1],
профессор кафедры конституционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Позвольте мне поделиться своими соображениями относительно изменения роли государства на современном историческом этапе.

Государство очевидно слабеет, утрачивая значительную часть своего суверенитета. Это касается всех или подавляющего большинства стран мира. Естественным образом возникает вопрос, с чем это связано? Прежде всего, это обусловлено интенсивно протекающими процессами глобализации, особенно начиная со второй половины прошлого столетия. Об этом достаточно много написано, посему не буду останавливаться на этом аспекте проблемы.

Но есть и другая причина стремительного ослабления роли современного государства. Дело в том, что после имеющих поистине эпохальное значение трагических событий 1991 г., т. е. когда погибла, точнее, была разрушена великая империя – Союз Советских Социалистических Республик, мы, как и все другие народы, стали жить и поныне живем в условиях победившего в мировом масштабе капитализма. А поскольку мировая капиталистическая система предельно экономикоцентрична, ориентирована исключительно на достижение материального, финансового успеха практически любой ценой, признает в качестве непререкаемого авторитета и неоспоримой власти только деньги, сохранение в ее рамках в полной мере государственного суверенитета, в особенности экономического, невозможно в принципе.

К сожалению, вся взятая в совокупности российская правящая элита не считает возможным или попросту не желает по тем или иным (зачастую вполне понятным, обусловленным классовыми интересами) причинам менять общественно-экономический и политический строй, что, разумеется, объективно никоим образом не способствует упрочению государственного и, в частности, экономического суверенитета,

[1] © Керимов А. Д., 2018.

как его неотъемлемой части. Но есть и положительный момент, вселяющий в душу надежду и воодушевление: немалая часть политической элиты тем не менее вполне искренне хочет его сохранить (опять же насколько это возможно в условиях свободного рынка). Я абсолютно убежден, что это стремление совпадает с чаяниями подавляющего большинства россиян и национальными интересами нашей страны.

Скрупулезное изучение и осмысление множества разнообразных процессов, происходящих сегодня и в прошлом в мировом сообществе, позволяет мне спрогнозировать дальнейшее наиболее вероятное развитие событий на геополитическом уровне, по крайней мере, в части, касающейся государственного суверенитета и грядущего мироустройства. Я полагаю, что потеря (полная или частичная, но весьма значительная) суверенитета, в первую очередь экономического, практически всеми государствами мира в ближайшей исторической перспективе неизбежна. Этот неотвратимый процесс идет полным ходом и будет, с моей точки зрения, только ускоряться и углубляться. Останется только две или три, максимум четыре державы, каждая из которых будет обладать почти всей полнотой суверенитета и в жесткой форме делить между собой мир на сферы влияния. Я имею в виду США, Китай и Россию. Что касается возможного четвертого актора, то им может стать та страна, которая в течение ближайших 20–30 лет достигнет наибольших успехов в военной и экономической областях.

Обратим сперва наши взоры на Соединенные Штаты. После гибели СССР и практически одномоментного крушения биполярной системы произошло перераспределение власти на международном уровне. Наступила новая, полная драматизма, крайней ожесточенности и предельной напряженности историческая эпоха. «Вчера еще, – отмечает выдающийся отечественный политолог и философ А. С. Панарин (1940–2003 гг.), – США осуждали власть советской сверхдержавы или власть диктаторов и гегемонистов регионального масштаба как непомерную и опасную для людского благополучия. Но сегодня их уже не пугает куда более авантюрная и захватывающая миссия – управлять всем миром на основе однополярной модели, в рамках которой только им принадлежит монополия на действительно стратегические решения. Заявка на такую роль – это, несомненно, завязка такой политической драмы, которую не видел мир»[1].

[1] Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 17.

Поначалу складывалось впечатление, что американскому правящему классу полностью удалось выполнить взятую на себя миссию. Однако довольно быстро обнаружилось, что это далеко не так. Сегодня можно с уверенностью сказать, что первоначальный, к счастью, весьма непродолжительный период новой исторической эпохи, характеризующийся почти безраздельным господством США на международной арене, завершился (или стремительно завершается на наших глазах). Ведь претензия США на мировое господство, тотальную власть, установление и упрочение однополярной структуры натолкнулась на яростное и небезуспешное сопротивление со стороны многих, в первую очередь могущественных и влиятельных, вовсе не желающих поступаться своим суверенитетом государств, которые либо исповедуют полицентризм и посему видят будущий мир многополярным, либо сами преследуют цель стать гегемонами в региональном, а то и в планетарном измерении. К последним, т. е. объективно притязающими если не на глобальное всевластие, то на мировое лидерство, относятся прежде всего Китай и Россия (вероятно, и некоторые другие страны) вне зависимости от того, что официально заявляют по этому поводу их высшие руководители. Политические лидеры названных стран в данном случае либо намеренно скрывают свои истинные планы (что, пожалуй, вполне разумно), либо, как ни странно, искренне заблуждаются, беспочвенно полагая, что доминирование в мировом масштабе не отвечает национальным интересам руководимых ими государств. В обоих случаях это не имеет особого значения, ибо стремление к такому доминированию предопределено всем ходом и направленностью исторического процесса, т. е. всегда достаточно жестко детерминировано, а отнюдь не стохастично и посему в весьма малой степени зависит от воли отдельных, пусть даже высокопоставленных личностей.

Китай, несмотря на традиционную для него своего рода интровертность, фиксированность в первую очередь на собственном самосовершенствовании, сконцентрированность главным образом на вопросах внутренней политики, в последние десятилетия развивается столь ускоренно и интенсивно, столь стремительно агрегирует в своих руках мощные финансовые, материальные, людские, военные, технико-технологические, информационные, и прочие ресурсы, что с каждым годом все активнее, энергичнее и, надо признать, успешнее навязывает свою волю другим государствам, всему международному сообществу. Сегодня КНР уже не может довольствоваться самодостаточным и не-

когда уютным одиночеством. Она не в силах более пребывать в комфортном состоянии отстраненного, безучастного и бесстрастного наблюдателя. Ей становится невыносимо тесно в узких рамках национальных границах. Непреклонная логика ее внутреннего развития, отличающегося поразительными масштабами и темпами, объективная направленность исторического процесса на углубление глобализации, открытая ориентированность правящих кругов США на мировое господство и, соответственно, продолжение холодной войны с Россией, ее нынешними и потенциальными союзниками – эти и некоторые другие важнейшие факторы неумолимо подталкивают китайскую политическую и экономическую элиту к необходимости распространения своих властных амбиций вовне.

Что же касается нашей страны, то здесь воздействие названных факторов усиливается многократно. Можно с уверенностью сказать, что извечная сосредоточенность России отнюдь не только на вопросах внутриполитического, но и геополитического уровня вполне естественна, закономерна и, более того, предопределена драматическими перипетиями ее многовекового развития, своеобразием географического положения, культурными и религиозными традициями, особенностями русского менталитета и т. п. «Ведь Россия, – абсолютно точно отмечает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, – это не просто государство со своими границами, законами и учреждениями. Это – страна-цивилизация, чьи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями. Потому нашими рубежами являются и наши мировоззренческие установки, стоящие на страже цивилизационной идентичности»[1]. А такого рода установки естественным образом распространяются на весь мир.

Рассматриваемая в историософском контексте, наша страна на всем протяжении своего существования, будь то Древняя Русь, Российская империя, СССР или нынешняя Российская Федерация, конечно же, с различной степенью интенсивности и напряженности в зависимости от переживаемой эпохи или периода своего развития, неизменно демонстрировала нацеленность на решение задач поистине вселенского масштаба, ориентированность на максимально широкое распространение

[1] Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире. – М. : Всемирный русский народный собор, 2015.– С. 105–106; Мулукаев Р. С., Курицын В. М., Михайлова Н. В. и др. История отечественного государства и права. М., 2009.

передовых достижений своей культуры, сформированных в течение многих столетий духовно-нравственных ценностей, ясно осознавала свою особую, мессианскую роль в мире и налагаемую ею огромную ответственность за настоящее и грядущее всего человечества. Иначе не могло быть в стародавние времена и в обозримом прошлом, не может быть и поныне. Так будет и в будущем, ибо именно в этом историческая судьба нашего Отечества. Россия обречена на мессианство и, следовательно, на извечную и постоянную борьбу за лидерство.

Здесь перед нами со всей неизбежностью встаёт чрезвычайно важный вопрос. Удастся ли России сохранить свой суверенитет в полной мере, точнее, в той максимально возможной степени, в какой это в принципе осуществимо в условиях глобализации и капитализма, и вновь обрести статус сверхдержавы? Надеюсь, что эта цель вполне достижима, но на пути продвижения к ней возникает серьезное и опасное препятствие. Проблема в том, что в нашей стране существуют силы, которые с полным на то основанием могут рассматриваться в качестве «пятой колонны». Наличие таких сил (заметим, весьма значительное) и их чрезвычайно энергичную разрушительную деятельность можно без труда обнаружить и в стане правящего класса.

Сильные государства, как пишет видный американский социолог и философ, один из основателей мир-системного анализа И. Валлерстайн, «могут позволить себе привести к власти в слабых государствах приемлемых для них людей, которые позже вместе с ними будут давить слабые государства и добиваться, чтобы те придерживались политического курса, удобного сильным государствам»[1]. Именно так и поступили сразу же после развала СССР, в начале 90-х годов США в отношении России, которая в тот период была крайне ослаблена. Результат не заставил себя ждать. Невозможно не признать того очевидно факта, что тогдашняя правящая элита нашей страны почти полностью состояла из персонажей более чем удобных Америке, т. е. из рядовых и офицеров «пятой колонны». Посему нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство представителей этой элиты (чаще всего злонамеренно, редко по недомыслию) незамедлительно, решительно и бесповоротно отвергли марксизм и безоговорочно присягнули на верность либерализму (прежде всего либертаризму), капитализму и свободному рынку, причем в их радикальном, порою аб-

[1] Валлерстайн И. Миросистемный анализ : введение. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 141.

сурдно-уродливом выражении. Следует особо подчеркнуть, что политическую элиту этого поистине трагического и постыдного периода отечественной истории (т. е. последнего десятилетия прошлого столетия) активно и энергично поддерживали многие представители интеллигенции: одни, будучи опять же убежденными бойцами «пятой колонны», другие – по глупости, увлекшись новомодными тогда для нас идейными течениями.

С тех пор многое изменилось к лучшему. Однако это вовсе не означает, что представители «пятой колонны» полностью покинули стан власть имущих.

Таким образом, чтобы сохранить и упрочить свой государственный суверенитет и вновь стать сверхдержавой нам предстоит в кратчайшие сроки решить чрезвычайно важную и сложную задачу: вся отечественная правящая элита должна стать национально ориентированной и национально ответственной.

Сейчас во многих странах, в известной степени включая, к сожалению, и наше Отечество, представители правящей элиты (точнее, значительная их часть) являются не более чем жалкими эпигонами мироустроительных концепций, этических норм и установок, составляющих идеологический базис современной западной цивилизации, очевидно находящейся по многим важнейшим показателям в глубочайшем кризисе. Они, в сущности, вовсе не стремятся перенять то лучшее, что было создано Западом в духовной сфере за истекшие несколько столетий, а лишь алчут механически привнести в национальную культуру инородное цивилизационное содержание, насильственно внедрить чужие, а порою и откровенно чуждые ценности, значения и смыслы. Они меньше всего озабочены потребностями руководимого ими социума, нуждами и чаяниями народа, зато чрезвычайно восприимчивы к собственным материальным обретениям и потерям; одержимы стремлением достижения успеха, не взирая ни на какие нравственные запреты и ограничения, при этом крайне нетерпимы к финансовым и карьерным неудачам. Им неведомы иные разновидности человеческих мотиваций, кроме своекорыстных. Чувства долга, ответственности перед нацией, призванности служению Отчизне и даже любви к Родине им не свойственны, нередко совершенно чужды. Они – воинствующие космополиты, исповедующие принцип: «Ubi bene, ibi patria» (Где хорошо, там и Родина), люди мира, превратившие бойкую и беззастенчивую торговлю национальными интересами в умело организованный, прекрасно отлаженный и высокоприбыльный бизнес.

Они заняты разбазариванием или же попросту банальным «проеданием» сырьевых запасов, миллионы лет накапливаемых природой, и богатств культуры, создаваемых гигантскими творческими усилиями предшествующих поколений на протяжении столетий, а то и тысячелетий. О необходимости сохранения и приумножения этих богатств они даже не помышляют. Разумеется, с такой элитой о сохранении государственного суверенитета остается только мечтать.

Сказанное в полной мере относится к России ельцинской эпохи. Однако нельзя не заметить, что сегодня ситуация постепенно меняется к лучшему. Создается вполне обоснованное впечатление, подкрепленное конкретными фактами практической политики, что часть высшего руководства страны действительно озабочена защитой национальных интересов нашего отечества. Для того чтобы сохранить и упрочить государственный суверенитет построить действительно сильное, мощное, жизнеспособное государство, возродив его в качестве сверхдержавы, российская властвующая элита должна быть подвергнута процедуре тщательного аффинирования, целью которой будет ее превращение в единую и сплоченную корпорацию лиц, воодушевленных идеей безусловной приоритетности национальных интересов над какими бы то ни было другими, обеспечения процветания и благоденствия собственной страны.

Между тем многие серьезные исследователи, задаваясь вопросом, реальна ли эволюционная трансформация всей российской политической элиты в сторону служения таким интересам, дают на него однозначно отрицательный ответ, высказывают здесь откровенный пессимизм, абсолютное неверие в возможность ее постепенного, столь глубокого, качественного превращения. Так, А. И. Фурсов полагает, что добиться этого можно не эволюционным, а исключительно революционным путем. Поясняя свою позицию, он отмечает, что вовсе не обязательно непременно должна прийти какая-то другая элита, хотя и не исключает полностью подобный сценарий развития событий. Однако скорее всего, по его мнению, все пойдет по варианту 1929 г., когда одна из групп власть имущих – сталинская номенклатура, «у которой не было счетов в западных банках, пустила кровь остальной части верхушки, связанной с Западом»[1]. Таким образом, А. И. Фурсов считает, что в современных условиях вероятнее всего будет востребован революционный вариант, в частности, потому что «эволюция сложных и

[1] Фурсов А. И. Какая элита нужна России? // URL: http://gtmarket.ru.

крупных систем необратима»[1]. «Думаю, – заключает автор, – если и возможны изменения, то а-ля 1929 год, с возникновением того, что можно назвать неопричниной. Если нет, то альтернатива, на мой взгляд, одна. Это распад страны, это утрата верхушкой своего даже нынешнего полунезависимого положения в мировой системе…»[2].

Я в значительной степени разделяю пессимистические воззрения и прогнозы А. И. Фурсова. Нет ни малейших оснований надеяться на то, что определенная и при этом немалая часть российской правящей элиты когда-либо станет национально ответственной и национально ориентированной. Вместе с тем я все же всецело уповаю на то, что самоочищение правящего класса возможно бескровным путем.

А. И. Клименко[3],
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА ПРОТИВ ПРАВОВОГО УНИВЕРСАЛИЗМА ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ)

Сегодня в научной литературе достаточно часто можно встретиться с различными формами полемики, вызванной приверженностью авторов к различным правовым концепциям, школам правопонимания. Прежде всего, дискуссия развивается между приверженцами учения юридического позитивизма с одной стороны, и сторонниками естественно-правовой доктрины – с другой. Существует множество вариаций этих дискуссий, как и вариаций концепций того или иного полярного направления, и все они не лишены смысла. Однако, несмотря на очевидное «напряжение», которое формирует в научном правовом дискурсе противостояние указанных подходов к праву, сегодня актуализируется еще одно не менее значимое теоретическое противостоя-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] © Клименко А. И., 2018.

ние, существенное как для формирования идеологических представлений, так и имеющее практические следствия. Речь идет о противостоянии правового универсализма естественно-правовой школы с ее верой в «универсальные законы разума», с одной стороны, и идей исторической школы права о национальной природе правовых систем и их культурной детерминированности – с другой (несмотря на то, что сегодня многими исследователями историческая школа права рассматривается как уже довольно архаичное учение, ее элементы мы видим и в современных подходах). В настоящей статье не ставится задача вникнуть во все нюансы концепций исторической школы права и, тем более, изложить все неизмеримое многообразие естественно-правовых концепций[1]. Важными для нас представляются именно заложенные в этих двух во многом противоположных подходах к праву антагонистичные подходы к проблеме правового универсализма.

Формирование теоретических моделей права без учета исторической и культурной специфики (а на этом учете настаивала историческая школа права) или с учетом этой специфики, но с признанием ее несущественной, ведет к формированию весьма абстрактных универсалистских правовых моделей, так характерных для естественно-правовых концепций. Такого рода модели сегодня оказываются весьма востребованными ввиду развития международного права, тенденции глобализации. Они также востребованы в том случае, если право мы рассматриваем как своего рода метакультурную модель общения, то есть как нормативно-ценностную систему универсального плана, которая определяет отношения даже между культурно чуждыми общностями. Данный вопрос актуален и на уровне многонациональных и

[1] См.: Штраус Л. Естественное право и история. М. : Водолей Publishers, 2007; Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба (1896) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 1–225; Муромцев С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции (1886) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 227–314; Кареев Н. И. Два взгляда на процесс правообразования // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 315–350; Кениг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции (1863) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 351–378; Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 379–422; Пухта Г. Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 423–510.

многоконфессиональных государств, и на уровне формирования международных интеграционных объединений, и в плане формирования глобального правопорядка. Этот универсалистский подход хорошо коррелирует с договорными концепциями человеческого общежития (с моделью договорного формирования правовых ценностей). Не случайно договорная концепция (модель) происхождения государства, как правило, весьма популярна среди сторонников естественно-правовых идей.

Вместе с тем следует отметить, что возникают и получают поддержку направления теоретической научной мысли, которые реактуализировав идеи исторической школы права выступают против правового универсализма и в особенности его практических проявлений (следствий). Раздаются голоса в пользу защиты государственного суверенитета, уважения самобытности народов, автономии национальных правовых систем[1], имеющих свои исторические и культурные корни; не следует забывать, что и антиколониальное движение XX века было основано во многом на критике политического и правового универсализма и утверждении национальной самобытности[2]. Также следует отметить и положение исторической школы, которая, связывая право с культурой, бросала вызов естественно-правовой идее о рационализме права, утверждала, что право, как и культура, содержит рациональный и иррациональный компоненты[3]. Соответственно, иррациональное в праве можно чувствовать-ощущать, будучи интегрированным в культуру, или просто наблюдать, однако оно не выводимо рациональным способом и не может быть смоделировано на основе «разумности».

В методологическом плане в теоретико-правовых исследованиях проблема видится в ракурсе различных подходов к построению теории. Целый ряд правовых концепций основан, прежде всего, на «рациональном моделировании», то есть на создании новых концепций, оторванных от исторических основ (иногда даже концепций, претендующих на особое положение и новаторство в силу оторванности от самой

---

[1] См.: Керимов А. Д., Куксин Н. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. – М. : Норма : Инфра-М, 2017.

[2] Каддафи М. Зеленая книга. – М. : АСТЭС (Российско-арабский торгово-экономический Совет), 2000.

[3] См. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. Монография. – М. : Проспект, 2012. – С. 19–25, 125–152, 141–153.

традиции политической и правовой мысли) или слабо связанных с историческим методом познания права. Такие концепции, как правило, могут выступать как универсальные, так как имеют опору в сознании, но не в конкретно исторических явлениях[1]. Ряд концепций, напротив, основывается на применении исторического метода, и здесь проблема «оторванности» от правовой реальности сменяется проблемой сложности учета, анализа и теоретического обобщения исторических материалов, сложности формирования теоретической модели на основе этих материалов[2]. Именно на этом базируется научная школа исторического реализма В. М. Курицына[3].

В действительности современные теории, как правило, не могут позволить себе игнорировать исторический метод, но в то же время должны оставаться теориями (не терять качество умозрительных моделей, объясняющих реальность). В этом плане в каждой современной теории присутствует и модельный – рационально конструируемый, и исторический компонент. Вопрос именно в пропорции. Исторические данные либо «вписываются» в теоретическую модель, либо сама модель строится на их основе. Таким образом, определенное «напряжение» предпочтений существует практически в каждой правовой теории, и это находит отражение и в плане формирования теоретических оснований правовой политики[4]. Основу такого «напряжения» мы уже видим в положениях естественно-правовой концепции, с одной стороны, и исторической школы права – с другой. Фактически доводы одной и другой стороны в контексте современного научного правового дискурса реактуализированы.

Итак, нам предстоит оценить перспективы разрешения этого «напряжения», где одним полюсом выступает историческая школа

---

[1] См. как пример талантливого социально-политического моделирования концепцию Роберта Нозика: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М. : ИРИСЭН, 2008.

[2] См.: Курицын В. М., Шалягин Д. Д. Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. – М. : Академический Проект, 2004; Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940 гг. – М. : Международные отношения, 1998.

[3] Курицын В. М. Концепция истории государства и права : научное издание. Научные школы МосУ МВД России. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

[4] См.: Мамонтов А. Г. Судебная реформа второй половины XIX века: законодательный романтизм и суровая реальность // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Сборник научных статей. – М. : Московская академия управления МВД России, 2001. – С. 47–56.

права и ее идеи о праве как о продукте духа народа, а другим – естественно-правовая концепция с ее верой в разум и претензией на правовой универсализм. Здесь следует признать, что несмотря ни на что сегодня тренд, связанный с правовым универсализмом, является ведущим в правовом дискурсе, а ориентация на суверенитет государства и автономию правовой системы выступает скорее как контрстратегия. Несмотря на то, что эта контрстратегия сегодня зачастую неплохо противостоит самым «уродливым» следствиям правового универсализма (таким, например, как оправдание «гуманитарных интервенций»), современное развитие общества, где право уже воспринимается не как продукт культуры и исторического развития, а как инструмент формирования мировоззрения – выражение идеологии всего общества, способствует ограничению (свертыванию потенциала) исторического метода, правовой самобытности и утверждению правового универсализма (тяготящегося каких-либо исторических корней) на основе идеологических моделей права (которые тем не менее не носят чисто произвольный характер, а имеют определенные социологические основания). Вместе с тем речь опять же идет о пропорциях.

Полагаем, снятие противоречия, обозначенного в заявленной тематике статьи и, соответственно, «примирение» некоторых (однако не всех) доводов естественно-правовой концепции права и исторической школы права сегодня возможно в контексте социо-аксиологического подхода к праву. Этот подход предполагает восприятие права в ценностном ракурсе (как системы правовых ценностей) и наряду с этим рассматривает правовые ценности как ценности конвенционального характера, т. е. формируемые в конкретном политически организованном обществе посредством договора или консенсуса в результате публичного правового дискурса. Поскольку ценности формируются в результате правового дискурса (именно как компромиссные или договорные), его наличие является наипервейшим условием самой возможности формирования правоотношений (будь то национальный уровень, международный-универсальный или международный-глобальный). Здесь представляется очевидным то, что основанием права является стремление к общению и выработке общих базовых смыслов и ценностей, и вовсе не обязательно, что такие основания будут в конкретной ситуации иметь место или выступать как достаточные для правообразования. В рамках такого подхода мы можем определить «границы» правового универсализма, признав некоторые доводы, сформулированные еще в рамках исторической школы права вполне

убедительными, при этом, не отрицая потенциальную роль права как универсальной формы межкультурного нормативного общения и универсальной регулятивной системы.

Следует подчеркнуть, что право, будучи принципиально на ценностном уровне конвенциональным образованием, может рассматриваться как компромиссная ценностная система – основание для общения различных людей, народов, культур. Право на ценностном уровне всегда формируется как общее для тех, кто его формирует. Однако именно заинтересованность в общении, во взаимодействии рождает право – без них оно не имеет смысла, а правовые системы народов могут действительно быть «несовместимы». Хотя потенциально такое совмещение вполне возможно. При этом, при условии возникновения стремления к общению, право (международное / межгосударственное) всегда может быть актуализировано. В настоящее время в условиях глобализации и международной регионализации мы можем наблюдать развитие как международного права, так и интеграционных правовых систем (региональных и глобальных). Ряд авторов сегодня предлагает обратить внимание на особый тип интеграционного права; по их мнению, на глобальном уровне к этому праву относится право Всемирной торговой организации. На международном региональном уровне – это право ЕС, Совета Европы, Европейской ассоциации свободной торговли и Европейского экономического пространства, право ЕАЭС, Союзных государств России и Беларуси, Северного совета, Западноафриканского экономического и валютного союза, НАФТА[1]. Именно развитие интеграционного права и возникающая потребность в его исследовании наглядно демонстрирует возможности социо-аксиологического подхода в совмещении компонентов исторической школы права и естественно-правовых концепций по вопросу отношения к проблеме «правового универсализма», провозглашенного естественно-правовыми теориями.

Таким образом, несмотря на то, что в рамках отдельного государственно-организованного общества может быть сформирована весьма самобытная правовая система (и ценностная основа этой системы), принцип формирования ценностной основы правовой системы выступает как универсальный. И он может быть реализован и на транснациональном уровне, несмотря на ценностное различие национальных

[1] Кашкин С. Ю., Четвериков А. О., Калиниченко П. А. и др. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. Монография / отв. ред. С. Ю. Кашкин. – М. : Проспект, 2015. – С. 8.

правовых систем, о чем свидетельствует развитие международного и интеграционного права в настоящее время.

А. В. Корнев[1],
заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Многие категории, которые используются в научном, а то и в повседневном языке, со временем приобретают оттенок банальности. К ним привыкают, их используют, при этом не особо вникая в смысл произносимого. Взять, к примеру, такое понятие как социальный факт. Безусловно, социальный факт больше относится к предметному полю общей социологии. Однако этим понятием оперирует философия, юриспруденция, история и другие науки. Причем во всех этих и других науках в понимание социального факта привносятся различные аспекты.

Факт (лат. faktum – сделанное, совершившееся). Различают понятие объективного и научного факта. Под объективным фактом принято понимать некоторое событие, явление, фрагмент реальности, которые составляют объект человеческой деятельности или познания. Научный факт – это отражение объективного факта в человеческом сознании, т. е. его описание посредством особого языка. Научные факты служат основой теоретических построений, которые были бы без них невозможны. Будучи единичным явлением или событием, одни факты необходимо связаны многообразными отношениями с другими. Поэтому научное познание должно дать по возможности полную картину фактов со всеми их отношениями и связями. Совокупность научных фактов составляет научное описание[2].

Как следует из академического издания, социальным фактом может быть всякое событие и действие, которые мы наблюдаем. Научный факт есть отражение объективного факта в человеческом сознании.

---

[1] © Корнев А. В., 2018.

[2] Философский словарь. М., 1981. С. 383.

И вот уже здесь встречаются первые трудности. Объективные факты преломляются через сознание человека, а оно у каждого индивидуально. Даже у тех, кто профессионально занимается наукой, в частности историей. Почему одни и те же социальные факты совершенно по-разному интерпретируются историками, юристами да и другими представителями общественных наук? Причин тому много – от сознательного искажения фактов до добросовестного заблуждения. Взять, к примеру, столетний юбилей, согласно новым веяниям, Великой русской революции. Для советского человека это было эпохальным событием, изменившим не только страну, но и весь мир. Однако в постсоветский период отношение резко поменялось. Сегодня вновь возвращается мода на все советское, к неудовольствию определенной части нашего общества. Мы видим, что интерпретация социальных фактов, более широко – общественно значимых событий, может быть прямо противоположной. Но стоит ли радоваться этому, с позволения сказать, плюрализму. Думаю, что нет, поскольку это подрывает авторитет науки, прежде всего исторической.

Несколько иное понимание социального факта мы можем найти у представителей социологической науки. Очень авторитетный социолог Э. Дюркгейм писал: «…социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»[1].

Дюркгейм отмечает, что социальным фактом нередко обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо общий социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Социальный факт, по его мнению, узнается лишь по той внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами. А присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции, или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида выступить против него[2].

---

[1] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008. С. 79.

[2] Дюркгейм Э. Указ. соч. С.76.

Некогда выдающийся русский социолог Н. И. Кареев писал, что из конкретных наук самое важное значение для социологии имеет, несомненно, история. Конечно, социология может весьма многое извлекать из непосредственных наблюдений над современностью, особенно если эти наблюдения ведутся по известному плану, как это делается, например, в статистике. Но главный фактический материал социолог будет всегда получать из истории прошлого. Само исследование современных социальных явлений может дать настоящие плоды под условием изучения не только взаимной связи между этими явлениями, но и породивших их причин в прошлом, равно как и тех следствий, которые должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явления сделаются фактами прошлого. С другой стороны, многие факты современности получают надлежащее освещение лишь тогда, когда к их объяснению мы привлекаем аналогичные факты, наблюдавшиеся в прошлом, или когда мы знаем генезис объясняемых нами фактов. То, что мы называем современностью, с каждой новой минутой становится прошлым. Но самое важное, считает Кареев, это то, что в летописях исторической науки мы имеем такое громадное количество социологического материала, какого нам не дает и дать не может непосредственное наблюдение над окружающей нас действительностью. Дореволюционный социолог отмечает, что в XIX веке произошло сближение между историческими и другими науками: параллельно с «историческими школами» в юриспруденции и политической экономии возникают в самой истории новые юридические и экономические направления. В этом же столетии исторический метод был применен к изучению юридических и экономических явлений[1].

Не без иронии Н. И. Кареев отмечает, что из всех общественных наук более всего общая теория права всегда грешила метафизичностью своих построений. Недаром Огюст Конт ставил рядом юристов, как светских вождей общества, с метафизиками, его духовными вождями, на вторую ступень развития.

Метафизичность общей теории права вовсе не умаляет ее роли и значения для юридической науки. Философия права – составная часть общей теории права, не может обойтись без известной доли метафизики, коль скоро речь идет о понимании права, его источниках. Как же тут можно обойтись без метафизики. Без нее могут обходиться другие

[1] Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Избранные статьи по социологии. – СПб., 2008. – С. 76.

составные части общей теории права – социология права и догма права, но никак не философия права.

Итак, основной материал социология получает из истории, из современности, которая в какой-то мере всегда исторична. И здесь перед исторической наукой неожиданно возникает проблема, напрямую касающаяся интерпретации социальных фактов и социальных явлений. Итальянский философ Бендетто Кроче высказал идею, ставшую сегодня практически клише: «Любая история есть, прежде всего, история времен своего написания». Вот это действительно важнейшая проблема, которая стоит перед исторической наукой. Может быть, на этом фоне у нас сформировалось другое клише: «Россия – страна с непредсказуемой историей».

Может и прав был философ, когда констатировал, что наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствия культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем совершенно готовые идеи. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. И самое главное в контексте проблематики: «Удивительное дело! Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает»[1].

По одной из версий, именно с П. Я. Чаадаева начинает формироваться русская философия. Мысли этого выдающегося мыслителя – внука знаменитого и образованнейшего человека своего времени князя Михаила Михайловича Щербатова – не лишены определенных оснований. Но вместе с тем они несколько категоричны. А. С. Пушкин в своих письмах Чаадаеву указывал ему на то, что у России была своя, особая миссия. Она и предопределила обособленность русского мира

[1] Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб, 2014. С. 41–42.

от европейского. «Солнце» русской поэзии так выразил свое отношение к историческим воззрениям Чаадаева: «… клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[1].

Критикуя русскую историческую науку за неспособность объяснять наше прошлое, Чаадаев и сам не безупречен в своих рассуждениях.

Наука, историческая и, что совсем плохо, социология, до настоящего времени уделяет гораздо больше внимания понятиям, концепциям[2].

Между тем социальные факты нужно рассматривать как вещи (Э. Дюркгейм). Человек имеет дело не только с явлениями, но и понятиями о них. В этом смысле человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но, так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений[3].

Вещью является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах – значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки.

Возможно, как говорит Дюркгейм, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, то все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь посредством феноменологической реальности, выражающей их. Например, нам дана не идея, создаваемая людьми о стоимости (она недоступна наблюдению), а стоимости, реально обмениваемые в сфере экономических отношений.

Социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно они будут освобождены от индивидуальных фактов, в которых они проявляются.

Дюркгейм выдвигает очень плодотворную идею: «…в процессе объяснения социального явления нужно отдельно исследовать порождающую его реальную причину и выполняемую им функцию»[4].

---

[1] Там же. С. 281.

[2] Курицын В. М. Переход к нэпу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. – 1992. – № 1. – С. 140–158.

[3] Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 80.

[4] Там же. С. 150.

Никто особенно не оспаривает статус истории как науки. Но почему же тогда в ней так часто можно встретить прямо противоположные оценки одних и тех же социальных фактов и событий? Ответ напрашивается сам собой. В последнее время можно услышать мнения в части того, что история может и должна стать точной наукой. И тогда она избавится от всех тех изъянов, которые очевидны всем. На мой взгляд, *в основу исторической науки должен быть положен социальный факт (факты), точнее причинно-следственная связь между ними.* Только в этом случае она имеет шансы превратиться в точную науку. Сейчас она по-прежнему представляет собой борьбу мнений, цитат, взглядов, которые сформулировали люди со своими вкусами и предпочтениями. Редкий труд по истории содержит добротную фактуру, ее анализ, глубокое проникновение в суть явлений и поиск взаимосвязей между ними. В основном это сопоставление мнений, цитат, точек зрения. Иными словами, социальный факт (вещь, доступная для нашего восприятия) подменяется идеей, умозрительной конструкцией. Сегодня в публичном пространстве интерпретация стала доминировать над фактом. Это уже совершенно новая реальность, которая нуждается в серьезном осмыслении.

Ю. Ю. Кулакова[1],
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА БЮРОКРАТИИ В РОССИИ

Российское государство имеет многовековую историю, обладающую рядом малоизученных, но существенных проблем, одной из которых является проблема бюрократии в России и ее роль в становлении и развитии нашей страны.

Анализируя самые различные этапы истории становления современной России, можно сказать, что данное государство имело как

[1] © Кулакова Ю. Ю., 2018.

взлеты, в виде успешного функционирования всех ветвей и систем государственного управления, так и падения, в виде неподдельного триумфа чиновничьей власти, заключающегося в произволе и властной неограниченности.

Начнем с Древней Руси. Период с середины IX века до XV века характеризовался княжеским управлением государством. Каждый князь вершил власть в пределах своей территории – княжества, имел дружину и осуществлял следующие функции:

1) военную (управление своей собственной дружиной, предводительство, разрешение вопросов с соседними княжествами мирным путем либо путем ведения воин с ними, по сути, защита своих княжеских границ);

2) административную (установление наказания за проступки, взимание штрафов, обложение населения судебными и торговыми пошлинами, а также повинностями);

3) судебную (отправление правосудия).

Административный аппарат состоял из посадников (далее – наместников, начиная с середины XII века), а также волостелей, которые выполняли управленческие функции сугубо в сельской местности. Вершину аппарата управления образовывал так называемый княжеский совет, который, соответственно, помогал принять решение об объявлении войны или заключении мира, увеличении дани или пошлин, а также расторжении и заключении различного рода договоров, так как власть князя держалась на специфических договорных обязательствах[1].

На наш взгляд, на данном этапе, можно проследить проявления патримониальной бюрократии, так как существовали специально выделенные из дворовых слуг люди – тиуны, которых князь наделял специфическими полномочиями, по сути, как и при патримониализме, они обладали особыми функциями, являющимися проявлением глубокого княжеского доверия.

Так же существовал аппарат лично зависимых от князя слуг, в отличие от них, тиунам давалась свобода. Им было необходимо присутствовать при отправлении правосудия, а иногда даже заменять посадника или князя, «вершивших» суд. Также им доверялось управление личным хозяйством князя в селениях или даже на самом дворе князя.

---

[1] Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. М., 2008.

По сути, тиуны являлись первыми древнерусскими чиновниками. Тиуны различались по функциональной сфере действий, но по поручению князя каждый из них мог заниматься любой государственно-управленческой и исполнительной деятельностью, например, торговыми и финансовыми делами, а также они могли выполнять одновременно вышеупомянутую судебную и военную функции.

Формирующийся на данном этапе аппарат особо приближенной к князю власти и есть проявление зарождающейся бюрократии России[1].

Своеобразным феноменом, сдерживающим абсолютную власть князя, позже выступили новые государственные формы управления как вече или народные собрания, в компетенцию которых входило непосредственное избрание князя, а также решение особо важных вопросов подготовки к военным действиям, введения налогообложения, обороны особо значимых городов. Соответственно, съезды, на которых решался вопрос войны и мира, вопрос междоусобиц и разделения земель княжества.

Деятельность вече основывалась на выборности руководителей военных походов, которые занимали главенствующее место в политической жизни княжества, именно вече комплектовало все военное ополчение. Внутри вече занял особое положение совет, выполняющий исключительно исполнительные функции, его, как правило, составляли особо отличившиеся перед князем люди, местная элита или старейшины, которые играли ключевую роль в принятии решений всего народного собрания.

Таким образом, можно проследить следующую тенденцию: бюрократический аппарат на данном историческом этапе, этапе раннефеодальной монархии, составляли не только князь и его совет, но и народное собрание (вече), бояре, княжеская дружина, крупные купцы и дворцовые должностные лица и чины – довольно обширный и централизованный аппарат управления государством.

Период монголо-татарского ига, XIII–XV вв., характеризовался наличием аппаратом управления, в который входила Боярская дума, а также же тысяцкие, волостели и наместники, осуществляющие власть в регионах. Хочется отметить, что в этот период власть принадлежала удельным князьям и великому князю. После объединения земель русских поменялась государственная структура управления.

---

[1] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Кн. 2. – М., 2004. – С. 20.

В период образования централизованного Российского государства, конец XV – начало XVII вв. возникает многочисленная система государственных служащих, управленческая деятельность теперь основывается на профессиональных знаниях для укрепления центральной княжеской власти, впоследствии царя, а также для совершенствования военной мощи, судебного аппарата и карательно-исполнительной системы. Власть владыки государства не абсолютна, так как ее приходится разделять ее в этот период с Боярской думой, через которую осуществлялась особая политика. Именно она фактически претворяла в жизнь решения великого князя, хоть и их полномочия совпадали, а формально не были зафиксированы, без ее одобрения самовольные княжеские решения не реализовывались. Именно Дума фактически руководила органами управления, армией и сельским хозяйствам, а так же выносила свои приказы. Стоит отметить, что здесь они получали некое законодательное закрепление, так как делопроизводство стало развиваться на этом этапе и вершину служивой бюрократии составили думные дьяки, силами которых и появились самые разные варианты актов законодательства.

Р. Пайпс, американский профессор, считает, что весь административный аппарат государства того времени был предельно прост, так как издревле Дума была сугубо аристократической, а как только представители древних родов канули в лету, их места, соответственно, заменяли обыкновенные люди «из народа», отличавшиеся своими заслугами. Так как, повторюсь, деятельность Думы первоначально не была формально зафиксированной, она не имела и четко сформулированной сферы своей деятельности. Некоторые ученые считают, что данный орган обладал как законодательной властью, так и административной, а другие, напротив, считают, что Дума была скорее «фабрикой для реализации чужих, готовых решений». Исходя из того, что она, по сути, держалась на корпоративном духе, не обладала истинной политический властью, не имела постоянного состава, протоколов возникающих дискуссий, а также, элементарно, расписания заседаний, что, непременно дало бы шанс на саморазвитие данного органа, можно сделать вывод, что она не так уж и много значила для государства, как ее обрисовывает история[1].1711 год – Петр I заменяет Боярскую думу Сенатом, который вершил суд, публиковал царские указы, а также руководил всем управлением государства.

---

[1] См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2006. С. 120.

Нам близко мнение отечественного ученого В. О. Ключевского, который отдавал предпочтение более позитивной окраске Думы. Он рассматривал ее не с одной стороны, как сделал это Р. Пайпс, со стороны внутреннего режима функционирования (неведение протоколов, отсутствие четкой сферы влияния и постоянного состава, «высокая текучка»), а с двух сторон: внешней и внутренней. Внешняя была элементарно ограничена приказами государя, которая, по его словам, «являлась высшим и бесспорным двигателем правительственного механизма, народный интерес этой всея Руси подразумевался, не проявляясь как высшая цель его движения всеми одинаково признаваемая и одинаково принимаемая»[1]. Внутренняя же сторона характеризовалась, на его взгляд, бесшумной и иногда незаметной работой; люди обладали знанием своего дела и работали по обычаям, не ставя в приоритет развитие новых идей. Именно безынициативность, на мой взгляд, стала роковой ошибкой в деятельности данного органа, ведь с развитием бюрократического аппарата необходимы новые пути совершенствования его функционирования. То есть Дума работала фактически сама на себя, не меняясь, так как все больше брала управление приказами и юридическими вопросами и меньше заботилась о своем развитии как органа государственного управления, что было очень важно, если брать веяния в стремительном изменении государственного аппарата.

Эпоха царствования Ивана Грозного – середина XVI века. Создание Земского собора в противовес главному бюрократическому центру – Боярской Думе. Земский собор выступает отныне особым совещательным органом, решающим самые важные вопросы. Туда входили представители духовенства, богатые бояре, поместные дворяне и люди посадские. Делился этот орган на две палаты (см. схему 1).

Схема 1. Устройство Земского собора

[1] См.: Ключевский В. О. Курс русской истории. – Т. 2. – М., 2006. С. 301.

Земский собор, как и Боярская дума, – орган весьма противоречивый. До сих пор существуют различные оценки его работы. Одни исследователи связывают этот феномен с различными периодами истории становления России, а другие – с неэффективностью из-за отсутствия прав, третьи считали, что данный орган приближал царя к своему государству, и функция бюрократии, в данном случае, была – связать царя с помощью собор с народом[1]. Но из изучения историко-научной литературы мне стало понятно одно: Земский собор как бюрократический орган сделал свое функционирование более плодотворным и запоминающимся, чем Боярская дума, хотя бы потому, что целью, поставленной перед бюрократами этого времени было укрепление самодержавной власти, а не сужение власти великого государя[2]. А так как в Земский собор входили представители разных слоев общества, то «только на Соборе Великороссия могла сознать себя государством цельным»[3].

Так же наиболее ярким феноменом, возникшим в то время (конец XVI – начало XVII) можно назвать возникновение приказной системы, которая финансировалась центральной властью и имела уже формально-утвержденный штат, да и чем больше укреплялась монархия, тем ускорялся процесс бюрократизации именно исполнительной власти. Важный вклад в бюрократизацию власти того периода внес Петр I. Ранее уже освещалось, что он отменил Боярскую думу в 1711 г., помимо этого он построил новую, ранее неизвестную систему государственных органов. Правительствующий Сенат, Синод, коллегии и кабинет теперь осуществляли управление государством и составляли центральную власть, а воеводы, губернаторы и коменданты со своей системой канцелярии и выходцами из помещиков и дворян в качестве

---

[1] См.: Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России // Вопросы истории. – М. : ИЗД-М, 2011 – № 5; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. – М., 2006. – С. 197–201; Гарашко А. Ю., Степанюк В. И. Диалектика противоречий государства, гражданского общества, личности // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 40–43.

[2] См.: Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России. – М., 2001. – С. 92–140; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.

[3] См.: Ключевский В. О. Собрание представителей на земских соборах Древней Руси. – Соч. 2000. – Т. 8. – С. 369.

чиновников более низкого ранга осуществляли правление на местах. Введя коллегии и упразднив приказы, Петр I вывел бюрократию на новый уровень – государственный аппарат был более централизован, чем когда бы то ни было[1]. Как мы знаем, порядок службы в то время формально регламентировал «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», датировавшийся 1722 годом. Согласно данному Табелю, все чины делились на три категории:

1) военные;

2) придворные;

3) гражданские.

Все штатские и придворные должности приравнивались к офицерским рангам, которых было 14. Самым низшим считался четырнадцатый.

Именно благодаря Петру I в стране начала расцветать, в позитивном смысле этого слова, система бюрократии, постепенно увеличивая свои шансы для успешного функционирования.

К счастью, дальнейшее развитие бюрократии в целом можно охарактеризовать как позитивное по одной простой причине: хоть к власти и пришла Екатерина II, дворянство достигло апогея эгоизма, а государство, можно сказать, приняло классовую окраску – бюрократический слой стал самодостаточной политической силой. Решение всех вопросов, от политических до социальных, было монопольно изъято из рук правительницы и передано бюрократическому аппарату, который, упростив сам себя до одного института губернаторства, стал самым устойчивым из всех существовавших ранее институтов власти. Местная власть стала «дееспособной», а чиновническая система переняла у Запада новые социальные технологии, укрепив тем самым новое бюрократическое государство.

Период царствования Александра I можно назвать первоначальным этапом создания министерств. Так, теперь вместо 12 коллегий были созданы 8 министерств, а именно:

1. Морское;
2. Военное;
3. Юстиции;
4. Коммерции;
5. Внутренних дел;

---

[1] См.: Полное собрание законов Российской империи. – 1-е изд. – СПб., 2001. – Т. 3. – С. 311.

6. Финансов;
7. Народного просвещения;
8. Иностранных дел.

В этот период министры держали в руках не только исполнительную власть, но и законодательную, также следует отметить, что стремительно расширяющаяся власть почти всегда выходила за рамки установленных законом полномочий. Бюрократия, в ее этимологическом значении, стремительно распространялась благодаря возросшему количеству министерских канцелярий: министры теперь могли знакомиться с непосредственными результатами деятельности своих подчиненных только посредством письменных докладов и также письменно, могли изъявлять свою волю, но только в конкретно-определенной области. Все происходящее в бюрократическом аппарате говорило об одном: была «тысячекратно» увеличена бумажная переписка, а живые слова и суждения были заменены отныне бумажной деятельностью. Все это, отмечают исследователи, пришло именно с введением министерств. Губернаторы теперь – лишь проводники централизованной власти министров, местное управление теряет внешний вид автономности. Монарха можно было также назвать проводником министерской политики. Так как их власть была основана исключительно на огромном личном доверии государя, он был вынужден освещать решения министерств посредством авторитета своей власти. Что касаемо Сената, то он был отныне судебно-надзорным органом, фактически вошедшим в подчинение Министерства юстиции (высшего органа исполнительной власти).

Существовал в то время и гораздо более могущественный орган, которым являлась Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Этот орган был, по сути, инструментом непосредственного управления царем всеми сферами жизни государства, начиная с проблем царского двора, заканчивая общегосударственными вопросами. Это был самый мощный бюрократический орган, через который царь получал возможность рассмотрения всех сведений, приходящих на его имя, а также различных рапортов высших сановников, министров, губернаторов, иностранных послов. Высшим учреждением в сфере составления законов становится Государственный совет, состоящий из общего собрания, пяти департаментов, а также двух комиссий и вышеупомянутой государственной канцелярии. Своеобразным центром всех реформ, принимавшихся в России в ту эпоху, стал всем знакомый величайший государственный деятель М.М. Сперанский, который и

занимался их разработкой. Так как судебная власть также является частью научной работы, нельзя не упомянуть о вышедшей в 1803 году «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», которая была разработана все тем же М. М. Сперанским. Записка отражала политику великого деятеля, а именно: он выступал за постепенное реформирование существовавшего в тот момент самодержавия на нечто новое – конституционную монархию[1]. Именно на этом этапе берет свое начало феномен или принцип разделения властей. Так как М. М. Сперанский становится главным советником царя, он готовит систему государственных преобразований, в которой предполагается замена самодержавия Конституцией и разделения сфер власти на законодательную (в лице Государственной Думы), исполнительную (в лице министерств) и судебную (в лице, соответственно, Сената).

В эпоху правления Николая I государство за тридцать лет становится командно-административной машиной, со штатом послушных, но бездумных чиновников, защищающих косность и рутину, яро сопротивляющихся прогрессивным начинаниям. Принципом государственного правления становится принцип бюрократического централизма. Правление Николая I в корне меняет верхушку чиновничьей бюрократической иерархии, теперь чиновниками назывались выходцы из первых пяти классов, а всего их существовало четырнадцать[2]. Доминирующими чертами работы бюрократов, к сожалению, остаются коррупция, бумажная волокита и взяточничество. Царь оказывается под мощным давлением чиновничества, так как бюрократический стиль работы только усиливался – значимой теперь становится не фигура государя, а фигура чиновника или того служащего, который решал судьбу различных инструкций, бумаг из центра, указаний или судьбу реального человека, стоящего за ними. Но ни правительство, ни Сенат, ни император – никто не собирался противостоять той модели бюрократии, тем «неправильным» чиновникам. Следует отметить, что именно в этой эпохе взяло начало развитие гражданского недовольства аппаратом управления, так как даже если недостатки чиновничьего безрассудства и выявлялись, то практически не наказывались, то есть оставались без должного внимания высшего государственного аппарата правления. Провинившиеся чиновники наказывались крайне редко, да и то формально.

---

[1] См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. С. 164.

[2] См.: Ключевский В. О. Соч. – М., 1989. – Т. 5. – С. 247.

Гражданское общество было крайне недовольно такими чиновниками, все чаще требовало радикальных перемен, которые наступили при царствовании нового самодержца – Александра II. «Крестьянская реформа» 1861 года навсегда положила конец феодальной зависимости. Наконец, для страны был открыт путь капиталистического развития. Для завершения процесса перехода от феодального способа производства к буржуазному оставалось только изменить государственные механизмы. В связи с реформами чиновничий аппарат продолжал расти: так, Министерство финансов создало для сбора налогов на местах казенные палаты, а для сбора косвенных налогов – акцизные управления, также были открыты 2 кассационных управления (гражданский и уголовный), которые рассматривали жалобы и протесты граждан на различного рода решения местных судов. В целом реформы Александра II касались в основном местного самоуправления, что и привело его к мыслям о дальнейшем реформировании именно государственного бюрократического аппарата. К сожалению, воплотить в жизнь новые реформы ему не удалось, так как 1 марта 1881 года царь был убит народовольцами.

Пришедший к власти после смерти Александра II его сын, Александр III, был недоволен либеральной политикой отца, стремился к абсолютной монархии. Именно поэтому курс его политики стал значительно более жестким, как отмечают многие историки. Александр III начал проводить контрреформы. Именно по его указанию сменился состав правительства, в обязанности новых министров входил «контроль над спокойствием общественности», а помогала им в этом возможность ввода в любом из регионов режима «усиленной или чрезвычайной охраны». Помогало это и губернаторам: по их воле из региона могли высылать или подвергать аресту и штрафу людей «особо подозреваемых», в некоторых случаях дела на таких граждан передавались на рассмотрение в военный суд[1]. Роль губернаторов резко возросла: они отныне обладали и полицейскими функциями. Самым важным феноменом того времени стала программа пересмотра судебных уставов, выпущенная в 1864 году. Программа предлагала радикальные меры, которые ставили под вопрос многие принципы судопроизводства, а именно: ликвидацию несменяемости судей, ее независимость от администрации, предоставление возможности объявлять судебные заседа-

[1] См.: Исаев И. А. История государства и права России. М., 2001. С. 450.

ния закрытыми и даже применять меры к «обузданию произвола адвокатского», так же предлагалось ликвидировать суд присяжных, кассационный порядок судопроизводства и т. п. Стоить отметить, что эта программа была частично реализована в ходе «контрреформной» политики. К примеру, после введения должности земских начальников, которые выбирались государем из числа потомственных дворян, мировые судьи были упразднены. Теперь вся власть была в руках земских начальников, которые могли смещать и назначать должностных лиц, штрафовать и арестовывать крестьян без суда и следствия. Александр III все годы своего правления пытался сохранить в незыблемости принципы и структуру самодержавной власти, которая упиралась именно на бюрократический слой общества[1].

К сожалению, дальнейшая политика в области государственного управления, продолженная Николаем II, пришедшим к власти в 1894 году, была менее решительной и более консервативной. Бюрократический аппарат был огромен, «неуклюж» и болен формализмом – чиновники, как на местах, так и в центре погрязли в коррупции, не хотели элементарных перемен, они были безразличны к проблемам граждан как никогда ранее, вполне возможно, из-за их огромного количества (около 455 тыс. человек) и все большей вседозволенности, в связи с безмерным доверием государя. Как не пытался государь удержать самодержавие, никакие реформы, обещающие конституционную монархию, не могли усмирить революционный пыл народа, и 2 марта 1917 года Российское самодержавие было свергнуто. Власть была передана Временному правительству после отречения государя и отказа его брата Михаила Александровича от престола. В России образовалась совершенно неустойчивая бюрократическая пирамида, которая в октябре того же года рухнула в пользу большевиков. Стал образовываться новый, не менее бюрократизированный и, парадокс – более оторванный от нужд простых граждан, государственный аппарат партийно-бюрократической диктатуры.

Итак, советское государство: новая власть ликвидировала репрессивные и управленческие органы царского государства, теперь аппарат опирается на Советы как некую политическую форму диктатуры пролетариата. Создан Декрет о власти, принятый Вторым съездом Советов, где было отражено полновластие Советов, необходимость принятия ими законов, а также контроля и организации их исполнения.

---

[1] См.: История государственного управления в России. М., 1997. С. 184.

Верховный орган власти отныне – Всероссийский съезд советов, а ВЦИК (Всероссийский Центральный исполнительный комитет) становится органом, выполняющим основную работу между сессиями съезда. Необходимо отметить, что непотопляемость и живучесть бюрократии заключалась в ее умении быстро приспосабливаться к любым государственным ситуациям или историческим поворотам. Как только на горизонте виднелась смена уже существующей власти, бюрократия начинала строить свою «главную траншею в будущее» в виде регламентирования всего. Всякое инакомыслие осуждалось, каралось и преследовалось, аппарат власти был жестким и непримиримым, слепым к проблемам граждан. Но стоить отметить и плюс такой модели бюрократии, ведь именно в советский период она помогла одержать победу над главным врагом – фашизмом; бюрократия, порожденная авторитаризмом, служила верой и правдой, даже несмотря на кардинальную перестройку государственного аппарата в чрезвычайных условиях.

В период правления Н. С. Хрущева и впоследствии Л. И. Брежнева партийная элита к изменениям не стремилась: ведь для нее этот век был «золотым», а все потому, что партийная бюрократия была вознесена на Олимп политики и власти уже посредством закона[1].

С течением времени бюрократическая машина разрастается, 60–80-е года можно назвать временем подчинения ей всех государственных структур.

К сожалению, этот же период можно назвать периодом игнорирования всех жизненно важных принципов строения и деятельности партии ЦК КПСС, а также общества и государственных учреждений. Бюрократический аппарат все больше обретал отрицательные принципы функционирования: «канцелярщина», равнодушие, отписки и бумажная волокита стали нормой.

Начало 1980-х годов обнажило неэффективность существующей командно-административной системы государственного управления. В 1985 году М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Он пытался преобразить бюрократический аппарат, отказавшись от некоторых жестких и негативных сторон социализма, но бюрократизм социалистических структур оказался незыблем, и все попытки и стремления к модернизации были обречены на провал из-за

[1] Конституция СССР 1977. Ст. 6.

отсутствия четкой стратегии действий, основанной отнюдь не на методе проб и ошибок.

На основе проведенного исследования сделаем ряд выводов.

В жизни Российского бюрократического государства были как взлеты, обозначающие приоритеты всего народа перед узким правящим кругом лиц, так и падения, характеризующиеся триумфом «корыстного чиновника», отравляющего всю власть: и законодательную, и исполнительную, и судебную.

Россия является главным носителем черт преемственности бюрократического аппарата, будучи бюрократическим государством, вне зависимости от существующих ранее форм правления.

О. В. Курбатова[1],
доцент кафедры административного права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

ИСТОРИЯ И НОВЕЛЛЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ФОНДЫ

Начиная с момента создания в России государственных социальных внебюджетных фондов, можно выделить несколько основных этапов правового регулирования обязательных платежей, взимаемых в указанные фонды. Эти обстоятельства обусловлены изменениями направлений финансовой и налоговой политики российского государства, а также реализацией комплекса практических мер по осуществлению экономической и налоговой реформ[2].

I. *С момента учреждения в России государственных социальных внебюджетных фондов (начало 1990-х гг.) до вступления в силу части первой Налогового кодекса Российской Федерации*[3] *(1 января 1999 г.).*

---

[1] © Курбатова О. В., 2018.

[2] Финансовое право / под ред. Н. И. Химичевой. – М., 2004. – С. 474.

[3] Далее – НК РФ.

Этот этап характеризуется тем, что все действующие в этот период в России государственные социальные внебюджетные фонды формируются страховым методом, предусматривающим обязанность всех страхователей: работодателей (организаций), работающих и самозанятых граждан (нотариусов, адвокатов, частных детективов), а в определенных случаях и органов управления – вносить обязательные страховые платежи (взносы) в фонды.

Уплата страховых взносов производилась по страховым тарифам, т. е. ставкам платежей по социальному страхованию с единицы страховой суммы за определенный период. Размер страховых тарифов по представлению Правительства Российской Федерации утверждался Федеральным Собранием Российской Федерации в ежегодно принимаемом федеральном законе о тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования.

II. *С момента введения в действие части первой НК РФ до введения в действие части второй НК РФ (1 января 2001 г.).*

В первой части НК РФ вместо «социального налога» (как это предусматривалось в проекте НК) в перечень федеральных налогов и сборов (ст. 13) были включены «взносы в государственные социальные внебюджетные фонды», предусматривающие сохранение взимания обязательных платежей в каждый из них в отдельности. Однако данная статья должна была быть введена в действие лишь со дня введения части второй НК РФ, что давало законодателю возможность реализовать идею объединения отчислений в государственные социальные внебюджетные фонды в едином обязательном платеже в целях упорядочения и унификации порядка формирования финансовых ресурсов указанных фондов.

III. *С момента введения части второй НК РФ (1 января 2001 г.) до ее изменений с 1 января 2002 г.*[1]

На данном этапе взносы в государственные социальные внебюджетные фонды были заменены на включенный в систему федеральных налогов «единый социальный налог (взнос)» (глава 24 НК РФ). Однако

[1] Внесены Федеральным законом от 31 декабря 2001 г. № 198-ФЗ «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС Консультант Плюс.

на этом этапе система налогов и сборов по-прежнему регулируется Законом Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации», а не частью первой НК РФ (ст. 13–15). Это было связано с тем, что в соответствии с Федеральным законом от 24.03.2001 № 33-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О введении в действие части второй Налогового кодекса РФ и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах» (ст. 12–15 и 18 НК РФ) вводятся в действие со дня признания утратившим силу Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации».

IV. *С 1 января 2002 г. до конца 2009 г.*

В этот период указанный платеж стал именоваться «единый социальный налог» (ЕСН). Кроме того, при сохранении своего целевого характера он стал зачисляться лишь в два внебюджетных фонда – Фонд социального страхования Российской Федерации и фонды обязательного медицинского страхования. Доля единого социального налога, подлежащая ранее зачислению в Пенсионный фонд Российской Федерации, стала перечисляться в федеральный бюджет.

Вопрос о правовой природе ЕСН вызывал постоянные научные споры в связи с тем, что данный платеж не имел исключительно налоговой природы[1]. Е. М. Ашмарина отмечала, что данному налогу как платежу свойственен не только фискальный, но и страховой характер[2].

При этом в целях пополнения денежных ресурсов рассматриваемых внебюджетных фондов вводятся специальные обязательные страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, зачисляемые в Пенсионный фонд Российской Федерации, и страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, зачисляемые в Фонд социального страхования Российской Федерации.

V. *С 1 января 2010 г. до конца 2016 года.*

---

[1] Якубов Т. А. Финансово-правовое регулирование страховых взносов в государственные внебюджетные фонды : автореф. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 26.

[2] Артемов Н. М., Ашмарина Е. М. Налоговое право: вопросы и ответы. – М. : ИД «Юриспруденция», 2006. – С. 85

Данный период характеризуется переходом от налогового к страховому принципу формирования доходной части бюджетов государственных социальных внебюджетных фондов[1]. С 1 января 2010 года установлен новый порядок исчисления и уплаты страховых взносов в ПФР, ФСС РФ, ФФОМС и ТФОМС. Эти вопросы, а также контроль за исчислением и уплатой указанных взносов и вопросы привлечения к ответственности за соответствующие нарушения регулируются Федеральным законом от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»[2]. Данный закон заменил собой ранее действовавшую главу 24 НК РФ, посвященную единому социальному налогу.

Переход от единого социального налога к страховым взносам был обусловлен формированием страховых принципов, основанных на синхронизации финансового и информационного потока в условиях приема ежеквартальной отчетности по начислению, уплате страховых взносов и персонифицированному учету.[3] В то же время внутреннее строение Закона № 212-ФЗ концептуально не отличалось от структуры НК РФ.

VI. *С 1 января 2017 года.*

Закон № 212-ФЗ утратил силу в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование[4]. Начиная с указанного периода, вопросы исчисления и уплаты страховых

---

[1] Комментарий к законодательству о страховых взносах и пенсиях (постатейный) / В. Г. Белоглазова, В. Г. Белякин, С. Ф. Вельмяйкин и др.; отв. ред. Ю. В. Воронин. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – С. 6.

[2] Далее – Закон № 212-ФЗ.

[3] Соловьев А. К., Коржов М. А., Курманов А. М. Социально-экономические проблемы пенсионной реформы // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 3. – С. 2–5; Курбатова О. В. Внебюджетные фонды : учеб. пособ. – М. : МосУ МВД России, 2014. – 61 с.; Финансовое право : учеб. пособ. / под ред. И. Ш. Килясханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – С. 138–140.

[4] Данные изменения внесены Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налого-

взносов на обязательное пенсионное и медицинское страхование, а также на страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством регулируются главой 34 части второй НК РФ.

Однако исчисление и уплата страховых взносов на страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, а также на обязательное медицинское страхование неработающего населения регулируются соответствующими законами[1].

При этом страховые взносы в соответствии с п. 3 ст. 8 НК РФ, а также главой 2.1 НК РФ выведены в отдельный федеральный обязательный платеж наряду с налогами и сборами. А в финансово-правовой науке продолжается спор относительно правовой природы страховых взносов в государственные внебюджетные фонды. Так, сформировалось три основных концепции, рассматривающие страховые взносы в ГВФ как особый вид обязательного платежа, налог, парафискальный сбор[2].

Последние изменения направлены на реализацию Указа Президента Российской Федерации от 15 января 2016 г. № 13 «В целях укрепления платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования».

вого кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» // СПС Консультант Плюс.

[1] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»; Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 354-ФЗ «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения» // СПС Консультант Плюс.

[2] Якубов Т. А. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды в системе обязательных платежей. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 6. – С. 169.

И. И. Лизикова[1],
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРАВЕ И ЗАКОНЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Специфика средневекового правопонимания отражала современную ей политико-правовую реальность. Правовые воззрения западноевропейских мыслителей были органично обусловлены и тесно связаны с историей развития государства и права той эпохи. Характерной чертой феодального общества являлась особая роль католической церкви, идеологическое господство религии, что и предопределило теологический характер мировоззрения в целом и правопонимания в частности. Действительно, «в средневековой философии, о чем бы ни зашла речь, естественный порядок опирается на порядок сверхъестественный, от которого он зависит как от своего начала и конечной цели»[2].

Фома Аквинский, обращаясь к проблематике права и закона, размышляет, прежде всего, не просто о божественном миропорядке, но о том месте, которое занимает в нем человек, о его предназначении. Он ведет свои рассуждения соответственно установке, что, во-первых, «человек определен к Богу как к [своей] конечной цели»[3]. А, во-вторых, именно Бог является первопричиной всего, а значит и первопричиной человеческого бытия во всем его многообразии. Однако по мысли ученого это не говорит о том, что человек в своих действиях субъект несвободный. Фома Аквинский придерживался такого взгляда, что человек как существо, наделенное разумом, обладает и свободной волей. И обратим внимание, что в данном случае свободная воля имеет положительную коннотацию. Действуя согласно свободной воле, человек реализует принципы разумности, справедливости и добра в земной жизни. Но что важно, действуя согласно свободной

---

[1] © Лизикова И. И., 2018.

[2] Жильсон Этьен. Дух средневековой философии / пер. с фр. Г. В. Вдовиной. – М., 2011. – С. 465.

[3] Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I, Вопросы 1–43. – М., 2002.

воле, человек тем самым соблюдает закон, божественный по своим первоистокам и устанавливающий порядок мироздания и человеческого общежития. Здесь мы видим базирующуюся на теологических позициях идею: свобода выступает мерой разумности человека, познания божественной цели, собственной жизни и необходимость следовать правилам миропорядка, определенным в высшем законе.

Еще одним важным моментом, который дает возможность понять характерные для Фомы Аквинского взгляды на закон и право, служат его рассуждения о добре и зле. По своей природе зло не может быть первым началом, поскольку оно обусловлено благом, с одной стороны, а с другой – «может выступать лишь акцидентной причиной, а значит оно не может быть первой причиной». «Высшего зла быть не может, хотя зло и умаляет благо, однако полностью его никогда не уничтожает»[1]. И далее из рассуждений Фомы Аквинского следует, что поскольку Бог в высшей степени совершенен, а зло, как было уже сказано, несовершенно и проявляется либо в несовершенстве человеческих действий, либо в результате таковых, то причина зла кроется в несовершенстве самого человека.

Определяя закон как «правило и меру действий, в соответствии с которыми человек обязан действовать или воздерживаться от действий»[2], Фома Аквинский видит основное предназначение закона в упорядочении отношений между людьми и действий для достижения блаженства как конечной цели. Характеризуя закон как общее правило, ученый указывает на такие его важные характеристики[3], как выражение в нем общего блага для всех членов общества, установленность закона непосредственно самим обществом или теми, кому общество доверило эту функцию, а также необходимость обнародования закона.

Фома Аквинский предлагает делить законы на вечный, естественный, человеческий и божественный. При этом вечный закон носит характер всеобщего, а потому является источником для других законов. Проявлением и отражением вечного закона является естественный закон. Природа в целом и остальные природные существа, сотворенные Богом, обладая по происхождению и рождению присущими собственно им свойствами, с постоянством продвигаются к осуществле-

---

[1] Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 44–74. – М., 2003.

[2] Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I–II. Вопросы 90–114. – М., 2010.

[3] Там же.

нию тех целей, которые непосредственно детерминированы их природными законами и нормами. Для человека же, которому Бог дал душу и разум, и в силу этого обладающего прирожденной естественной способностью разуметь и познавать, суть естественного закона заключается в человеческой способности, отличая добро от зла, быть склонным к добру, склонным в своих действиях поступать соответственно своей свободной воле к осуществлению добра. Требование разума делать добро и избегать зла в реальности будет означать следующее: поступки человека осуществляются в соответствии с правилами, которые естественным образом определяют порядок отношений людей, обусловленных прирожденными человеку инстинктами и склонностями. А значит человек, поступая сообразно установкам естественного закона, следует требованиям человеческого разума.

Признавая реальное многообразие жизненных проявлений, а также признавая присущие разным людям различия их естественных свойств, Фома Аквинский указывает на тот факт, что в силу этих причин разные люди по-разному понимают веления естественного закона и соответственно по разному относятся к его предписаниям и следуют им. Поэтому и возникает потребность в человеческом законе. Прежде всего, он необходим для людей несовершенных. Человеческий закон как человеческое волеустановление должен соответствовать естественному закону и вечному закону. Он более конкретен нежели естественный закон и снабжен санкцией. Санкции как принудительная мера необходимы для защиты установлений естественного закона и направлены не только на наказание людей за нарушение закона, но и выполняют воспитательную роль. Ведь под угрозой наказания человек принудительно учится избавляться от пороков, воздерживаться от злых поступков и тем самым приобщается к добродетельной жизни.

Человеческий закон – это закон положительный, и, что важно, если его положения не соответствуют положениям естественного закона, то он не может считаться законом, а только его искажением. Иными словами, человеческий закон может быть справедливым и несправедливым. И последние, по мнению ученого, необязательны для исполнения. При этом сам характер несправедливости закона определяется двумя факторами. Во-первых, это нарушение основного требования закона служить общему благу, а, во-вторых, в случаях противоречия божественному закону. Но, если в последнем случае, несправедливый закон не просто не обязателен, а категорически не должен соблюдаться, то в первом случае эта необязательность носит более мягкий, если так

можно выразиться характер (все-таки допускается следование предписаниям закона, дабы избежать таким образом появления привычки не соблюдать закон).

Божественный закон, предстающий как божественное откровение данное людям, Фома Аквинский считает необходимым для человека, поскольку в нем содержится прямое указание на конечную цель человеческого бытия. Божественный закон выступает безусловным основанием в суждениях о справедливом и должном, достоинствах и недостатках человеческих законов и многом другом. Кроме того, на борьбу со злом и грехом направлен божественный закон, в том числе и в тех сферах, которые не подпадают под действие человеческого закона.

Право и закон в концепции Фомы Аквинского не тождественны: закон выступает в качестве основания права. Право же ассоциируется с праведным и справедливым. «Для него оно было, прежде всего, сферой правды и справедливости»[1]. Право может быть представлено естественным правом и правом положительным. В рамках естественного права, являющегося общим правом для всего живого, для человека – это право народов. Именно человеческий разум открывает предписания естественного права, движимый склонностями человеческой природы. По мнению Ж. Маритена[2], в этом случае он имеет в виду, что сам образ или форма, в которой человеческий разум знает естественное право – это не рациональное понимание, но понимание через склонность. Право, источником которого выступает человеческий закон (человеческое право) не должно противоречить естественному праву. Естественное божественное право и положительное божественное право в свою очередь составляют Божественное право. Таковы основные взгляды на закон и право Фомы Аквинского

Своеобразный и передовой для средневековой науки подход к правовым вопросам был у Марсилия Падуанского. Для правовых взглядов Марсилия Падуанского, помимо дуализма божественного и человеческого, характерна смелая для того времени идея о независимости светской и духовной власти, которая выражается в различении соответственно двух видов права и закона. Обращаясь к проблемам закона,

---

[1] См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1998. – 2-е изд. – С. 117; Лизикова И. И. Контексты понятия права в юридической науке // В сборнике: Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания. – М., 2013. – С. 33–44.

[2] Маритен Ж. Человек и государство. / пер. с англ. Т. Лифинцевой. – М., 2000. – С. 88.

ученый обращает внимание на имеющую место смысловую многозначность слова «закон»[1]. Из приведенного анализа важное значение имеют два смысла: закон как правило содержащее «в себе заветы человеческим действиям, внушенные ради упорядочения к славе и наказанию в потустороннем мире»; и закон как принудительное предписание, составленное «в этом мире из наказания и вознаграждения в целях его соблюдения». Вот в последнем случае это и есть значение «закона» в прямом смысле слова. И тогда под законом предлагается понимать «правила справедливого и полезного в государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью». Сущностными характеристиками закона выступают справедливость и общее благо. По словам ученого: «… в самом законе заложено почти совершенное определение того, что справедливо или несправедливо, полезно или вредно касательно любого человеческого поступка»[2].

Марсилий Падуанский различает божественный закон и человеческий закон. Божественный закон составляют такие правила поведения, которые направлены на определение верного пути спасения в вечной жизни. Эти правила представляют собой предписания, которые необходимо соблюдать, а также запреты, чего следует избегать[3], что является обязательным условием достижения Вечного Блаженства. Человеческий закон составляют те властные предписания, которые оказывают регулятивное воздействие на поведение человека посредством дозволения, приказа, запрета, обеспечены принудительной силой и имеют своей целью достижение справедливости в земной жизни. Однако не всегда человеческий закон является справедливым (может в то же время быть и несправедливым), ведь понимание справедливости зависит от того, какие характеристики вкладываются в содержание справедливости людьми. Право издавать человеческие законы должно принадлежать либо все гражданам, либо их преобладающей части, ведь в таком случае законы будут отвечать общим интересам[4].

---

[1] Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis. I, X / пер. с франц. Б. У. Есекова. – М., 2014.

[2] Указ. соч., I, XI.

[3] Указ. соч., II, XYII, 11.

[4] Указ. соч., I, XII.

Рассуждая о праве, Марсилий Падуанский различает несколько значений понятия «право»[1]. В одном случае «право» тождественно закону Божьему или человеческому и, соответственно, выражено в форме предписания, содержащего или запрет, или позволение. В другом случае под правом понимается «любое человеческое деяние, любая власть, любой потенциал …» как субъективное требование, вытекающее из приобретения «права на …». В третьем случае подразумевается судебная власть как «приговор тех, кто судит по закону». И, наконец, еще одно значение «права» заключается в правом и справедливом. Итак, исходя из первого значения, ученый выделяет человеческое право и божественное право. Разновидностями человеческого права выступают естественное право и гражданское право. В отличие от воззрений Фомы Аквинского, в концепции Марсилия Падуанского естественное право не выполняет посредничества между божественным и человеческим законами. И вообще Марсилий Падуанский не придерживается положения о строгой иерархии божественного, естественного и человеческого права. Как уже было отмечено, естественное право – это разновидность человеческого права. Относительно же вопроса о соотношении двух других выделяемых видов права: божественного и человеческого он замечал: «Нарушитель человеческого закона почти всегда грешит против Божьего закона, хотя обратное не будет истиной», ведь есть области и дела, в которых «человеческий закон будет предписан напрасно»[2]. Значит, сначала надо отдавать предпочтение божественному закону, а затем следовать предписаниям человеческого закона. И еще: хорошее качество человеческого закона связывается в процессе разработки с соответствием Закону Божьему.[3] Все это может быть свидетельством того, что в некоем смысле божественный закон выступает формирующим фактором для человеческого закона.

Ядром правопонимания в данный период стал дуализм божественного и земного, заложенный еще учением Аврелия Августина. Развитие идеи различения божественного и человеческого мы видим в правовых доктринах Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского, ярких представителей европейского средневековья. Их размышления о праве и законе во многом повлияли на последующий генезис правовых взглядов.

---

[1] Указ. соч., II, XII.

[2] Указ. соч., II, IX, 11.

[3] Указ. соч., II, XYII, 14.

М. С. Лизикова[1],
научный сотрудник Сектора предпринимательского права
Института государства и права РАН,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТРАСЛИ АТОМНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Одной из актуальных проблем современной правовой науки является проблема изменения устоявшегося перечня самостоятельных отраслей права, которая включает в себя не только вопрос об изменении или совершенствовании традиционных отраслей российского права, но и о зарождении и выделении новых. Эти тенденции вызваны, в первую очередь, появлением новых общественных отношений, которые нуждаются в нормативном регулировании. Однако только этого недостаточно для признания отрасли права в качестве самостоятельной.

Ранее в качестве критериев выделения отрасли права в теории права выделяли предмет и метод правового регулирования, в настоящее же время отдельные юристы расширяют этот перечень, вводя такие критерии, как высокая значимость регулируемых общественных отношений, наличие системы источников права и кодифицированного нормативного правового акта, наличие собственных принципов права, функции права, оригинальность субъектов права, особенности юридической ответственности. Однако согласимся с А. А. Головиной[2], которая указывает на субъективный характер последних.

Применительно к теме настоящей статьи необходимо затронуть вопрос процесса формирования новой отрасли права. Так, отрасль права в своем становлении охватывает несколько этапов, проходя путь от формирования новой сферы общественных отношений, принятия новых нормативных правовых актов, использования специфических именно для этой отрасли методов правового регулирования, выработки правовых определений и принципов права, выделения общей ча-

---

[1] © Лизикова М. С., 2018.

[2] Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 11.

сти, институтов и подинститутов права до формирования самостоятельной отрасли науки и учебной дисциплины, а также концептуализации идеи о самостоятельном характере данной отрасли права в правовой науке.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению истории становлении отрасли атомного права, следует сказать несколько слов о появлении новых общественных отношений, порожденных освоением атома, которые нашли свое отражение в развитии атомной отрасли в Советском Союзе. Особое внимание к этому вопросу связано с тем фактом, что первые шаги в этой области были сделаны до зарождения атомной энергетики, и, соответственно, до появления законодательства в этой сфере.

Отметим, что в развитии отечественной атомной отрасли условно выделяют несколько этапов, охватывающих период с 1921 года и по настоящее время[1]. Развитие «атомного проекта» в СССР начинается с исследований в области ядерной физики, результаты которых в 40-е гг. XX века были направлены на военные разработки. Важными вехами этого периода стало подписание 28 сентября 1942 года секретного постановления ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану», в котором ставилась задача по исследованию вопроса о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива, и успешное испытание 29 августа 1949 года первого советского ядерного заряда (РДС-1).

Начало следующему этапу развития отрасли положило Постановление ГКО № 9887сс/оп о широком развертывании работ по военному и мирному использованию ядерной энергии, принятое 20 августа 1945 года. На основе его положений были созданы первые государственные органы управления в атомной отрасли: Специальный комитет, на который были возложены функции по организации деятельности по использованию атомной энергии в СССР, и Первое главное управление при Совнаркоме СССР, осуществляющее руководство над всеми организациями и предприятиями по использованию атомной энергии и

[1] Так, например, Волошин Н. П. выделяет следующие периоды: довоенный период (1921–1941 гг.); начало создания ядерной инфраструктуры (1942–1945 гг.); разработка и испытание первой ядерной бомбы (1945–1949 гг.); интенсивное развитие работ по военному и мирному использованию ядерной энергии (1950–1964 гг.); период расцвета ядерной науки и техники (1965–1985 гг.); стагнация атомной энергетики (1986–1998 гг.); ренессанс атомной энергетики (1998 г. – настоящее время) // Н. П. Волошин К истории отечественного атомного проекта : курс лекций для слушателей учеб. заведений «Росатома». – М. : ИздАТ, 2009. – С. 19.

производству атомных бомб. Иными словами, вышеназванным Постановлением была поставлена задача по овладению ядерной энергией как в стационарно-теплогенерирующей форме, так и взрывной, причем последняя, в силу международной политической обстановки, была приоритетной. Эта задача была выполнена: 29 августа 1949 года прошло успешное испытание первой советской атомной бомбы.

С мая 1950 года с принятием Постановления Правительства «О научно-исследовательских, проектных и экспериментальных работах по использованию атомной энергии для мирных целей» начинается развитие и мирного атома. Главными итогами работы в этой сфере стали участие СССР в I и II Международных конференциях по мирному использованию ядерной энергии (1955 г., 1958 г.), выпуск первой атомной подводной лодки и первого атомного ледокола, запуск Белоярской и Нововоронежской АЭС.

Однако вскоре на смену активному развитию приходит период стагнации, вызванный произошедшей в 1986 году аварией на Чернобыльской АЭС. В целях более эффективной ликвидации ее последствий начинаются преобразования органов управления в атомной отрасли: выделение из Министерства энергетики СССР Министерства атомной энергетики и промышленности СССР, которое, в свою очередь, было преобразовано в Министерство Российской Федерации по атомной энергии (Минатом России).

Параллельно с этими процессами начинается законодательное урегулирование отношений по использованию атомной энергии, так как остро стоит вопрос обеспечения безопасности при использовании атомной энергии, защиты жизни, здоровья и имущества граждан и окружающей среды от возможных негативных воздействий, вызванных деятельностью по использованию атомной энергии, что послужило толчком к разработке и принятию целого ряда нормативных актов, регулирующих вышеназванные отношения. Также в это время принимаются нормативные правовые акты, регулирующие вопросы социальной защиты населения, пострадавшего от вредных воздействий техногенного характера.

Именно с этого момента – с появления законодательства в области использования атомной энергии, закрепившего правовые нормы и институты, регулирующие отношения, связанные с использованием атомной энергии, – в юридической науке поднимается вопрос о выделении атомного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Одним из первых ученых-юристов, отстаивавших позицию о зарождении новой отрасли права, под которой понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие при использовании атомной энергии, является А. И. Иойрыш. Он подчеркивает, что «право не должно отставать от научного и технического прогресса», а, напротив, «должно своевременно регулировать те отношения, которые возникают при использовании достижений современной науки и техники, и способствовать устранению (ограничению) вреда, который может возникнуть при недостаточно продуманных (необоснованных) экспериментах», что «по мере развития тех или иных областей общественных отношений возникают и новые отрасли правового регулирования и отрасли права»[1].

Выделяя атомное право в качестве самостоятельной отрасли права, А. И. Иойрыш отмечает его комплексный характер, который выражается в подразделении правовых норм, регулирующих отношения, на нормы, входящие во внутреннее право, и нормы, входящие в международное право; включении в институт внутреннего атомного права норм, на основе которых возникают трудовые, административные, гражданские, уголовные и другие правоотношения, объединенные единым предметом регулирования; использовании комплекса методов правового регулирования; а также тесном переплетении правовых и технических норм. Кроме того, ученый классифицирует правовые нормы, регулирующие отношения по использованию атомной энергии в мирных целях на нормы, направленные на регулирование организационных и управленческих отношений, и нормы, регулирующие отношения по защите от ионизирующих излучений.

Эта позиция была поддержана О. А. Супатаевой и Г. А. Новиковым[2], уделившим внимание выработке принципов отрасли атомного права. К числу таких основополагающих императивов относятся следующие принципы: комплексный подход к правовому регулированию отношений в области использования атомной энергии; абсолютный приоритет защиты населения и окружающей среды при регулировании деятельности в сфере использования атомной энергии; обеспечение ядерной и радиационной безопасности как важнейших составляющих

---

[1] Концепция атомного права / А. И. Иойрыш. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 31–32, 136–137.

[2] Иойрыш А. И., Новиков Г. А., Супатаева О. А. О концепции атомного права России // URL: http://www.proatom.ru

национальной безопасности Российской Федерации; обеспечение совершенствования государственного управления и государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии; соблюдение международных обязательств Российской Федерации в области нераспространения ядерного оружия, обеспечения ядерной безопасности и совместного уменьшения угрозы ядерного терроризма; гармонизация атомного законодательства России с принципами и нормами международного атомного права.

Разделяет эту позицию и В. Т. Корниенко[1], который поднимает проблему наименования данной отрасли права, отмечая, что название «ядерное право» представляется более удачным, нежели «атомное право», так как правильнее отражает сущность и специфику объектов правоотношений, возникающих по поводу использования ядерной энергии, а также снимает сложности, вызванные синонимичным использованием понятий «атомный» и «ядерный» в законодательстве и правоприменительной сфере.

Предметом правового регулирования отрасли атомного права является совокупность общественных отношений, возникающих по поводу использования атомной энергии как в мирных, так и в оборонных целях. Где первые включают в себя отношения, возникающие при осуществлении всех видов деятельности при производстве, обращении и использовании в мирных целях атомной энергии, ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий на их основе, в том числе всех этапов жизненного цикла объектов использования атомной энергии, а вторые – отношения, складывающиеся при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, испытанием, эксплуатацией и утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения. При этом следует подчеркнуть особую значимость этих отношений, так как они являются одним из стратегически важных направлений в экономическом и социально-экономическом развитии России, и их специфику, выражающуюся в императиве безопасности, инновационности, ориентированности на развитие атомной науки и техники.

В данной отрасли права применяется императивно-диспозитивный метод правового регулирования.

---

[1] Корниенко В. Т. Введение в ядерное право России // Глобальная ядерная безопасность. 2014. – № 1 (10). – С. 82–86; Лизикова И. И. Контексты понятия права в юридической науке // В сборнике : Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания. – М., 2013. – С. 33–44.

Нормы атомного права находят свое закрепление в законодательстве в области использования атомной энергии, которое состоит из Федерального закона «Об использовании атомной энергии», других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Как справедливо отмечает А. И. Иойрыш, именно нормы, направленные на регулирование организационных и управленческих отношений, в области использования атомной энергии положили начало атомного законодательства[1]. Представляется целесообразным рассмотреть, в первую очередь, нормативные правовые акты, регулирующие данную группу правоотношений.

Так, в 1995 году был принят основополагающий закон в рассматриваемой области – Федеральный закон «Об использовании атомной энергии»[2]. Его положениями закреплены принципы и задачи правового регулирования в области использования атомной энергии; определены объекты использования атомной энергии и виды деятельности в данной области; требования к размещению и сооружению ЯУ, радиационных источников и пунктов хранения; обращения с ЯМ, РВ и РАО; установлены формы собственности на объекты использования атомной энергии; полномочия государственной власти и местного самоуправления в области использования атомной энергии; права организаций и граждан в области использования атомной энергии; урегулированы вопросы государственного управления и государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии; физической защиты объектов использования атомной энергии; предусмотрены требования, предъявляемые к строительству и эксплуатации судов и иных плавсредств, космических и летательных аппаратов с ядерными установками и радиационными источниками; урегулированы вопросы гражданской ответственности за ядерный ущерб, а также ответственности за правонарушения в сфере использования атомной энергии; заложены основы международного сотрудничества в области использования атомной энергии.

---

[1] Концепция атомного права / А. И. Иойрыш. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 140.

[2] ФЗ РФ от 21.11.95 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // СЗ РФ от 27 ноября 1995 г. – № 48, ст. 4552.

Также одним из первых принятых законов является Федеральный закон «О финансировании особо радиационно опасных и ядерно опасных производств и объектов»[1]. В нем закреплены основы гарантированного финансирования выполняемых на особо радиационно опасных и ядерно опасных производствах и объектах работ, которые необходимы для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования этих производств и объектов.

Специфика государственного регулирования отношений в области разработки и реализации специальных экологических программ реабилитации радиационно загрязненных участков территории с целью обеспечения радиационной безопасности населения, общего снижения риска воздействия радиации и улучшения экологической ситуации на радиационно загрязненных участках территории путем проведения мероприятий по реабилитации таких участков, утилизации или ликвидации выведенных из эксплуатации радиационно опасных объектов отражена в Федеральном законе «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территорий»[2].

В ФЗ РФ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»[3] прописаны нормы, устанавливающие правовое положение, принципы организации, цели создания и деятельности, порядок управления деятельностью, порядок реорганизации и ликвидации Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

Федеральный закон «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4] посвящен ре-

---

[1] ФЗ РФ «О финансировании особо радиационно опасных и ядерно опасных производств и объектов» // СЗ РФ от 8 апреля 1996 г. – № 15, ст. 1552.

[2] ФЗ РФ «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территорий» // СЗ РФ от 16 июля 2001 г. – № 29, ст. 2947.

[3] ФЗ РФ от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Российская газета. 05.12.2007. – № 4535 (0).

[4] ФЗ РФ от 05.02.2007 № 13-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений

гулированию отношений, возникающих в процессе управления и распоряжения имуществом и акциями организаций атомного энергопромышленного комплекса Российской Федерации.

Отношения, связанные с соблюдением повышенных требований дисциплины труда отдельными категориями работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии, в целях обеспечения безопасности таких производств и объектов урегулированы положениями Федерального закона РФ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии»[1].

Нормы о защите от ионизирующих излучений нашли закрепление в ФЗ РФ «О радиационной безопасности населения»[2]. Его положения определяют правовые основы обеспечения радиационной безопасности населения в целях охраны его здоровья; регулируют вопросы полномочий компетентных органов в области обеспечения радиационной безопасности; устанавливают как общие требования к обеспечению радиационной безопасности, так и требования к последней при радиационной аварии; закрепляют права и обязанности граждан и общественных объединений в области обеспечения радиационной безопасности; регулируют отношения, связанные с ответственностью за невыполнение требований к обеспечению радиационной безопасности.

Отношения по обращению с радиоактивными отходами урегулированы ФЗ РФ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3]. Наряду с разделом, посвященным общим положениям, данный закон охватывает вопросы создания единой государственной системы

в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ от 12 февраля 2007 г. – № 7, ст. 834.

[1] ФЗ РФ от 8 марта 2011 г. № 35-ФЗ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии» // СЗ РФ от 14 марта 2011 г. – № 11, ст. 1504.

[2] ФЗ РФ от 09.01.96 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Российская газета. – № 9. 17.01.96.

[3] ФЗ РФ от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 15.07.2011. – № 153.

обращения с радиоактивными отходами; обращения с радиоактивными отходами, образовавшимися вступления в силу данного ФЗ; обращения с отдельными видами радиоактивных отходов и требования к отдельным видам деятельности по обращению с радиоактивными отходами; установление организационно-правовых основ обращения с радиоактивными отходами, а также ответственности за нарушение требований в области обращения с радиоактивными отходами.

Правовые нормы, регулирующие вопросы социальной защиты населения, пострадавшего от вредных воздействий техногенного характера закреплены в Законе РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС»[1], ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[2], ФЗ РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»[3], ФЗ РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча»[4], Постановлении Правительства «О режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие катастрофы на ЧАЭС»[5] и др.[6]

---

[1] Закон РФ от 15.05.91 №1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС» // Ведомости СНД и ВС РФ, 1992. – № 32, ст. 2288.

[2] ФЗ РФ от 21.12.94 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Российская газета, 1994 г. – № 250.

[3] ФЗ РФ от 20.07.95 № 149-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» // Российская газета, 1995 г. – № 170.

[4] ФЗ РФ от 26.11.92 №175-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча» // Российская газета 02.12.98.

[5] ПП РФ от 25.12.92 № 1008 «О режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие катастрофы на ЧАЭС» // Собрание актов Президента и Правительства РФ от 01.02.93. – № 5, ст. 387.

[6] См.: Лизикова М. С. Международный опыт и анализ национального законодательства в области защиты населения и территорий вблизи радиационно опасных объектов // Комплексная безопасность России – исследования, управление, опыт. Международный симпозиум. 26–27 мая 2004 г. Сборник материалов. – М., 2004. – С. 397–406.

Следует отметить постоянное развитие законодательства в области использования атомной энергии, что обусловлено современными реалиями, а также необходимостью соответствия требований национального законодательства международным требованиям в рассматриваемой сфере. В частности, существенные изменения в регулирование отношений в области использования атомной энергии внесли ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования безопасности в области использования атомной энергии»[1], ФЗ РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], а также ФЗ РФ от 30 марта 2016 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования безопасности в области использования атомной энергии»[3].

В связи с тем, что атомному праву присущ комплексный характер, то отдельные отношения, возникающие в области использования атомной энергии, регулируются положениями нормативных правовых актов смежных отраслей права. В их числе экологическое, земельное, природоресурсное, градостроительное, законодательство о здравоохранении и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, административное, уголовное и другие отрасли права.

В правовом регулировании вопросов использования атомной энергии играют важную роль не только законы, но и подзаконные акты – указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, а также нормативные правовые документы – нормы, правила и стандарты в области ядерной и радиационной безопасности. Однако рассмотреть их в данной статье не представляется возможным в силу большого объема нормативного материала.

---

[1] ФЗ РФ от 30 ноября 2011 г. № 347-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования безопасности в области использования атомной энергии» // СЗ РФ от 5 декабря 2011 г. – № 49 (часть I), ст. 7025.

[2] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 28 июля 2014 г. – № 30 (часть I), ст. 4220.

[3] ФЗ РФ от 30 марта 2016 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования безопасности в области использования атомной энергии» // Российская газета от 01.04.2016. – № 6937 (69).

Проведенный обзор законодательства позволяет сделать вывод о том, что сформированная в Российской Федерации система законодательства в области использования атомной энергии, всесторонне регулирует различные общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Несмотря на молодость, атомное право – динамично развивающаяся отрасль права. Современная наука выделяет в ее развитии ряд этапов[1]. На первом этапе (1995–2006 гг.) принятие ФЗ РФ «Об использовании атомной энергии» и ФЗ РФ «О радиационной безопасности населения» заложило такие институты права, как управление использованием атомной энергии, государственное регулирование безопасности. Выделение второго этапа (2007–2013 гг.) связано с коренными изменениями, произошедшими в условиях хозяйствования организаций атомной отрасли, разработкой новых правовых норм и внесением уточнений в существующие. Что касается текущего этапа развития отрасли, то центральной его задачей является выработка принципиально новых условий деятельности в рассматриваемой сфере на основе системного подхода, где на первый план выходит решение накопившихся задач, например, модернизация атомного права в соответствии с изменениями законодательства Российской Федерации, его общая гармонизация, ликвидация пробелов и противоречий, решение проблем в рамках межотраслевого регулирования и др.

Подводя итог, отметим, что отрасль атомного права в своем становлении прошла ключевые этапы, необходимые для признания ее в качестве самостоятельной, обоснованно заняла свое место в системе российского права и рассматривается современной юридической наукой в качестве комплексной отрасли права, которую отличают специфический предмет и метод правового регулирования, а также наличие обособленного законодательства.

---

[1] Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «Об использовании атомной энергии» / под ред. Н. И. Михайлова, О. А. Супатаевой. – М., 2015. – С. 11–12.

А. Г. Мамонтов[1],
начальник кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Изложенные в настоящей статье тезисы основаны на принципах исторической методологии сформулированных Заслуженным деятелем науки России, доктором юридических наук, профессором Всеволодом Михайловичем Курицыным, учеником которого в свое время мне выпала честь стать. В свое время В. М. Курицын охарактеризовал свою методологию, которая развивается его учениками и последователями, как школу исторического реализма политико-правовой жизни, объясняющей содержание и формы правовых и государственных явлений через призму реально наличествующих экономических, политических, демографических, внешнеполитических и иных условий[2].

Историческую методологию без преувеличения можно назвать общей для социальных и гуманитарных исследований, поскольку ни одно из них не может быть признано достоверным и полным, если оно не будет содержать раздела об истории возникновения и развития объекта исследования.

Следует учитывать, что понятие исторической методологии имеет два основных значения. В первом значении это собственно система концептуальных идей, методологических принципов, приемов и методов, обеспечивающих достоверность исторического исследования, т. е. методология исторического исследования. Во втором – это совокупность методических приемов, правил и принципов, основанных на использовании исторических сведений для аргументации теоретических построений в других областях социальных исследований: правовой, политической, экономической, социальной и др.

И в том, и в другом случаях история может служить не только инструментом научного познания, но и инструментом формирования

---

[1] © Мамонтов А. Г., 2018.

[2] Курицын В. М. Концепция истории государства и права. (Научные школы Московского университета МВД России). – М. : ЮНИТИ, 2008. – 720 с.

идеологических установок и обоснования идеологических позиций отдельных лиц или социальных групп в указанных выше сферах.

С особой осторожностью следует использовать элементы исторической методологии в правовой теории. Предметом исторической науки в самом общем плане является прошлая жизнь общества и человека в обществе. Историко-культурные моменты любого правового исследования имеют ключевое значение, поскольку историческая методология представляет собой частный случай ретроспективного поиска объективных природных детерминант исследуемого феномена.

Однако в отличие от ретроспективных исследований в естественнонаучных исследованиях, опирающихся на материальные свидетельства естественных событий, история социальных процессов в значительной части выстраивается на основе свидетельств, представляющих собой отражение событий, действий и фактов в общественном, реже индивидуальном сознании. Оно само по себе является «подвижным» и потому исторические факты, а тем более исторические источники, изначально могут признаваться лишь относительно истинными. Данный факт требует особой тщательности и скрупулезности в использовании исторических свидетельств в теоретико-правовых исследованиях. Тем не менее теория права неразрывна с историей права и государства. Достоверность выводов и положений правовых теорий, их научность и прогностический потенциал зачастую базируются на исторических фактах и исторических источниках.

Научность теории права находится в прямой зависимость от корректности исторической методологии формирования используемых ею исторических свидетельств. Всякая теория права представляет собой логически увязку идеологических установок и исторических фактов, признаваемых автором достоверными.

Поскольку общепризнано, что право относится к идеальной сфере социальной жизни, но имеет существенное значения в ее практической организации, его история представляет собой постоянное и неразделимое пространственно-временное и причинно-следственное взаимодействие социальной идеологии и социальной эмпирики. Это создает некоторую проблему конкурентности правовых идейных установок и эмпирических доминант в его понимании как целостного феномена. Это проблема неисчерпаема, поскольку является частным случаем основного вопроса философии о первичности идеализма и материализма. Однако для научного правового исследования решение этого вопроса является принципиально важным.

Первичность идеи как исходного начала правового теоретического исследования придает ему творческий, поисковый характер. Без исходной концептуальной идеи едва ли возможно развитие всякой правовой теории. Но при этом следует всегда помнить, что именно в правовой теории идея, чтобы сохранить свою научность, должна органично согласовываться с реальными духовно-культурными и материально-экономическими условиями, поскольку оно (право) весьма прагматично с точки зрения его социальной сущности. Идея не может быть самодовлеющей, а должна проходить всестороннюю верификацию всеми допустимыми научными методами и историческими материалами, полученными в строгом соответствии с правилами исторической научной методологии, обеспечивающей максимально возможную объективность и достоверность результатов.

Подмена первичности идеи в исследовании ее заданностью приводит к подмене научной теории правовой идеологией. Правовая идеология является предметом научно-теоретического познания[1], но сама по себе никогда не может отождествляться с полноценной научной теорией.

Вместе с тем всякая политико-правовая идеология, претендующая на существенное распространение в общественном правовом сознании, всегда стремится быть представленной ее авторами либо как концептуальная основополагающая для социальной теории, либо как результат научного исследования.

Историческая методология имеет ключевое значение для метаморфоз научных знаний в идеологически заданные установки и «факты». Точнее будет говорить о том, что историческая методология в данном случае исчезает, и под ее видом осуществляется идейно заданная селекция исторических источников и исторических фактов, преследующая не получение научных знаний, а приобретение преимуществ в идеологической борьбе. Ссылки в идеологических целях на исторические факты и источники имеют высокую ценность для идеологов, поскольку историческая обоснованность создает иллюзию «научности», «достоверности», «выверенности опытом» проповедуемых идей, а,

[1] Правовая идеология стала предметом глубокого и всестороннего теоретико-правового исследования проф. А. И. Клименко. См.: Клименко А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : дис. … д-ра юрид. наук // МосУ МВД. – М., 2016. – 542 с.; Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2017. 384 с.

следовательно, повышает к ним доверие масс, которыми они должны овладеть и руководствоваться.

Изложенное призывает исследователя учитывать тот факт, что каждое теоретическое исследование, основанное на исторических аргументах, требует внимательного и тщательного изучения источника этих исторических сведений. Кроме того, важно теоретику права, использующему в исследовании исторические аргументы, оценить ту социально-культурную среду, в которой сформировался источник исторических данных. Это требование справедливо как для первичных источников (официальных, архивных данных, не имеющих прямой цели массового идеологического влияния), так и вторичных, представляющих собой как научные, так и публицистические комментарии первых. Оба вида источников в меньшей или большей степени несут на себе «отпечаток» господствующей социально-культурной, в том числе и политико-правой.

Г. И. Муромцев[1],
профессор кафедры теории государства и права
Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВОГЕНЕЗ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Проблема происхождения права является, пожалуй, наименее изученной из всех теоретико-правовых проблем.

Представляется, что лучшему ее освоению будет способствовать рассмотрение ее сквозь призму не только юриспруденции, но и ряда неправовых научных дисциплин – как гуманитарных (антропологии, этнологии, культурологии и т. д.), так и естественнонаучных (эволюционной биологии, психологии и т. д.), в которых накоплен за последние десятилетия существенный научный материал.

При таком подходе проблема правогенеза становится аспектом более широкой проблемы всемирной эволюции, в ходе которой на Земле возникают материя, живая природа, человек и человеческое общество.

[1] Муромцев Г. И., 2018.

Природа и общество предстают при этом как сложные системы, над которыми по мере формирования надстраиваются в качестве новых подсистем психика, сознание, социо-нормативная система и т. д. Они привносят элементы новизны и одновременно – как дериват «большой» системы – воспринимают ее свойства и функции[1].

В отечественной правовой литературе сложилось три различных ответа на вопрос о том, когда и как возникли право и государство: 1. они возникают одновременно и существуют как парные категории[2]; 2. возникновение права предшествует возникновению государства[3]; 3. право возникает вместе с обществом как его атрибут в соответствии с принципом «где общество, там и право». Возникновение государства относится к более поздним стадиям истории и рассматривается при этом как аспект проблемы правогенеза[4].

Наиболее адекватным здесь представляется последний из них, однако и он нуждается в уточнении, поскольку исходную точку процесса правогенеза, по нашему мнению, следовало бы перенести в пласты доисторического времени, то есть в стадию биологической эволюции предков человека. Необходимость этого вытекает из того общепризнанного факта, что человек и человеческое общество вышли из природы. Следовательно, на этой стадии эволюции начинает формироваться механизм регуляции поведения индивидов, элементы которого будут восприняты в будущем архаической социо-нормативной системой и на ее основе зарождающимся правом. Речь идет о психологическом регулятивном механизме, поскольку человек как носитель сознания еще не сформировался, а психика уже присуща всем живым существам природного мира. Изучение такого механизма способствует более глубокому пониманию природы и закономерностей как архаической социо-нормативной системы, так и возникающего в ее рамках права.

---

[1] Беломестнова Н. В., Плебанек О. В. Сознание и культура в естественнонаучной картине мира // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 50.

[2] См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1983.

[3] См., например: Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1983.

[4] См., например: Честнов И. Л. Исторические предпосылки государства и права. // Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. – СПб, 2006. – С. 43–70.

По нашему мнению, вызывающий острые дискуссии переход от природного механизма регуляции поведения, основу которого составляют психика и природные инстинкты, к социальному механизму, основанному на человеческом сознании, вполне объясним с позиций науки. Так, с одной стороны, и инстинкты, и сознание имеют рефлекторную основу[1], с другой стороны, тот и другой механизмы объединяет общность фундаментального условия выживания всех живых организмов, включая человека. Это – необходимость их постоянного взаимодействия или «обмена веществ» с внешней (сначала природной, затем природно-социальной) средой с целью удовлетворения их жизненно важных потребностей (пищевых, половых, оборонительных и т. д.). Формой такого взаимодействия является поведение индивидов[2].

Потребность является субъективно-объективной категорией: осознание необходимости ее удовлетворения происходит субъективно, тогда как источник ее удовлетворения объективен и находится вне пределов организма. Поэтому характер воздействия индивида на этот источник лежит в основе его поведения как формы его взаимодействия с внешней средой. Возможность ее преобразования или, напротив, необходимость приспособления к ней зависят от степени ее познания и эффективности орудий, которыми оснащены индивид или коллективная общность. Так, на природной стадии эволюции такой механизм осуществляет функцию приспособления организмов к изменчивой среде[3]. Он включает в себя мотивацию поведения (как совокупность факторов, придающих поведению целенаправленный характер), а также такие его психологические формы, как рефлекс, инстинкт, навык, индивидуально изменчивое поведение[4]. Психологические формы поведе-

---

[1] См.: Сеченов И. М. Избр. произведения. М., 1953, С. 115.

[2] Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. Конспект лекций. М., 1971. – С. 1.

[3] Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. – М. : МГУ, 1990. – С. 6.

[4] Под рефлексами понимают реакции организма, осуществляемые при участии нервной системы в ответ на действие внешних и внутренних раздражителей. Врожденные рефлексы называются безусловными. Рефлексы, выработанные в течение жизни – условными // Терра лексикон. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Терра, 1998. С. 281; Инстинкт или сложный безусловный рефлекс есть врожденная форма поведения животных и человека, направленная на удовлетворение биологических потребностей (пищевых, половых, оборонительных и т. д.) в строго определенных условиях жизни // Терра лексикон. С. 222;

ния разделяются на врожденные (например, инстинкт, или врожденный рефлекс) и приобретенные (условный рефлекс, навык и т. д.). Первые из них отражают опыт прошлых поколений данного биологического вида и генетически передаются от поколения к поколению как автоматически проявляющиеся в строго определенных ситуациях штампы поведения. Они играют роль своеобразного стабилизатора, природа которого не допускает каких-либо изменений в механизме регуляции поведения.

Вторые, напротив, отражают опыт приспособления индивида к окружающей среде, приобретенный в процессе его жизни, и представляют подвижный, то есть генетически не предопределенный элемент в механизме регуляции поведения. В действительности эти две антагонистических разновидности рефлексов взаимопроникают друг в друга.

Характер соотношения между этими антагонистическими тенденциями – врожденности и изменчивости, стабильности и лабильности, – изменяющийся в ходе эволюции, определяется в литературе как основной психологический закон развития поведения[1].

Рассмотренный сквозь его призму механизм регуляции поведения обнаруживает присущий ему внутренне противоречивый дуализм. Так, основанный на инстинктах или врожденных рефлексах, составляющих стабильный элемент этого механизма, он уже на стадии природной эволюции одновременно предполагает постепенное ограничение сферы стабильности вследствие развития условных или приобретенных рефлексов, навыков и т. д. Последние со временем также становятся инстинктами или врожденными рефлексами, над которыми надстраиваются приобретенные рефлексы и т. д. Будучи в основе своей инстинктивным, этот механизм включает однако и элементы сознания[2]. Неудивительно поэтому, что возникший на биологической

Под навыком понимают умение, созданное упражнениями, привычкой // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981, С. 326; Индивидуально изменчивое поведение предполагает индивидуально гибкие, то есть генетически не целиком запрограммированные реакции на внешнюю среду // Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. – М. : МГУ, 1990. – С. 6; Последовательность перечисления этих психологических форм поведения отражает в данном случае стадии развития поведения в ходе эволюции. Их соотношение и роль в регулятивном механизме с изменением условий могут существенно изменяться. См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб : Питер, 2015, С.105.

[1] Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб : Питер, 2015. – С. 105.

[2] Дарвин Ч. Инстинкт. // Происхождение видов путем естественного отбора. – М. : Просвещение, 1987. – С. 179–180.

стадии эволюции, он в основе своей будет воспринят в будущем механизмом социального, в том числе и правового регулирования.

При этом проявится специфика психического отражения действительности, состоящая в том, что всякий психический факт включает кусок реальной действительности и одновременно ее идеальное отражение[1]. Поэтому регулятивный механизм на природной стадии эволюции включает не только мотивацию поведения, выступающего в соответствующих психологических формах, но и некую «картинку реальности», которая это поведение обусловливает. Психическое осуществляет здесь свое функциональное назначение на основе целостного отражения ситуации и потенциально возможных в ней действий[2].

Соответственно, процесс правогенеза включает становление не только неких норм поведения, отражающих отношения данного общества, но и той «картины мира» (как аналога родовой или семейной общины), которая обусловливает их обязательность.

Не удивительно поэтому, что с появлением сознания и языка пространственно-временные рамки поведения, характерные для природной среды, дополняются еще одним параметром. Речь идет о системе понятий и представлений, обобщенно называемых в психологической литературе «образ мира»[3].

На смену целостному отражению ситуации приходит механизм социального регулирования, в котором слитны мифологический «образ мира» и стереотипы поведения, нормы религии, морали и права.

Словосочетание «социальное регулирование» здесь в известном смысле условно, поскольку границы «образа мира» и сфера действия слитных норм выходят за рамки общества, включая также мир природы и сверхъестественный, фантастический мир божеств, духов, умерших предков и т. д.

Такая структура миро- и правопонимания обусловливает неизбежность включения в сферу и механизм действия архаического права элементов сверхъестественного. Другим ее следствием является то, что это право еще не знает сложившейся системы и структуры, а также

---

[1] Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб : Питер, 2015. – С. 104.

[2] Вилюнас В. К. Указ. соч., С. 6.

[3] Леонтьев А. Н. Психология образа. // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. – 1979. – № 2. – С. 4–5; Вилюнас В. К. Указ. соч., С. 12; Курицын В. М. О разработке проекта конституции СССР 1936 года // Право и жизнь. – 1996. – № 10. – С. 160–191.

правотворчества как юридико-технического способа поддержания его в рабочем состоянии.

Обращенность в прошлое инстинктивного механизма регуляции поведения, сложившегося в природной среде, обуславливает такую же его направленность в условиях зарождающихся социальных отношений. Это значит, что система этих отношений приобретает обязательную нормативную силу, а в механизме регуляции поведения индивидов господствует элемент стабильности, то есть обращенности в прошлое. С увеличением объема знаний об окружающей действительности и совершенствованием орудийной деятельности в этом механизме возрастает роль элементов подвижности и лабильности.

В свете сказанного понятие «правогенез» приобретает двоякий смысл. С одной стороны, оно означает возникновение права в качестве социального регулятора впервые в истории, что называется, «на пустом месте». С другой – под ним понимают возникновение права, так сказать вторично, на «стыках» исторических эпох, где каждый тип общества предполагает свой, присущий лишь ему характер правогенеза. В последнем случае новое право может формироваться в силу как предпосылок, созревших в данном обществе, так и под внешним влиянием. Но это – тема самостоятельного исследования.

Л. К. Мухамедзянова[1],
курсант факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 231 учебного взвода

Д. Н. Шурухнова[2],
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В РОССИИ

Как известно, беспризорность порождает тяжелые социальные последствия и девиации в поведении: рост правонарушений, преступность несовершеннолетних, детская проституция, алкоголизм, наркомания. Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы борьбы с беспризорностью, является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[3], в котором беспризорный определяется как безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания. Безнадзорный определяется как несовершеннолетний человек, контроль над поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц. В настоящее время в России насчитывается до 5 млн несовершеннолетних беспризорников[4].

История борьбы с беспризорностью уходит своими корнями в период дохристианской Руси. В родовой общине славян существовала традиция заботиться о сиротах «всем миром».

С принятием христианства создаются нормы о защите сирот и беспризорников. Ст. 99 Русской Правды обязывала опекунов заботиться о

---

[1] © Мухамедзянова Л. К., 2018.

[2] © Шурухнова Д. Н., 2018.

[3] Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

[4] Москва. 14 ноября 2016 г. // URL: http://www.interfax.ru/russia/45552.

сиротах до тех пор, пока они не смогут жить самостоятельно. Так же в статье регламентируется вопрос о наследстве сирот, которые они получали, когда становились взрослыми[1].

Во времена царствования Ивана Грозного появляются первые приюты для беспризорных детей. В XVI веке Стоглавым собором было определено открывать училище «для наставления детей грамоте», а для «сирых и немощных» создавать при церкви богадельни.

При Петре I создаются приюты, в которых принимались незаконнорожденные с соблюдением анонимности происхождения. В июне 1718 года Петр I издает указ, по которому сирот отдавали на воспитание в новые семьи, а мальчиков 10 лет и старше – в матросы. Так же их обеспечивали работой на фабриках и мануфактурах.

В XIX веке количество беспризорных детей стало расти, условия жизни в приютах ухудшалось. Приюты и госпитали были переполнены, не было обеспечено достаточное количество провизии, медицинская помощь почти никогда не оказывалась. Возросла смертность в воспитательных домах[2].

Во второй половине XIX века, в результате реформ, были учреждены суды для несовершеннолетних; исправительные заведения для подследственных и подсудимых.

К 1917 г. на территории России располагалось 538 детских приютов, где воспитывались 29650 детей. Своего пика беспризорность достигла в годы Первой мировой воины и Октябрьской Революции 1917 года (к 1922 насчитывалось около 7 млн беспризорных)[3].

Решение проблемы беспризорности становилось политической задачей. Создается специальная детская милиция, организуются мероприятия по бесплатному питанию и лечению беспризорников. 27 января 1921 года Президиум ВЦИК издает постановление об образовании «Комиссии по улучшению жизни детей», председателем которой был избран Ф. Э. Дзержинский.

В 1922 году начинается борьба с последствиями голода, реэвакуация детей, открытие стационарных учреждений. В 1919 году в детских домах воспитывалось 125 тыс. детей, в 1921–1922 гг. – 540 тыс. детей. Применялись такие формы работы с беспризорными детьми, как па-

---

[1] Ст. 98–108 Русской Правды // URL: http://www.hist.msu.ru

[2] Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.

[3] Там же.

тронат, усыновление, опека и попечительство. Активное участие в работе с детьми и подростками «с улицы» принимали комсомольцы. На предприятиях были введены специальные (7 %) квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков. Через 200 созданных в 1921 году приемников-распределителей, рассчитанных на прием от 50 до 100 детей одновременно, в первый год целенаправленной государственной борьбы с беспризорностью прошло более 540 тыс. детей[1].

В 1923 году в Москве на борьбу с беспризорностью было брошено 15 тыс. педагогических работников. В марте 1924 года состоялась I московская конференция по борьбе с беспризорностью. В ноябре собирается 4 съезд заведующих губернаторскими отделами по борьбе с беспризорностью, на котором выступил А. В. Луначарский, отметивший, что из беспризорников мир рискует получить антиобщественных, беспринципных, антисоциальных в корень испорченных людей, врагов здорового образа жизни, которые с легким сердцем уйдут в армию преступности.

К этому времени государство осознает опасность, которую несут с собой дети, выкинутые на улицу. Создаются общества «Друзья детей», которые занимались организацией ночлежек, приютов, рабочих мастерских, летних лагерей отдыха и детских площадок для беспризорников, органы СПОН – социально-правовой охраны несовершеннолетних, занимающиеся профилактикой новой беспризорности. При ЦИК СССР создаются фонды имени Ленина по помощи беспризорным детям.

К 1925 году в стране насчитывалось 200 тысяч беспризорников, из них 90 тысяч нуждались в немедленной помощи. С целью разгрузки детских домов разворачивается компания по усыновлению детей. Государство выделяет 50 млн рублей на борьбу с беспризорностью. В детских домах насчитывалось 241 тыс. детей, что составляло 55 % от общего числа сирот[2].

---

[1] Войткевич И. Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2; Недобежкин С. В., Милованова Л. В. Реорганизация органов внутренних дел России в период деятельности Временного правительства (февраль 1917 г. – октябрь 1917 г.). М., 2002.

[2] Войткевич И. Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2.

Несмотря на очевидные трудности восстановительного периода, к 1925 году в РСФСР уже было более 280 детских домов, 420 «трудовых коммун» и 880 «детских городков». В 1927 году на Пленуме ВЦИК были отмечены большие успехи в борьбе с беспризорностью, принимается решение о выделении 7 млн рублей, был принят трехлетний план по борьбе с беспризорностью.

В конце 1920 года для решения проблем с беспризорными правонарушителями (находящимися в исправительных учреждениях) было решено готовить их к ремесленным и кустарным профессиям. Но по освобождению из учреждения беспризорники не получали никакой поддержки от государства из-за чего они были вынуждены вернуться в преступную среду. В связи с этим было принято постановление Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1929 года, по которому освобожденных несовершеннолетних беспризорников обязывался устроить на работу Народный комиссариат труда (НТК). Этот орган контролировал своевременное трудоустройство правонарушителей, а также порядок восстановления в правах бывших беспризорных, получивших трудовое воспитание и перешедших из детских домов и коммун-фабрик на производство[1].

Во время Отечественной войны возрастало количество беспризорников. Большинство мужского населения в военное время уходили в армию, а оставшиеся были заняты на производстве. Ситуацию с активным ростом беспризорников и безнадзорных ухудшало то, что в ряде мест сокращены сети детских учреждений и прекращено обучение детей школьной программе. Дети лишались родительского и педагогического надзора.

Органы внутренних дел не могли заниматься в полной мере профилактикой детской беспризорности и безнадзорности, что повлекло за собой рост детской преступности. Количество преступлений, совершенных детьми, возросло на 61 % с 1941 по 1942 годы и на 192 % с 1941 по 1944 годы. Тяжелая материально-бытовая ситуация военного времени заставляли детей уходить из дома на улицу или на войну. Однако, несмотря на войну, беспризорникам все же старались уделять внимание. Постановлением о трудоустройстве подростков от 1943 года Совнарком СССР обязал НКВД СССР и Наркомпрос РСФСР направить летом в ремесленные железнодорожные училища и школы

[1] Государственный архив РФ ф. 5446, оп. 1, д. 50, л. 56.

ФЗО 36 тыс. детдомовцев и сирот, а также 5,4 тыс. воспитанников трудовых колоний НКВД старше 14 лет. Совнарком 6 июля 1944 года обеспечил детей в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР помещениями и производственными площадями. Было разрешено организовать дополнительные детские трудовые воспитательные колонии. Верховный совет СССР выделил из государственного бюджета 6 млрд 600 млн рублей на содержание детских садов, домов, ремесленных училищ и школ ФЗО. Почти повсеместно были созданы специальные фонды помощи детям, специальные счета, куда перечислялись пожертвования. Всего от комсомольских организаций и несоюзной молодежи страны поступило 308 млн рублей. На эти средства организовано 126 детских домов, а также содержались сотни оздоровительных детских площадок. На 1 января 1945 года в СССР существовало 14 комсомольских здравниц, где ежегодно отдыхало около 12 тыс. детей. Работа по поддержанию материально-бытового положения безнадзорных детей находилась под юрисдикцией ЦК ВЛКСМ и при активном содействии органов внутренних дел[1].

Совет Министров СССР 8 апреля 1952 года принял постановление № 1708 «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР», в котором на государственном уровне открыто признавалось, что «в РСФСР все еще имеются факты беспризорности детей». Во многих детских домах, ремесленных училищах, школах ФЗО и ФЗУ и детских приемниках-распределителях слабо поставлена воспитательная работа, не созданы надлежащие бытовые условия, не изжито грубое обращение работников с учащимися и воспитанниками и имеются факты самовольного ухода детей и подростков из этих учреждений. Во многих регионах прекратила свою деятельность Комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. Некоторые детские дома продолжали находиться в неприспособленных помещениях, многие директора не имели соответствующего образования, наблюдалось недофинансирование и неудовлетворительное снабжение. Серия мер, принятых в постановлении № 1708, означала следующий новый период в ликвидации детской беспризорности. Создаются специальные трудовые колонии МВД. Несовершеннолетние заключенные выводятся из

[1] Емелин С. М. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы ювенальной юстиции. – 2010. – № 2.

тюрем в детские трудовые колонии. Проверкой детских учреждений заменяются инспекторскими смотрами[1].

В 1960 году в школах-интернатах обучалось около 1 млн несовершеннолетних. С 1960 по 1990 года количество беспризорных начало уменьшаться, но после развала СССР в 1990 году проблема с беспризорностью вновь набирала обороты. Причинами детской беспризорности в 1990–2000 гг. являлись экономический кризис, бедность, безработица, ослабление семейных устоев, морально-психологический кризис, распространение психических заболеваний. Возникновение и рост беспризорности объясняется разрушением государственной инфраструктуры социализации и воспитания детей, а также кризисом семей[2].

В качестве причин роста беспризорности следует указать криминализацию общества, широкое распространение новых для России видов правонарушений (проституция, наркоторговля), слабый контроль над работодателями, вовлекающими детей в нелегальные виды деятельности. Выделяется также нелегальная миграция детей (часто без сопровождения взрослых) из бывших республик СССР, вызываемая вооруженными конфликтами и еще более тяжелым экономическим положением этих стран[3].

В настоящее время отсутствует полная и достоверная статистическая информация о численности беспризорных детей. Экспертные оценки обнаруживают значительный разброс в цифрах, что может быть связано с используемыми методами и латентностью самого явления. В. С. Демина, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике называет следующие цифры: более 100 тыс. беспризорных детей, безнадзорных – около 1 млн[4], председатель Комитета Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны В.

---

[1] Постановление № 1708 «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» от 8 апреля 1952 года.

[2] Нечаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 59.

[3] Проблемы детской безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: социально-политические последствия и современные технологии решения // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 14 (207).

[4] Проблемы детской безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: социально-политические последствия и современные технологии решения // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 14 (207).

А. Озеров – от 2 до 5 млн беспризорников[1]. Б. В. Грызлов, тогда Министр внутренних дел, в 2002 году назвал цифру в 2,5 млн беспризорников.[2] По данным Генерального прокурора В. В. Устинова, в 2002 году в России насчитывалось от 2 до 3 млн беспризорных[3].

Беспризорные дети, лишенные всего, могут подвергаться коммерческой и криминальной эксплуатации. Беспризорники вовлекаются в криминальные сферы деятельности (работа на улице во вредных условиях, проституция, порнографический бизнес, торговля табачной, алкогольной продукцией и т. д.), связанные с риском для здоровья, психологического и социального развития.

С 1994 по 2002 годы в 1,9 раза выросло число детей, больных алкоголизмом, в 3,3 раза — токсикоманией, в 17,5 раз — наркоманией. Значительно увеличилось количество детей, больных сифилисом, другими венерическими заболеваниями, СПИДом[4].

К началу 2008 года на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних МВД России состояло свыше 60 903 человек[5]. Численность детей, которые были определены, либо находились на попечении в 2012 году – 654 тыс. детей. Большая часть из них (523 тыс. детей) не были усыновлены, но находилась на воспитании в семьях. Меньшая часть сирот (106 тыс. детей) пребывала в детских домах.

Таким образом, мы можем увидеть, как изменяется уровень беспризорности во время и после войны. СССР боролся с беспризорниками и смог снизить их количество, но после развала страны этот уровень вновь увеличился. Страна очень долго восстанавливалась и делала все возможное, чтобы улучшить уровень жизни граждан и снизить уро-

---

[1] Озеров В. А. Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России // Аналитический вестник. Сер. № 46 «Основные проблемы социального развития России». – 2002. – № 20 (176). – С. 17.

[2] Есютин И. Детская беспризорность: дворовые проблемы выросли до масштабов государственных // Страна.Ru, 2 апреля 2002.

[3] Стеркин Ф. Генпрокурор РФ: В России три миллиона беспризорных // Страна.Ru, 20 февраля 2002.

[4] Климантова Г. И., Федотовская Т. А. О профилактике беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации // Аналитический вестник. Сер. № 46 «Основные проблемы социального развития России». – 2002. – № 20 (176). – С. 24.

[5] В России – «третья волна» беспризорности, безнадзорности, неграмотности и преступности подростков // NEWSru.com, 1 июня 2005.

вень беспризорности. Однако, по данным МВД России, в 2016 году выявлено 48 589 несовершеннолетних, совершивших преступления. Причем в числе лиц, ранее совершивших преступления, несовершеннолетние составили 26,3 %, что свидетельствует о слабой профилактической работе с данной категорией лиц[1].

Беспризорность как социальное явление возникает в результате войн, разрухи в стране, голода, болезней и т. д. Она опасна для всего общества в целом, требует противодействия со стороны государства, общества, семьи. Беспризорникам необходимо оказывать социальную поддержку и помощь. Со стороны государства должен осуществлять мониторинг неблагополучных семьей, следует создавать условия для проживания беспризорников, их трудоустройства и социализации. Основой борьбы с беспризорностью в обществе должна стать крепкая и любящая семья.

М. В. Немытина[2],
заведующая кафедрой истории права и государства юридического
института Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, профессор

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИИ

Если вести речь о влиянии судебной реформы второй половины XIX в. на современную российскую правовую действительность, достаточно вспомнить, что именно с ней, точнее, с регламентировавшими ее Судебными уставами 20 ноября 1864 г., связано ежегодное празднование в нашей стране Дня юриста.

Профессиональный праздник День юриста был введен в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина от 4 февраля 2008 г.[3] и впервые отмечался 3 декабря того же года.

2 декабря 2008 г., выступая на VII Всероссийском съезде судей, Президент Российской Федерации Д. А. Медведев сказал: «Прежде всего,

[1] См.: Официальный сайт МВД России.

[2] © Немытина М. В., 2018.

[3] Указ Президента РФ № 130 от 4 февраля 2008 г. «Об установлении Дня юриста» // Консультант Плюс. (дата обращения 04.03.2018).

хотел бы поздравить вас с наступающим праздником – Днем юриста. Завтра, 3 декабря, он впервые отмечается в нашей стране. Именно в этот день почти полтора столетия назад в России была начата историческая судебная реформа, которая по своей значимости и историческим последствиям получила определение великой реформы. Поэтому это новый и общий для всех юристов, для всех нас, праздник, который непосредственно связан с вашими профессиональными обязанностями, с вашей профессиональной деятельностью». Обращаясь к судьям, Д. А. Медведев отметил, что «в суде решаются судьбы миллионов людей. И в немалой степени в суде формируется и отношение людей к государству: оценивается способность государства защищать интересы граждан, применять силу закона и восстанавливать справедливость. В этом смысле суд, может быть, самая авторитетная власть»[1].

20 ноября 1864 г. по старому стилю (3 декабря по новому) императором Александром II был подписан Указ Правительствующему Сенату, в котором говорилось: «По вступлении на прародительский престол, одним из первых Наших желаний, всенародно возвещенных в Манифесте 19 марта 1856 года было: *«правда и милость да царствуют в судах»*.

С того времени, среди других преобразований, вызванных потребностями народной жизни, Мы не переставали заботиться о достижении упомянутой цели посредством лучшего устройства судебной части…»[2].

Далее в императорском Указе речь описывается ход работ по составлению Судебных уставов, включавших подготовку во Втором отделении Собственной Е. И. В. канцелярии Основных положений преобразования судебной части, обнародованных 29 сентября 1862 г.[3] и обсуждение, принятие и редактирование проектов Судебных уставов в Государственном совете, прежде чем они поступили на высочайшее утверждение[4].

Концептуальное содержание судебной реформы отражено в высочайшем Указе Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. в следую-

---

[1] Выступление Президента России Д. А. Медведева // Российская юстиция. 2009. – № 1. – С. 3.

[2] Указ Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 г. об охранительном судопроизводстве. – СПб. : Типография Второго Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1866. – С. XXXIX.

[3] Материалы о подготовке судебной реформы в России были опубликованы: в 74 томах.

[4] См.: Судебные уставы … с изложением рассуждений… Ч. 1. С. XXXIX.

щем виде: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние…»[1].

Текст императорского Указа содержит краткую и емкую формулу: «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех», которая отражает сформировавшиеся в российском общественном правосознании представления о суде. Приведенная формула используется в работах авторов, занимающихся исследованием судебной реформы второй половины XIX века[2]. Содержащиеся в Указе характеристики суда можно рассматривать также в качестве принципов правосудия.

Провозглашенный при введении Судебных уставов 20 ноября 1864 г. принцип «суда скорого», означал желание «отцов судебной реформы» покончить с волокитой в судебных органах, что делалось путем установления процессуальных сроков в гражданском и уголовном судопроизводстве. Учрежденный Судебными уставами мировой суд должен был не только открыть доступ к суду широким слоям населения, но и обеспечить скорое (быстрое) рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел выборными, пользующимися доверием населения мировыми судьями.

Словосочетание «суд правый» в российской интерпретации означает «суд справедливый». Установка субъектам правоприменительной деятельности на то, что судебное решение должно соответствовать не только закону, но и отвечать требованиям справедливости, имеет в российском праве огромное созидательное значение. Неразрывно связанная с понятием «правосудие» категория «справедливость» («суд правый»), в отличие от формируемой государством законности, отходит к обществу, где и следует искать истоки правосудия. Отсюда логически вытекает трактовка правосудия в духе либеральных (или демократических) подходов к праву как роли общества в функционировании судебной власти, достижении ею целей справедливости.

Собственно, сами термины «правосудие», «юстиция» (рус.), «justice» (англ.) и означают справедливый суд. Поэтому термин «справедливое

---

[1] Там же. С. XXXIX–XL.

[2] См., например: Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 13, 49.

правосудие» в лингвистическом отношении представляется избыточным[1]. Между тем этот термин широко используется в российском законодательстве, научной литературе, переводах актов международного права, комментариях к нормативным правовым актам, правоприменительной практике и т. д.

Исходя из исторически сложившихся особенностей понимания правосудия в национальном правосознании, эту категорию следует трактовать как тождественную справедливому судебному разбирательству. Поэтому применительно к рассмотрению дел в судах в формальном смысле уместно вести речь о судопроизводстве, а не о правосудии, если только специально не акцентировать внимание на достижении судами и судьями целей справедливости.

Принцип «суда милостивого», содержащийся в Указе Александра II, можно трактовать как связанный с ценностным принципом справедливости и в то же время как абсолютно самостоятельный. Он воплощается через исторически сложившийся институт помилования со стороны главы государства лиц, осужденных к уголовному наказанию, даже если это наказание оказывается крайне суровым. «Царская милость» распространялась на лиц, преступивших закон, содержащихся в тюрьмах, отбывавших каторгу. Принцип «суда милостивого» проходит «красной нитью» через деятельность присяжных заседателей, которые, в отличие от коронных судей, при вынесении вердикта по уголовному делу не связаны положениями закона. Они не квалифицируют подлежащее их рассмотрению уголовно наказуемое деяние в юридическом смысле (не определяют подлежащие применению нормы уголовного закона и меру наказания для подсудимого). Вынося вердикт по делу, присяжные заседатели, руководствуясь здравым смыслом, собственными представлениями о справедливости, решают вопрос о виновности или невиновности

[1] Так, например, Конституционный Суд России, определяя нормативное содержание права на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), постановил, что оно «реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан». Поскольку правосудие само по себе может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости, используемое Конституционным Судом РФ и многократно вслед за ним повторенное словосочетание «справедливое правосудие» вызывает недоумение // Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1998 г. «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Баронина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 51. – ст. 6341.

подсудимого; если подсудимый признается виновным, то судьи от общества решают, заслуживает или не заслуживает он снисхождения.

Следует особо остановиться на закрепленных в Судебных уставах 1864 г. и неразрывно связанных между собой принципах всесословного и равного суда. В то время как жизнь российского общества в целом строилась на сословных началах, судебная система стала общей для всех подданных Российской империи. Тем самым – ни много, ни мало – в российскую действительность был внедрен конституционный принцип формального равенства.

Отказавшись от хаотичного построения сословных судов дореформенной эпохи, «отцы судебной реформы» ввели стройную систему всесословных судебных органов со строго очерченной компетенцией. Параллельно действовали мировые суды для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел, замыкавшиеся на уровне уезда, и общие судебные установления: окружные суды, охватывавшие территорию нескольких уездов, и судебные палаты (апелляционная инстанция), юрисдикция которых распространялась на несколько губерний. Высшей судебной инстанцией, объединявшей систему мировых и общих судов, был Сенат, наделенный кассационными полномочиями.

Всесословным институтом являлся и суд присяжных, введение которого предполагало участие представителей общества, независимо от их сословной принадлежности, в рассмотрении окружными судами уголовных дел, по которым санкции закона предусматривали наказания в виде лишения или ограничения прав состояния (сословных, имущественных, семейных и др.).

Содержавшееся в Указе императора Александра II Правительствующему Сенату понятие «судебная власть», которой, как было сказано, следует предоставить «надлежащую самостоятельность»[1], необходимо трактовать в смысле реализации конституционного принципа разделения властей. «Самодержавием в самодержавии» называл независимость судов и судей выдающийся российский публицист, издатель «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катков, являвшийся, по свидетельству современников, «государственным деятелем без государственной должности», поскольку в своих статьях он не только отражал, но и определял политику России пореформенного периода.

[1] Судебные уставы … с изложением рассуждений… Ч. 1. С. XL.

Наконец, в Указе о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. находим и либеральный (или демократический) принцип законности, который сформулирован как стремление власти «утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние»[1].

Таким образом, Указ Александра II Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. внедрял в российскую действительность правовые принципы и институты, вошедшие в жизнь большинства других стран посредством конституций: равенство всех перед законом и судом, законность, независимость суда от администрации, несменяемость судей. Одновременно этот Указ провозглашал ценностные начала в деятельности судов, такие как «справедливость», «правда», «милость», «скорый суд».

Войдя в полосу реформ, но стремясь при этом отсрочить введение конституции, парламента, сохраняя сословный строй с его привилегиями и ограничениями, правительство Александра II тем не менее вступило на путь конституционализма. Судебными уставами 1864 г. была провозглашена независимая судебная власть как элемент разделения властей. Ставшие независимыми суды и судьи фактически ограничивали самодержавную власть. Была введена единая для всех сословий система судов и было провозглашено равенство всех перед законом и судом, что можно считать проявлениями принципа формального равенства.

По свидетельству государственного секретаря А. А. Половцова, император Александр III, оценивая результаты царствования его отца Александра II, утверждал, что Судебные уставы 1864 г. «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг»[2].

Опыт судебной реформы второй половины XIX века в России отчетливо иллюстрирует, как преобразования в сфере судоустройства и судопроизводства могут повлиять на состояние общества в целом. Направленная на создание в стране принципов и институтов правосудия судебная

---

[1] Там же.

[2] Половцов А. А. Дневник государственного секретаря / под ред. П. А. Зайончковского : в 2 т. – М., 1966. – Т. 1. – С. 228; Курицын В. М., Альхименко В. В., Коряков В. П. и др. История полиции России. Исторический очерк и основные документы. М., 2001.

реформа 1864 г. не могла не затронуть всех сфер жизни общества, определив вектор его правового развития и переход на новый уровень правовой культуры.

По общему признанию дореволюционных авторов, независимо от их принадлежности к охранительному, либеральному или революционно-демократическому направлению общественно-политической мысли, судебная реформа считается наиболее последовательной в ряду преобразований, проведенных правительством Александра II. Вместе с тем исследователи дореволюционного периода обращали внимание на феномен прогрессивного суда в условиях сохранении устаревшей политической формы – самодержавия.

Позицию, касавшуюся радикализма судебной реформы, отчасти разделяли исследователи советского периода, вынужденные в силу господствовавших методологических установок фиксировать внимание на ограниченном характере суда в эксплуататорском обществе, противоречии институтов судоустройства и судопроизводства интересам широких народных масс. Так, Б. В. Виленский, автор единственной вышедшей в советский период монографии по судебной реформе[1], вынужден был акцентировать внимание не столько на достоинствах судебной реформы, сколько на ее ограниченном и незавершенном характере.

Только на рубеже советского и постсоветского периодов удается постепенно преодолеть методологические штампы и стереотипы в оценке судебной реформы. М. Г. Коротких усматривает причины реформ второй половины XIX века в России, в том числе судебной, «в кризисе «верхов», осознавших неизбежность перемен, а не в революционном движении демократического лагеря»[2], как это было принято в работах исследователей советского периода. Автор отмечает: «Передовые принципы и институты, легшие в основу судебной реформы, определились не сразу, а были введены в результате победы либерального направления в правительственных сферах, где шла острая борьба за сущность и характер изменений судопроизводства и судоустройства»[3].

Стоит отметить, что опыт судебных преобразований правительства Александра II был использован в ходе судебно-правовой реформы в 90-

---

[1] См.: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

[2] Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 11.

[3] Там же. С. 4.

е годы XX в., когда шел процесс «возвращения в Россию» ключевых демократических принципов и институтов судоустройства и судопроизводства. Для работ, «вышедших из-под пера» авторов в постсоветский период, как историков права, так и представителей отраслевой юридической науки, характерна идеализация принципов и институтов Судебных уставов. При этом исследователи в большинстве своем не подвергают глубинному научному анализу те противоречия, которые породила либеральная политика правительства Александра II, превратившая суд в «инородное тело» в организме государства, а также отдаленные последствия судебной реформы.

А. Н. Никитин[1],
профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор исторических наук, доктор юридических наук

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Как известно, теории происхождения государства и права представляют собой концептуально выстроенное объяснение причин возникновения, природы и содержания указанных социальных явлений.

Первой появилась божественная или иначе называемая теологическая теория. Принято считать, что она возникла в средневековой Европе на основе христианской традиции. Иногда в научной и учебной литературе указывается, что данная теория зародилась еще раньше на Древнем Востоке.

Однако до сих пор концепция божественного происхождения государства и права, сформировавшаяся в этом регионе, не являлась предметом исторического анализа. Между тем методология историко-правовой науки позволяет не только выявить гносеологические и онтологические основы названной теории, но и дополнить имеющиеся знания о древневосточных государствах.

Прежде всего представляется важным отметить следующее. В отличие от христианской Европы на Древнем Востоке не существовала

[1] © Никитин А. Н., 2018.

единая, признаваемая всеми странами теологическая теория. В каждой имелась своя, разработанная местными жрецами или правителями. Можно сказать, что на Востоке еще задолго до рождения Христа возникло несколько концепций божественного происхождения государства и права. Каждая отражала особенности той страны, где она появилась, была связана с именами местных богов – Атон, Мардук, Шамаш, Элиль, Ману и т. д.

Одним из первых о божественном происхождении своего государства заявили древние египтяне, преследуя при этом конкретные политические цели. В ходе религиозной реформы, проведенной в эпоху Среднего царства фараоном Аменхотепом IV, фиванский бог Атон был объявлен верховным царем богов. Религиозная реформа потребовалась фараону для того, чтобы ослабить позиции жречества, быть независимым от них при проведении государственной политики.

Концепция божественного происхождения фараона, олицетворявшего государство, наиболее последовательно была выражена в памятнике египетской истории и культуры «Гимн Атону». В нем, в частности, говорится, что Бог-Солнце образовал землю с людьми, скотом и всеми животными. Он же создал Нил, чтобы дать им жизнь. Но самое любимое творение Бога-Солнца его сын – фараон. Лишь ему одному известны помыслы и истинное могущество Атона.

Утверждение, что только фараону известны помыслы и истинное могущество Бога-Солнца, не просто подчеркивало единство духовной и светской власти. Оно было призвано способствовать укреплению суверенитета главы государства и одновременно упрочить культ нового бога, должного стать новой идеологической основой власти фараона-реформатора.

Политическая составляющая присутствует и в концепции божественного происхождения государства, сформулированной правителем Древнего Вавилона. «Законы царя Хаммурапи», особенно эпилог, по существу представляют собой политическое завещание, наказ преемникам и потомкам, как надлежит управлять страной.

Хаммурапи не только подчеркивает божественное происхождение своей власти: «Великие боги меня призвали…». Он объясняет жителям своего царства, для чего боги наделили его властью над ними: «…чтобы справедливость в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого».

Следует отметить, что это не были просто красивые слова. Шестой царь Древнего Вавилона продолжил социальную политику, проводившуюся ранее в государствах Шумер и Аккад. Защита слабых и угнетенных обеспечивалась законодательно. Государство регулировало рыночные цены, ограничивало ростовщический процент и срок, в течение которого отрабатывался долг. Жизнь должника охранялась законом.

Однако самые содержательные и глубокие взгляды на происхождение государства, его сущность и назначение сформировались в Древней Индии. Здесь отношения между царями и жречеством носили довольно сложный характер. Жрецы признавали необходимость сильной государственной власти и в то же время стремились сохранить влияние на царя, ограничить его, особенно в судебных делах.

Достижению этой цели, несомненно, способствовала концепция происхождения общества, государства и права, закрепленная в дхармашастрах, созданных жрецами.

Согласно ей, и общество, и государство в лице царя – созданы божеством. Причем на жрецов возлагалась важнейшая задача – учить, в том числе и царей. Царь был обязан чтить жрецов, советоваться с ними по всем вопросам управления.

Более того, в Древней Индии жрецы закрепили в дхармашастрах положение об ответственности главы государства за проводимую им политику. В главе седьмой Дхармашастры Ману (Законы Ману) говорится: «Царь, который по неразумению беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни». И далее «Как от мучения тела гибнут жизни людей, так от мучения страны гибнут жизни царей».

Следует отметить, что положение об ответственности царей за состояние дел в стране не носило декларативный характер. В «Законах Ману» перечислены правители, которые понесли наказание. «От отсутствия смирения погиб Вена, царь Нахуша, Судас, сын Пиджаваны, Сумукха и Ними».

Несомненно, цари были ответственны не перед народом, даже не перед жрецами, а перед тем, кто их создал и наделил властью. В этой связи важно отметить, что, согласно рассматриваемой концепции, бог создал не только общество и государство, но и наказание («сын владыки», «вождь», «каратель», «мужчина».). Оно представлено в каче-

стве самостоятельной субстанции, не зависящей от царя и даже равнозначной ему. «Из страха перед ним все живые существа служат пользе, наказание правит людьми», – писали жрецы в священных книгах.

Можно с большой долей уверенности считать, что в понимании древнеиндийских жрецов наказание выступало синонимом уголовного права.

Царю предписывалось неустанно налагать наказание на заслуживающих его. Однако оно могло быть обращено и против самого монарха, если последний нарушал правила, закрепленные в священных книгах. Несомненно, эти правила создавались жрецами для того, чтобы сохранить традиционное общество, законсервировать политические и социально-экономические отношения, сложившиеся на основе поливного земледелия.

То, что правители могут инициировать разрушение векового уклада, системы ценностей, сформированной традиционным обществом, подтверждают факты из истории и СССР и Древнего Китая. В Поднебесной, как известно, доминировала не религия, а этика. Тем не менее и в Древнем Китае исповедовалась идея божественного происхождения монарха. Правитель считался Сыном Неба.

Однако в ходе масштабных реформ, затеянных императором Цинь Шихуанди, идеологическая опора власти, выраженная в конфуцианстве, была отвергнута. Те, кто ранее служил ей, подвергся гонениям.

Однако новая идеология – легизм не была принята ни последователями Конфуция, ни крестьянством, что, несомненно, способствовало падению правившей династии Цинь.

В целом же исторический анализ позволяет утверждать следующее. На Древнем Востоке идея божественного происхождения государства способствовала легитимации власти монарха и вместе с тем порождала проблемы в его отношениях со жречеством. Иногда проблемы перерастали в неразрешимые противоречия, приводившие наряду с другими причинами к падению правящей династии, как было в Китае, или гибели правителя, как в Египте. И тем не менее концепция божественного происхождения государства, олицетворяемого монархом, объединяла власть и народ, правителя и жречество, являлась идеологической основой древневосточных цивилизаций, существовавших тысячелетия.

Д. В. Орлов[1],
доцент кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕТОДОЛОГИИ В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Значимость изучения методологии для проведения историко-правовых исследований высока. Изучение истории становления и развития права в его конкретно-исторической форме представляет самостоятельный вид правовых исследований, специфика которых определяется тем, что они призваны раскрывать процессы становления и развития правовых явлений и событий уже не существующих в настоящий момент. Предметом таких исследований является процесс возникновения и развития права в его конкретно-исторической форме, от простого состояния до сложного – настоящего.

Историко-правовые исследования составляют необходимое направление научных исследований во всех без исключения отраслях правовой науки. Только с помощью этих исследований представляется возможным получить достоверные знания об истории становления и развития, во-первых, отраслей права и законодательства; во-вторых, каждой отдельной отрасли юридической науки; в-третьих, научных учреждений и юридического образования[2].

Тот факт, что ежемесячно в диссертационных советах образовательных учреждений России защищается десятки диссертационных исследований с указанием в названии «историко-правовое исследование» или «историко-теоретическое исследование» говорит о многом. При этом каждое диссертационное исследование по юридической тематике, независимо от специальности или наименования, так или иначе связано с вопросами истории того или иного правового явления – в каждой такой диссертации, как правило, есть отдельный параграф или глава, посвященная этому. Подготовка качественного историко-

---

[1] © Орлов Д. В., 2018.

[2] Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. – М., 2012. – С. 381.

правового исследования проходит с помощью методов научного познания, которые в свою очередь многоаспектны и имеют различного рода проблематику.

Проблемы методологии историко-правовых исследований условно можно разделить на три основные группы: теории методологии в целом, обучения методологии при подготовке исследователей и реализации знаний о методологии при подготовке историко-правового исследования.

К первой следует отнести разрозненность в понимании самой теории методологии, что выступало и выступает до настоящего времени предметом внимания и научных споров философов, историков и юристов (например, Р. Декарт[1], В. М. Сырых, Н. Н. Тарасов[2], И. Д Ковальченко[3], В. Н. Сидорцов[4], Г. Н. Кузьменко[5], П. В. Васильева[6]). Несмотря на рассмотрение отдельных аспектов методологии на протяжении нескольких столетий, и более углубленно в советский период, практически в каждом научном труде указывается на существование «методологического хаоса»[7]. Так, остаются не решенными основополагающие вопросы о соотношении свободно используемых на практике понятий: технология, подходы, методы, методология и методика исторического исследования, составляющих их элементах, полном и точном перечне самих методов и их классификации, эффективности применяемых методов при проведении исследования.

Путаница в понятиях оказывает огромное негативное влияние. В научной литературе превалирует широкий подход к понятию методологии как учению о научном методе познания, к элементам которой относят не только сами методы, но и парадигмы, и принципы научного

---

[1] Декарт Р. Избранные произведения. М. 1950.

[2] Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.

[3] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М., 2003.

[4] Методы исследования // Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : ТетраСистемс, 2006.

[5] Кузьменко Г. Н. Философия и методология науки: учеб. для магистратуры. М., 2014.

[6] Васильев П. В. О понятии и структуре метода научного юридического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. –№ 1 (28).

[7] Там же. С. 31.

познания[1]. Аналогичного мнения придерживается В. Н. Сидорцов[2], не выделяя лишь в отдельную категорию парадигмы. В узком же смысле методология практически всеми авторами понимается как совокупность методов.

Понятие «парадигма» применительно к историко-правому исследованию – это фундаментальная теория, направляющая научное исследование. Но для проведения полноценного исследования недостаточно одной парадигмы, поскольку это может привести к ограниченному решению научной проблемы. Полипарадигмальность позволяет получить наиболее достоверные и глубокие знания об объекте и предмете историко-правового исследования.

Принципы методологии историко-правового исследования реализуются в конкретных методах. Достаточно полный перечень принципов историко-правового исследования указал В. М. Нохрин[3]: историзм, объективность, достаточное основание, целесообразность, дополнительность.

К основным методам любого историко-правового исследования, безусловно, нужно относить историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный метод, метод диахронического анализа[4] и ретроспективный метод.

Очевидна сложность взаимозависимости философских начал методологии и сферы ее применения, научности разнообразных концепций, отсутствие жесткости «почвы» для дальнейших практических рекомендаций для исследователей.

Вторая группа проблем связана с обучением молодых исследователей методологии проведения своих научных исследований. Тут можно отметить, что лишь в последнее время, при обучении магистров, аспи-

---

[1] Малахов В. П. Философия права: формы теоретического мышления о праве. М., 2009. С. 10.

[2] Методы исследования // Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : ТетраСистемс, 2006.

[3] Нохрин В. М. Методологические аспекты историко-правового исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 6 (25).

[4] Характеристика данного метода разработана И. Д. Ковальченко. Однако данный метод не был им выделен в качестве самостоятельного метода, поскольку рассматривался как необходимый инструмент любого исторического исследования, объективно нацеленного на изучение временных трансформаций. См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М., 2003.

рантов и адъюнктов, профессорско-преподавательский состав пытается данную проблему ликвидировать, вводя в их подготовку на первом и втором году обучения такие дисциплины, как «Технологии и методики профессионально-ориентированного обучения», «История и методология юридической науки», «Методология подготовки и проведения научного исследования». Отметим, что в соответствии с законодательством, базовое высшее образование для поступления в магистратуру может быть иным, нежели выбранное направление подготовки. Отсюда следуют банальные проблемы восприятия и закрепления знаний о методологии.

Зачастую обучение проведению исследования и применению методов происходит в общих чертах и универсальных формах, тогда как историко-правовое исследование является отдельным самостоятельным видом научно-исследовательской работы и, соответственно, обучение методологии должно проходить применительно к этому виду научной работы.

Полагаем, что при обучении стоит больше внимания уделять именно правильному определению объекта и предмета исследования, постановке цели исследования и определению задач. К слову, именно с обоснования начинается работа по подготовке диссертационного исследования в аспирантуре и адъюнктуре на первом году обучения, когда еще занятия по указанным выше дисциплинам не проводились и компетенции у обучаемых еще не сформированы. В этой связи представление об объекте и предмете работы, а также предполагаемых методах, указанных в обосновании к выбранной теме, часто бывает некорректно или полностью ошибочно.

Рассматривая некоторые аспекты и проблемы, возникающие при проведении историко-правовых исследований, следует отметить, что объект историко-правовых исследований – это явления материального и духовного мира: нормативно-правовые и правоприменительные акты, материалы юридических дел, документы. При этом целями историко-правовых исследований, как правило, являются получение достоверных и полных знаний об исторических процессах становления и развития государства и права, исторической правды о событиях и фактах, которые по разным причинам могли быть некорректно интерпретированы, а также применения этих знаний для познания современных политико-правовых процессов.

Указанное выше демонстрирует несовершенство образовательного процесса, а также направляет профессорско-преподавательский состав, диссертантов и их научных руководителей на решение первоочередных задач.

Третья группа непосредственно связана с реализацией знания о методологии применительно к конкретному историко-правовому исследованию. Данные проблемы зачастую возникают в связи с неопытностью молодых ученых при проведении диссертационных исследований. В авторефератах исследований указываются различные методы проведения исследования, среди которых, чаще всего, встречаются: исторический метод исследования права, метод прогнозирования, логический, формализации, конкретно-социологических исследований, а также методы нормативно-правового и сравнительно-правового анализа. Сами методы и сферы их применения, при этом диссертантами, как правило, в тексте не раскрываются. На защитах диссертационных исследований, при возникновении вопроса о применении того или иного метода применительно к вопросам исследования, соискатель ученой степени дать вразумительного ответа не может.

Методология научных историко-правовых работ стала обозначаться в диссертациях лишь формально. К сожалению, как показывает практика, осмысление применения метода приходит к автору уже после того, как исследование частично, а то и полностью проведено.

При широком подходе к понятию методологии относятся также объект, предмет, цель и задачи исследования, которые в первую очередь подвергаются осмыслению и критике. В своих историко-правовых исследованиях авторы достаточно полно указывают и раскрывают их, чего нельзя сказать о методах исследования. Между тем указание и раскрытие методов позволяет понять и проследить логику автора работы, обоснованность его предположений и выводов. В качестве положительного примера можно отметить диссертационное исследование П. В. Васильева, во введении которого представлено развернутое описание использованных методов[1].

В число проблем указанной группы входит фактическое не вполне осознанное использование всего спектра методов общих, специальных и частнонаучных без определения их границ. При этом, чаще всего, невозможно определить «пропорции» использования методов приме-

[1] Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика техника) : дис. … канд. юрид. наук. – Н.Новгород. – С. 7–9.

нительно к каждой задаче исследования. При такой ситуации возникает представление об уникальности с методологической точки зрения каждого проводимого исследования. Думается, что необходимо рекомендовать, особенно молодым ученым, посвящать в обязательном порядке часть введения, а может быть и целый параграф диссертационного исследования или монографии непосредственно пояснению выбора метода получения конкретного научного результата в процессе проведения исследования, а также указанию связей выбранных методов с целями, задачами, предметами и объектами изучения.

Таким образом, в сфере проведения историко-правовых исследований сложилась комплексная проблемная ситуация, охватывающая метатеоретические проблемы понимания методов и методологии, формирования научно-исследовательских компетенций и реализации методологических знаний в конкретных историко-правовых исследованиях. С учетом того, что указанные проблемы во многом вытекают друг из друга, комплексное нахождение их решений позволит качественно улучшить проведение историко-правовых исследований.

В. И. Павлов[1],
начальник кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Академия Министерства внутренних
дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДОЛОГИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Введение. Формирование современной русскоязычной юриспруденции связано с целым рядом различных факторов, одним из которых выступает культурно-исторический контекст ее появления. Распад советской цивилизации, отказ от большинства методологических подходов в гуманитаристике привели к аналогичным процессам и в правоведении. Традиция понимания правовой реальности, которая господствовала в советской юридической науке, как ее нередко называют сегодня – этатистский нормативизм – также была объявлена правовой теорией эпохи авторитаризма и утратила свое господство. Вместе с тем

[1] © Павлов В. И., 2018.

даже после 27 лет развития постсоветской юридической науки следует констатировать наличие преемственности постсоветской юриспруденции по отношению к советской правовой науке по целому ряду направлений, в том числе в части использования догматических конструкций и понятийно-категориального аппарата, а также отчасти и доктринального юридического мышления, поскольку большинство ведущих современных правоведов сформировалось в советскую эпоху. В первое десятилетие после распада СССР правоведам нужно было решать одновременно несколько серьезных задач. Так, нужно было переосмыслить отношение к правовому познанию, определить собственную исследовательскую позицию; провести ревизию собственных научных взглядов ключевых юридических текстов советской эпохи; теоретикам и философам права предстояло осознать состояние современной западной правовой мысли, которую, как известно, советское правоведение оценивало в основном негативно. Указанные методологические задачи должны были решаться прежде всего в рамках общетеоретической юриспруденции, и это существенно осложнило реализацию общеметодологической функции постсоветской общей теории права в отношении системы юридического знания в целом.

Вместе с тем ситуация формирования постсоветской юриспруденции, несмотря на необходимость решения многоплановых задач, тем не менее содержит в себе и новые возможности для развития правовой науки. Это связано с кризисом западноевропейской гуманитаристики, в том числе и в сфере правовой науки.

1. Кризис западноевропейской гуманитарной мысли. Неравновесное состояние современной западноевропейской мысли, подкрепляемое сегодня различного рода социально-политическими кризисами (проблема идентичности, мигрантов, принципов светскости и т. д.) дает основание критически отнестись к западноевропейским правовым концепциям, построенным на ценностях западноевропейской цивилизации. Одновременно это открывает возможность обнаружения собственных аутентичных цивилизационно-культурных оснований правового познания, одновременно не отказываясь от возможности использовать критический инструментарий современной западноевропейской науки. Именно поэтому в два последних десятилетия русскоязычное юридическое сообщество, уже впитавшее наиболее значимые достижения западной правовой теории (которые, как правило, оцениваются значительно выше, чем отечественные концепции), нацелено на анализ и кризисных явлений, правда, отчетливо артикулируемых

отнюдь не в юридических текстах мыслителей Запада, а в современной западной философии.

Методологический кризис западного гуманитарного знания во второй половине XX в. может быть обозначен как кризис классической методологии эпохи Нового времени. Он заключается в окончании господства классического новоевропейского познания и переходе от классического к пост- или постнеклассическому мышлению, у истоков которого стояли такие мыслители, как Э. Гуссерль, Ф. Ницше, М. Хайдеггер; позднее его представителями оказалась практически вся «левая» мысль, особенно французские интеллектуалы Р. Барт, Ж. Бодрияр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко и др.

Критическая работа философской мысли, проводимой на протяжении всего XX в., особенно в его второй половине, показала, что при формировании новоевропейского дискурса методологически были упущены весьма существенные грани познаваемой реальности, которые были оттеснены рационализмом и эмпиризмом классической мысли. Прежде всего это *проблема человека*.

Несмотря на весь гуманистический пафос новоевропейских концепций, человек был представлен в них весьма специфическим образом: как рациональная единица, разумный субъект, индивидуум – субстанциальное образование, наделенное характеристиками вещи, которая выступает эталоном оценки всей реальности как таковой. Во второй половине XX в. на Западе в социальной и антропологической реальности стали происходить изменения, явно указывающие на кризис новоевропейской концепции субъекта: постепенно сама жизнь указывала, что в ней все активнее проступает реальный человек с его проблемами, нуждами, чаяниями, ошибками и т. д., и что та модель субъекта, которая была предложена в качестве идеальной в Новое время, не соответствует действительности.

В правовой действительности последних десятилетий на Западе наиболее сложной проблемой, касающейся человека юридического, стала проблема четвертого поколения прав человека (так называемых соматических прав человека), обнажившая девиацию в понимании человека и его природы на уровне европейского законодателя. Как следствие, кризисные антропологические явления привели к проекту постструктурализма и постмодернизма, в рамках которых понятие субъекта было проблематизировано до предела: «субъект умер» – такой интеллектуальный лозунг выдвинули французские мыслители М. Фуко и

Р. Барт, а за ними значительное количество западноевропейских мыслителей. Но если «субъект умер», то «кто» или «что» есть после смерти субъекта; каким образом отражать человекомерность, если не через понятие субъекта, в том числе и в праве? Этот актуальный вопрос сегодня активно обсуждается на Западе[1], становится злободневным и для русскоязычного пространства, нашей политической, экономической, культурной, правовой реальности.

Преодоление кризиса новоевропейской концепции субъекта в юриспруденции нам представляется посредством разработки антропологической проблематики в рамках нового подхода – антропологической концепции права (антропологии права).

2. Антропология права как направление развития юриспруденции: предмет и гносеологический принцип. Антропология права является одним из новых направлений развития юридического знания, основанного на переосмыслении традиционной концепции субъекта права и всего традиционного юридического дискурса, который в своей основе имеет новоевропейские методологические установки. В этой связи А. И. Ковлер отмечает, что идея homo juridicus, как и в целом идея правового государства, несмотря на ее значимость для европейской мысли, породила «немало мифологизирующих спекуляций, поэтому именно антропологический подход к ней позволяет, видимо, оценить истинное значение этой идеи для правового бытия человека»[2].

Антропология права представляет собой отрасль юридического знания, входящую в блок фундаментальных юридических наук. Фундаментальность антропологии права обусловлена ее эпистемологическим статусом и стоящими перед ней задачами. В отличие от традиционной антропологии права как юридической этнологии, изучающей разнообразие правовых культур и традиций, предлагаемый нами антропологический подход является теоретико-правовой концепцией, претендующей на объяснительные возможности правовой реальности, то есть на роль общеправовой теории.

В соответствии с таким методологическим статусом, *предмет антропологии права* – это человек и процесс его правового существования в правовой реальности, а также право как человекомерное образование, в связи с действующим в нем человеком. В отличие от традиционной общеправовой теории, изучающей закономерности развития и

---

[1] Who comes after the subject? – NY : London, 1991. – 258 p.

[2] Ковлер А. И. Антропология права. М. : Норма, 2002. С. 306.

функционирования права как институционального явления, антропология права познает право через существующего в правовой реальности человека: человек в праве – конкретная фигура присутствующей в правовой реальности стороны гражданско-правового договора, потерпевшего, правонарушителя и т. д. Она и выступает методологическим ориентиром и основанием построения всего юридического дискурса. Этот принцип построения юридического дискурса и понимания правовой реальности получил название *человекомерности права*.

Принцип человекомерности права является главным исходным положением и гносеологической установкой антропологической концепции права, предполагающей представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком.

Перспективы развития антропологии права как постклассической правовой концепции определяются разработкой модели человека в праве и инструментальных средств работы с ним в правовой реальности. В связи с этим антропология права подчеркивает следующие важнейшие позиции: а) юридический дискурс является и должен быть антропологически ориентированным; б) сам человек в праве должен рассматриваться не только как субстанциальное образование в форме классического субъекта права, но в целом как правовое существование человека в праве в совокупности всех юридически значимых антропологических проявлений.

3. Методология антропологии права. Построение антропологии права основывается на нескольких методологических подходах. В качестве фундаментальных методов используются: 1) современная антропология (антропология практик, синергийная антропология); 2) традиционное византийское (восточно-христианское) учение о личности и человеке; 3) фундаментальная онтология М. Хайдеггера; 4) дискурс-анализ и антропология практик М. Фуко. В качестве общих методов познания используются типичные методы – логический, индукции и дедукции и т. д. Антропология права использует и традиционные частнонаучные методы юриспруденции: формально-правовой, догматический, сравнительно-правовой, толкования правовых норм и др.

Особое значение в познании правовой реальности принадлежит специальным методам антропологии права, которые она вырабатывает под свои нужды для реализации своих исследовательских задач. Среди этих методов следует указать три: 1) метод юридико-антропологиче-

ского анализа; 2) метод деконструкции догматических понятий и конструкций общеправовой теории; 3) метод генеалогического исследования догматических понятий и конструкций общеправовой теории.

Метод юридико-антропологического анализа является средством познания правовой реальности в антропологическом контексте и заключается в аналитическом выделении и центрировании всех элементов правовой реальности на фактическом правовом существовании человека в праве. При этом нормативное «существование» человека в праве, представление человека в только в контексте его прав и обязанностей, правовых связей, включено в фактическое правовое существование и рассматривается на его фоне.

Таким образом, анализируя элементы правовой реальности в соотнесении с человеком в праве, метод юридико-антропологического анализа позволяет сориентировать правовое представление и переопределить функциональность всех правовых средств в направлении существующего в правовой реальности человека, тем самым одновременно обеспечивая реализацию принципа человекомерности права.

Метод деконструкции догматических понятий и конструкций общеправовой теории представляет собой способ познания правовой реальности в антропологическом контексте, который заключается в познании того или иного элемента правовой реальности на основании выявления опыта правового существования и фактического положения человека в праве в сопоставлении с отражением данного опыта в традиционных теоретических понятиях и юридических конструкциях. Метод деконструкции дополняет метод юридико-антропологического анализа, использует его для деконструирования и конструирования общетеоретических понятий и конструкций для их последующей операционализации в рамках антрополого-правовой теории.

Суть метода деконструкции заключается в познании того или иного элемента правовой реальности не столько через традиционные теоретические понятия и юридические конструкции, сколько на основании его понимания исходя из центральной роли человека в праве и его правового существования, а также на основании генеалогического исследования формирования и становления самих традиционных теоретических понятий и юридических конструкций. Такая операция позволяет фиксировать тот или иной элемент правовой реальности не на основе

догматического содержания, сформированного традиционным формально-логическим методом юриспруденции, а на основе опыта правового существования человека в праве[1].

Само по себе это еще не означает, однако, что каждая юридическая конструкция обязательно изначально должна быть пересмотрена. Как отмечает Т. Х. Керимов, деконструкция всегда ориентирована «не на деструктивное, а на конструктивное отношение к традиции метафизического мышления, ее необходимости и настоятельности в нашей исторической ситуации»[2].

4. Исторический метод в антропологии права: метод генеалогического исследования догматических понятий и конструкций общеправовой теории. Особое значение среди специальных методов антропологии права принадлежит историческому методу, который получил наименование *метода генеалогического исследования догматических понятий и конструкций общеправовой теории*. Использование термина «генеалогия» заимствовано из концепции генеалогического анализа М. Фуко. Генеалогический анализ направлен не просто на исследование историко-правового содержания формирования того или иного юридического понятия или конструкции исходя из действующего в тот или иной исторический момент законодательства, юридической науки и т. д. В основу генеалогии положен анализ юридической дискурсивной формации – т. е. господствующей в правопорядке определенной системы формирования смысловой среды, а также совокупности языковых практик и внешних к ней проявлений – практик языка юридической рациональности, значимого для понимания текста и связанного с ним юридически значимого поведения, формирующих представление о правовой реальности, саму эту реальность и определяющего способы работы с ней. Иными словами, особенность данного метода заключается в том, что он предполагает не простое апеллирование к юридической традиции формирования того или иного понятия, а к дискурсу, правилам научной речи, в рамках которого данное понятие было сформировано и включило в себя структуры этого дискурса.

---

[1] Курицын В. М. и др. История советского государства и права. М., 1985. Том 3; Курицын В. М. Переход к нэпу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. – 1992. – № 1. – С. 158.

[2] Керимов Т. Х. Социальная гетерология: методология и теория исследования : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 6.

Наиболее наглядным примером использования метода генеалогического исследования является изучение понятий и категорий советской юриспруденции.

Применение генеалогического метода основано на презумпции отсутствия в юридическом дискурсе нейтральных юридических понятий и категорий и утверждении факта их имманентной нагруженности смысловыми содержаниями того или иного дискурсивного юридического порядка, той или иной правовой традиции. Даже, казалось бы, нейтральные и сугубо инструментальные языковые средства общеправовой теории (например, правоотношение, правонарушение), как мы показали в своем исследовании[1], всегда функционируют исходя из их генеалогической заряженности, которая для корректного понимания требует своего прояснения. В нашей работе проведено подобное генеалогическое исследование ряда таких понятий, как «субъект права», «правоотношение», «юридическая ответственность», «правонарушение» и другие[2].

Схематично функционирование метода генеалогического исследования догматических понятий и конструкций общеправовой теории можно представить путем выделения следующих параметров познания того или иного понятия:

1) *хронологического (временно́го)* – характеризует исторический этап и этап развития юридической науки и традиции, в котором сформировано понятие; дает ответ на вопрос, каким образом это понятие эволюционировало и как «работает» в настоящий момент в юридическом дискурсе. Примером может служить понятие «догма права» или юридическая конструкция;

2) *топографического (регионального)* – характеризует юридическую традицию (школу), в рамках которой понятие было разработано, в географическом отношении; отвечает на вопрос об аутентичности либо реципированном характере понятия, в рамках какой правовой системы понятие сформировано (например, трансформация понятия «судебный прецедент» в рамках континентальной правовой системы);

3) *политико-программного* – характеризует влияние определенной политико-правовой доктрины на развитие понятия (например, юридические понятия свободы, прав человека, общественного договора были

---

[1] Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособ. / В. И. Павлов. – Минск : Академия МВД, 2017. – 262 с.

[2] Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособ. / В. И. Павлов. – Минск : Академия МВД, 2017. – 262 с.

разработаны в рамках новоевропейской правовой доктрины); это один из важнейших параметров генеалогического анализа, поскольку без него сложно понять функциональную направленность и эпистемологические границы понятия;

4) *философско-правового* – характеризует конкретную философскую систему, под влиянием которой произошло формирование юридического понятия (например, концепция общественного и правового отношения в советской юриспруденции была обусловлена марксизмом);

5) *общетеоретического* – характеризует конкретную теоретико-правовую концепцию, в рамках которой было разработано понятие (например, понятие «основная норма» в теории Г. Кельзена, или «нормативный факт» в теории права Л. И. Петражицкого);

6) *отраслевого* – характеризует разработку понятия в рамках конкретного отраслевого юридического дискурса либо возможность его влияния на этот дискурс (например, понятие «соглашение о признании вины» (англ. plea bargain) или медиация, импортированные в публичное право, имеют частноправовое происхождение).

Таким образом, под *методом генеалогического исследования догматических понятий и конструкций общеправовой теории* мы понимаем *способ познания правовой реальности в антропологическом контексте, который заключается в выявлении процесса формирования и становления традиционных теоретических понятий и юридических конструкций в рамках той или иной дискурсивной формации.*

Заключение. В завершении следует отметить, что приведенные нами методы антропологии права: юридико-антропологический анализ, деконструкция и генеалогическое исследование догматических понятий и конструкций общеправовой теории – не являются постмодернистскими приемами, они не направлены на бездумный и произвольный слом традиционных устоявшихся понятий и категорий. Эти методы являются инструментами антрополого-правовой перепроверки элементов правовой реальности с позиции реализации принципа человекомерности права. Они дают возможность выйти за рамки догматического мышления, осуществить проверку отражения правового явления в той или иной традиционной юридической конструкции, понятии, и вернуться на почву нового либо усовершенствованного прежнего понятия, которое становится антропологизированным.

А. Г. Пархоменко[1],
заместитель генерального директора по правовым вопросам
Национального Фонда защиты потребителей,
доктор юридических наук, профессор

ОКТЯБРЬСКИЕ ТЕЗИСЫ О НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКАХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА, И НЕ ТОЛЬКО

Столетие революций 1917 г. в России является весомым поводом обратиться к их причинам и природе, как правильно говорится в обращении Президента РФ к Федеральному Собранию этого года. Но надо признать и необходимость установления ответственности за отрицание исторических фактов и искажения характера событий, касающихся Октябрьской социалистической революции 1917 г., как предлагают «Коммунисты России».

В связи с этим автор сформулировал несколько тезисов, которые могут рассматриваться (прежде всего, фактический материал, взятый в открытых источниках) как уроки, ошибки, явившиеся причинами революций. Поэтому власть предержащим (так называемой элите) необходимо изучать и анализировать их, чтобы не повторять ошибок прошлого или, как модно сейчас говорить, не наступать на те же грабли. А выдержит ли это народ – вопрос серьезный, архиважный, учитывая современные реалии российской действительности (не по телевизору) внутри страны (бедность народа, демографическая яма, мигранты и т. п.) и на международной арене (участие в военных действиях в Сирии).

Революции 1917 г. были народными, их даже называли таковыми в зарубежной литературе, ибо народ был основной движущей силой[2].

Февральская революция была продолжением Первой русской революции 1905–1907 гг. и закончилась свержением ненавистного, чтобы там ни говорили сейчас разного рода псевдодеятели, кровавого (расстрел 9 января 1905 г. мирной демонстрации, столыпинская реакция с виселицами и т. д.), преданного тогдашней элитой императора. Однако власть оставалась в руках помещиков и буржуазии.

---

[1] © Пархоменко А. Г., 2018.

[2] Пархоменко А. Г. Конституционализм: становление и развитие в России : монография. – Воронеж, 2012.

Революция – это когда власть свергается снизу путем вооруженного восстания, революция сверху – это реформы. Об этом хорошо сказано в книге С. Рыбаса «Заговор верхов, или Тотальный переворот»». Так, Февральская революция – это реформы, точнее, как сказано выше, предательство (когда князья ходили по Невскому с красными бантами, при этом власть оставалась буржуазно-помещичьей)[1].

Революция, по современному энциклопедическому определению, – это радикальное, коренное, качественное изменение, скачок в развитии общества, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Октябрьская революция, исходя из этого определения, действительно была Великой, произошел качественный скачок в развитии России, ликвидирована частная собственность, безграмотность (82 % народа было безграмотно), провозглашена свобода, действительное равенство, в результате построен Великий Советский Союз.

В одной статье невозможно отразить тот огромный пласт материала по событиям столетней давности, нам представляется лишь определить те основные уроки, обозначить тезисы, которые надо выучить и не повторять их ни сейчас, ни в будущем[2].

Итак, урок первый – бедность народа. Об этом писали и дореволюционные, и советские ученые, писатели, общественные и даже государственные деятели. Нищета не дает возможности жить по-человечески. Это остается злободневным и по сей день. Первопричиной этого является варварская приватизация: общество резко разделилось на бедных и богатых (очень бедных и очень богатых). Лишь 7 % населения получило какую-то собственность, 1 % населения владеет 90 % всего национального продукта. Первоначально Б. Ельцин обещал «польский» вариант приватизации (ларьки, лавки, кафе, магазины и т. п.), а в результате были приватизированы (по «указивкам» Ельцина) фабрики, заводы, сырьевые и промышленные отрасли и т. д.[3]

Приватизация была тем способом, при помощи которого советская номенклатура смогла превратить свое «право де-факто» распоряжаться государственной социалистической собственностью в свое «де-

---

[1] Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940. – М. : Международные отношения, 1998.

[2] Институт парламентаризма и его роль в Российском государстве : монография / под ред. проф. А. Г. Пархоменко. – М., 2007.

[3] Рыбас С. Заговор верхов, или Тотальный переворот. – М. : Молодая гвардия, 2016.

юре»[1]. Именно партийно-государственная номенклатура, составившая основной костяк перестроечных сподвижников М. Горбачева, и верхушка интеллигенции и криминальных авторитетов составляют сегодняшнюю российскую элиту. Не случайно Г. Киссинджер, так называемый заокеанский партнер, констатирует: «Ваша элита – наша элита, деньги-то за кордоном (только в Лондоне проживает около трехсот тысяч «наших сограждан»)». Поэтому о какой-то «социальной революции» в России в 90-е и нулевые годы речи идти не могло. Общество попалось на наживку приватизации, она стала концом антикоммунистической (либеральной) революции. И сейчас главное для власть имущих – удержаться у власти, и ни о каком пересмотре итогов приватизации (а ее называли, по Чубайсу, исключительно экономической мерой развития экономики; а где это развитие?) и национализации, действительно экономической и социальной мерой, не может быть и речи[2].

Именно дикая приватизация, социально безнравственная и экономически бессмысленная, подорвала на многие годы веру народа в демократические ценности, прежде всего в Конституцию. И это – второй урок.

В решении Конституционного Суда РФ записано, Конституция РФ 1993 г., принятая в результате государственного переворота, осуществленного группой во главе с Б. Ельциным, предоставила широчайшие полномочия главе государства – Президенту РФ (переписанные из Основных Законов Российской империи 1906 г.), но не выполнила главные задачи переходного периода[3].

Надежды на «просвещенный» авторитарный режим, призванный быть этапом перехода к гражданскому обществу, в условиях которого должны быть решены задачи формирования института частной собственности (олигархи боятся, что ее могут отобрать, как незаконно полученную), среднего класса, социально ориентированного рынка (цены растут – народ нищает), не оправдались. Существующая ныне суперпрезидентская республика (полномочия Президента ничем, как сказано выше, от полномочий императора не отличаются) ничего общего с парламентаризмом не имеет: роль парламента незначительна, а

---

[1] Конституционализм и парламентаризм: становление и развитие в России : монография / под ред. А. Г. Пархоменко. – Владивосток, 2010.

[2] Кара-Мурза С. Советская цивилизация. – М. : Алгоритм, 2002. – С. 140.

[3] Клямкин И., Краснов М., Шевцова Л. В Конституции не должно быть места для вождя // Новая газета. – 2012. – № 1.

роспуск Государственной Думы вообще для Президента является заурядным делом.

Для управляемости государства важно не столько разделение властей и наличие сдержек и противовесов, сколько установление необходимых взаимосвязей, взаимосогласованности в работе высших органов государства. Все зависит от людей, находящихся в этих органах, и от уровня их правосознания. Конечно, формально пропагандировать ценности демократии и большую роль Конституции – дело не такое уж сложное.

Гораздо труднее сформировать конституционное правосознание, т. е. строить свои поступки и жить по Конституции (фракция «Единая Россия» установила порядок: без ее одобрения ни один из членов не может выдвигать предложение или поправку, т. е. выступать с законодательной инициативой, что нарушает их конституционные права). Прежде всего, это относится к чиновникам, будь то депутат Государственной Думы или глава какой-либо администрации. Поэтому, когда заходит речь о положениях Конституции РФ, в формально-правовом плане они существуют. Реализация же конституционно-правовых норм такова, что они просто обесценены. И это правосознание касается всех субъектов конституционно-правовых отношений, будь то бедный или богатый, служащий или чиновник и т. п. Здесь изъяны могут быть настолько серьезны, что ведут к деформации конституционного правосознания, причем в ситуации, когда оно еще не сложилось. Молодежь, вступая в самостоятельную жизнь, сталкивается с огрехами при действии конституционных норм (право на труд, образование, здравоохранение и т. д.), неверием граждан в Конституцию, с фарсом выборов в любые органы, не приемлет демократических ценностей, а порой воспринимает демократию как вседозволенность.

И еще один, третий урок – блат. Как гласила советская поговорка, «блат выше наркома». В дореволюционное время сословное происхождение определяло карьерный и иной рост человека. В советское время – рабоче-крестьянское происхождение, но блат все равно сохранился, причем везде. Особенно после смерти И. Сталина, когда из Устава КПСС, принятого XIX съездом в 1952 г. (лично вписанные вождем; он действительно был вождем без кавычек), были удалены принципы подбора и расстановки кадров[1].

Вот положения из Устава:

[1] Там же.

«1. В партии не должно быть двух дисциплин – одна для руководителей, другая – для рядовых.

2. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии является тягчайшим злом, несовместимым с пребыванием в рядах партии.

3. Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства – несовместимо с пребыванием в партии».

В связи с этим во времена Н. Хрущева (антисталиниста № 1) и возникла перефразированная поговорка: «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей». Аджубей был зятем Хрущева. То же самое можно сказать и о зяте Л. Брежнева, Ю. Чурбанове, карьерный взлет которого можно сравнить со сказочным «по щучьему велению».

Если спроецировать вышеупомянутое положение в кадровой политике на сегодняшний день, то получим результат с точностью наоборот: начиная с кооператива «Озеро» и Сердюкова с Васильевой, и далее множество примеров приводят разные авторы в разных изданиях. Опять невыученный урок, хотя устранение данного положения из Устава КПСС дало основание многим авторам утверждать о начале разложения партии и государства, ибо за каждым органом всей вертикали власти стоят конкретные люди.

Хотелось бы напомнить о выдающихся личностях и при императорах, и при вождях без всякого блата: Меньшиков при Петре 1; Потемкин, братья Орловы, Суворов, Дашкова при Екатерине 11; Молотов, Киров, Каганович, Маленков, Косыгин, Щербаков и многие другие при Ленине и Сталине.

Многие авторы называют эти положения Устава «политическим завещанием Сталина»; можно с этим согласиться, коль скоро есть другие пророческие слова: «кадры решают все», «блат погубит Россию».

И. Сталин руководил государством нового типа (социалистическим) многие годы и не только говорил, но и делал. Не вдаваясь в тему политических репрессий (это отдельная тема, к сожалению, заслонившая взгляд всем антикоммунистам для оправдания разворовывания народного богатства – социалистической собственности), весь период руководства И. Сталиным принес величайшие успехи нашей страны. Не случайно нынешний Президент России, выступая в Торгово-промышленной палате, будучи еще премьер-министром, признал, что модернизация в стране проводилась лишь в 30-е годы прошлого века.

Именно успехи советской страны, противостоявшей в одиночку мировой капиталистической системе (МКС), которая и по сей день не отказалась от идей уничтожения России (еще один важнейший урок – военно-стратегический: наши олигархи на «Западе» оказались не очень-то нужны). Об этом довольно подробно говорится в книге В. Кирпичева «Путин против либерального болота», в частности о теории капиталистического самоуничтожения России (ТКСР): «…любая буржуазная российская держава обречена на самоликвидацию через неизбежную буржуазную революцию. Механизм государственного суицида прост и очевиден: либерально-авторитарная власть развивает капиталистическую формацию, базис, а в итоге набравшие силу собственники сносят власть вместе со страной». О количестве собственников (так называемой элите) в стране говорилось выше. «Точка невозврата для Российской Федерации – это 1991 г. Сам выбор буржуазного пути программирует неизбежное самоуничтожение РФ. Точно так же стартовый буржуазный февраль 1861 г. определил для царизма финальный Февраль 1917-го. Ныне мы наблюдаем либеральное, национал-демократическое «гниение» авторитарной полиэтнической державы, очередной период полураспада». Далее автор отмечает, как Запад опробует «теорию капиталистического самоуничтожения» на Украине, тоже полиэтническую, буржуазную авторитарную страну, которая, видимо, будет расколота совместными усилиями МКС извне и национал-демократическими силами изнутри. Мы наблюдаем в этом определенные успехи.

Будущее России, как и всей человеческой цивилизации, – за социализмом. Только социализм способен защитить русскую цивилизацию (главное – коллективное, а не индивидуальное) от идеологии МКС – Запада.

Причины наших революций, прежде всего, идеологические, революции в головах (это еще один урок – идеологический).

Работа в архивах, спецхранах библиотек с документами и литературой разных лет сформировала у меня несколько иной взгляд на революции, контрреволюции, государственные перевороты и т. п. Многие авторы рассматривают различные причины того или иного события, как правило экономические, политические, социальные и другие, но меньше всего идеологические, а они являются первостепенными. В царский период основной идеологией была религия. В Основных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г. было записано, что гос-

ударь император является главой государства, Верховным главнокомандующим и т. д. (то, что было взято авторами в действующую Конституцию РФ 1993 г.), повиноваться которому не за страх, а за совесть сам Бог повелевает. Так вот, у нас в России в начале XX в. произошла революция сначала в головах у людей (поэтому она и была Великая народная революция), а затем уже все остальное, что мы знаем о Февральской и Октябрьской революциях. После октябрьского переворота (так сами большевики изначально именовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию) в одночасье стали атеистами. Как и сейчас, после государственного переворота 1993 г. (я его называю «контрреволюция»), совершенного группой во главе с Б. Ельциным, все, и прежде всего чиновники, стали верующими, ходить в храмы, купаться в купелях и т. д.

Безусловно, без веры жить нельзя. Но надо верить в идеалы добра и справедливости, чего нам так не хватает сегодня. Я советский человек, ученый, даю объективную оценку явлениям, событиям, считаю, что не Бог создал Человека, а Человек Бога. Известная, писаная история говорит о русском народе как добром и справедливом. Сейчас много говорят и пишут о русской цивилизации, но при этом не понимают, что русская деревня жила общиной (даже феодальные налоги и повинности платили общиной), и во главе угла было коллективное, а не индивидуальное, не какие-то мифические права и свободы, а реальная справедливость – «все по-честному». Поэтому и колхозы в советское время прижились в России, а в Прибалтике нет – там индивидуальное. Так, благодаря коллективистским началам (как поется в советской комсомольской песне, «раньше думай о Родине, а потом о себе») русского народа (мы все, народы России, – русские), выжила страна и ее народ. Об этом надо помнить и выучить всем наизусть обозначенные тезисы-уроки.

Мы согласны с мнением В. Кирпичева: «Сейчас России требуется чудо. Необходимо, чтобы у Путина был потенциал настоящего государственного деятеля, служащего цивилизации. В данную минуту он всего лишь политик, спасающий строй чиновничье-олигархического капитализма. Если Путин для себя все решил, и он определил, что намертво связан с нынешним криминальным капитализмом, то судьба его линейна и понятна. Отбивайся от либерализма что есть силы, пока же свои дружки-олигархи не стащат с белого коня. Если же Путин – гений, способный на левый, единственно спасительный для русского «Титаника» поворот, тут и случится чудо. А чудеса в России бывают».

Да, действительно, чудеса бывают. Ведь был введен Лениным НЭП, а Сталиным проведена индустриализация (модернизация) – в этом и заключалась их гениальность как государственных деятелей[1].

Россия – державная страна, и ее жизненно необходимо сохранить, русскую цивилизацию, добрый, отзывчивый, трудолюбивый народ. Для этого надо всем сплотиться вокруг и системной, и несистемной оппозиции ныне действующего Президента В. Путина: он достойно справляется со своими обязанностями, хотя вертикаль власти во многом не работает. Однако необходимо помнить, что, согласно Конституции, Президент определяет внутреннюю и внешнюю политику. На первом месте стоит внутренняя. В связи с этим у Президента не будет никаких проблем с проведением политики во благо народа (референдумы о национализации и т. п.), борясь с негативом, обозначенным в наших тезисах-уроках, как и не будет причин, порождающих таких противоестественных явлений человеческой цивилизации, как война[2]. Мир и радость должны присутствовать в нашей жизни, пока это только надежды.

Е. В. Попова[3],
старший преподаватель кафедры гражданского общества
Университета МГИМО МИД РФ,
кандидат юридических наук, адвокат

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ НАД УЧЕБНИКОМ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Формирование гражданского общества невозможно без сотрудничества представителей разных научных школ. Излишняя сосредоточенность на соблюдении авторских прав иногда затрудняет свободный обмен идеями и формирование общего учебного плана работы. Передача знаний от поколения к поколению невозможна без определенного

---

[1] Бочаров М. Нас стало меньше на 13 миллионов // Аргументы и факты. 2017. № 36.

[2] Делягин М. Станет ли Кудрин новым Керенским, а Навальный новым Гонгадзе? // Аргументы и факты. 2017. № 16.

[3] © Попова Е. В., 2018.

рода жертвенности учителей по отношению к ученикам. Любая совместная научная работа предполагает консультирование друг друга по широкому кругу вопросов, в результате которого идеи, устно высказанные одним ученым, развиваются и воплощаются в работах его коллег.

Учебник «Гражданское общество» интересен, прежде всего, сотрудничеством представителей разных научных школ, достижением совместных договоренностей по самым спорным вопросам, взаимной готовностью идти на уступки и широким кругом исследованных тем.

В 2013 году было принято решение подготовить второе издание учебника «Гражданское общество». Кафедра гражданского общества МГИМО МИД РФ направила обращение к авторам, чьи статьи были опубликованы в журнале «Гражданское общество» за 2013 год с вопросами: 1) какое содержание они вкладывают в понятие «гражданское общество»; 2) что именно необходимо сделать для того, чтобы российское общество соответствовало их представлениям о гражданском обществе? В ответ на это обращение была прислана 21 работа. Все работы были проанализированы, обобщены, и был разработан «рабочий вариант» определения гражданского общества.

Свои взгляды на проблему гражданского общества для учебника подготовили:

• Я. В. Антонов, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

• Д. В. Аронов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», доктор исторических наук, профессор;

• З. К. Аюпова, профессор кафедры международного права факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби, доктор юридических наук;

• О. М. Болдырева, заведующая кафедрой международного права Елецкого филиала Российского Нового Университета, кандидат исторических наук;

• В. В. Вышкварцев, эксперт, аккредитованный Министерством юстиции РФ на проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, кандидат юридических наук;

• В. Г. Графский, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор;

• А. Б. Дидикин, заместитель заведующего кафедрой правового обеспечения рыночной экономики Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат юридических наук;

• А. М. Ибрагимов, доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета, заслуженный юрист Республики Дагестан, кандидат юридических наук;

• И. В. Ирхин, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», кандидат юридических наук;

• А. Ю. Кирьянов, председатель Исполнительного комитета Общероссийской общественной организации «Российский союз налогоплательщиков», кандидат юридических наук;

• В. В. Конин, адвокат Адвокатской палаты Калининградской области, заведующий кафедрой международного права Калининградского филиала «Международный университет в Москве», кандидат юридических наук;

• М. Ю. Осипов, старший научный сотрудник НОУ ВПО «Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации», кандидат юридических наук;

• Е. С. Попов, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», доктор философских наук, профессор;

• И. А. Стародубцева, доцент кафедры конституционного права России и зарубежных стран юридического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», кандидат юридических наук;

• А. А. Тимофеева, профессор Института права и управления, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, кандидат исторических наук;

• Л. Р. Хайрутдинова, корпоративный юрист, младший научный сотрудник НИИ противодействия коррупции Института экономики управления и права (г. Казань);

• И. И. Эсмантович, декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат исторических наук, доцент права.

В учебник вошло также мнение известного американского ученого М. Эдвардса (исследователь группы Демос, приглашенный профессор Вагнеровской Школы публичного управления Университета Нью-Йорка), присланное для первого издания.

Неоценимую помощь в подготовке второго издания оказали сотрудники кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. Благодаря усилиям д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ В. П. Малахова, методологическая база учебника значительно усилена и расширена, а редакция – усовершенствована. Д-р юрид. наук, заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, профессор кафедры истории права и государства РУДН К. Е. Сигалов оказал значительную поддержку в налаживании рабочего процесса между нашими университетами.

Сотрудничество ответственных редакторов В. П. Малахова и д-ра юрид. наук, профессора, председателя Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, главного научного сотрудника сектора международно-правовых исследований ИГП РАН, А. С. Автономова обеспечило целостность редакционного процесса и преемственность первого и второго изданий учебника.

Профессора кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя А. И. Клименко и Г. М. Лановая подготовили интересные разделы и оказывали всяческую помощь и содействие в подготовке учебника.

Коллектив авторов:

• А. С. Автономов, доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, главный научный сотрудник сектора международно-правовых исследований ИГП РАН, ответственный редактор;

• В. В. Гриб, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО МИД России, главный редактор Издательской группы «Юрист», руководитель авторского коллектива;

• А. И. Клименко, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;

• Г. М. Лановая, доктор юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;

• В. П. Малахов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ответственный редактор;

• Е. В. Попов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского общества МГИМО МИД России;

• Е. В. Попова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского общества МГИМО МИД России;

• К. Е. Сигалов, доктор юридических наук, заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, профессор кафедры истории права и государства РУДН.

В 2017 году кафедрой гражданского общества МГИМО МИД РФ был подготовлен перевод учебника на английский язык, и в ближайшее время английский текст выйдет из типографии МГИМО.

В 2018 году планируется разместить оба текста учебника (русский и английский) на сайте университета.

В учебном плане МГИМО РФ на 2020 год запланирован курс «Теория гражданского общества». Предварительно программа курса включает в себя следующие темы:

– Тема 1. Предмет теории гражданского общества и ее связь с общественными науками.

Связь гражданского общества с политологией, экономической теорией, юридической теорией, социологией, историей, культурологией, аксиологией.

– Тема 2. Методология теории гражданского общества.

Элементы диалектической (философской) методологии, социологической методологии, системной методологии, исторической методологии, культурологической методологии.

– Тема 3. Генезис понятия «гражданское общество».

Античность. Древний Рим. Средневековье. Эпоха Просвещения. Западно-европейская философия XVIII–XIX вв.

– Тема 4. Идеология гражданского общества.

Понятие идеологии. Государственная, политическая, правовая идеология.

– Тема 5. Политические условия формирования гражданского общества.

Типы монархической государственной власти (деспотический, семитический, античный). Механизмы ограничения власти монархов в Западной Европе. Городское самоуправление. Понимание свободы в разных культурах.

– Тема 6. Экономические условия формирования гражданского общества.

Понятие собственности. Влияние права Моисея, регулирующего торгово-экономические отношения, на западное право.

– Тема 7. Историко-культурные условия становления гражданского общества.

– Тема 8. Современное понимание гражданского общества.

Теоретические модели гражданского общества. Теоретические модели связи государства и гражданского общества. Гражданское общество как феномен западной цивилизации.

– Тема 9. Гражданское общество и политический режим.

Признаки демократического, авторитарного, военно-диктаторского, тоталитарного политических режимов.

– Тема 10. Правовое и социальное государство в его взаимодействии с гражданским обществом.

Суть идеи правового государства. Понятие социального государства. Предпосылки перехода к социальному государству. Идеология социального государства.

– Тема 11. Правовые свойства гражданского общества.

Условия, которые делают гражданское общество правовым. Связь гражданского общества и государства, социума, оппозиционными силами, субъективными правами, правоотношениями, отраслями права, гражданским правопорядком.

– Тема 12. Право и человек.

Логический, философский и историко-культурный аспекты проблемы.

Понятие «правовой свободы»: «свобода для», «свобода ради», «свобода вопреки», «свобода от».

– Тема 13. Юридические условия существования гражданского общества.

Гражданско-правовые условия, административно-правовые условия, уголовно-правовые условия.

– Тема 14. Институты гражданского общества: сущность, правовые основы, содержание.

Неправительственные организации, семья, религиозные конфессии, национальные диаспоры.

– Тема 15. Институты гражданского общества: социальные сети, средства массовой информации, университеты, профессиональные сообщества, профсоюзы, местное самоуправление, политические партии, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов.

– Тема 16. Институты гражданского общества: обращения граждан в органы законодательной власти, обращения граждан в органы государственной и местной власти, общественный контроль, общественные палаты, взаимодействие граждан с правоохранительными органами, институт уполномоченных по правам.

– Тема 17. Взаимодействие институтов гражданского общества с иными социальными институтами.

Механизмы выборов. Связи с общественностью и консультативные формирования. Предоставление информационных услуг населению. Институт лоббирования. Взаимодействие неправительственных правозащитных организаций с властными органами. Институт выражение общественного мнения.

К 2020 году планируется подготовить третье издание учебника «Гражданское общество».

Совместная работа над программой курса, планом учебника и его текстом позволит сделать эту дисциплину интересной, информативной и легкой для усвоения. В учебнике будут указаны имена всех ученых, принявших участие в совместной работе, результаты которой будут не только приведены в учебнике, но и размещены на сайте университета в открытом доступе[1].

Формирование гражданского общества часто связывают с глобальным противостоянием и резкой формой выражения мнений. Мы считаем, что, прежде всего, должна вестись совместная работа над конкретными проектами.

---

[1] Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. Лекция. – М., 2000.

И. В. Правкин[1],
доцент кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

На сегодняшний день Российская Федерация существует в условиях постоянных социальных, экономических и политических преобразований, которые являются закономерными предпосылками изменения всей правовой системы в целом. Наряду с проблемами, которые возникают в различных сферах общественной жизни в результате таких преобразований, в последнее время в условиях построения правовой государственности обозначился круг важных вопросов, связанных с реформированием правоохранительной системы.

Являясь отдельным компонентом, входящим в механизм государства, правоохранительная система представляет собой стратегический объект реформирования, значимость которой обусловлена особой актуальностью ее совершенствования для современного российского общества.

В последние годы проблема функциональной характеристики правоохранительной системы в механизме государства вызывает повышенный интерес не только среди ученых-правоведов, но и среди средств массовой информации, негосударственных правозащитных организаций. Это подчеркивает, что правоохранительная система является одной из самых важных составляющих механизма государства, целью которой выступает защита прав и законных интересов людей, обеспечение безопасности, правопорядка и сложившейся системы общественных отношений.

В юридической литературе под правоохранительной системой традиционно понимают совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защищенность человека от про-

[1] © Правкин И. В., 2018.

тивоправных нарушений, которая включает следующие составляющие: цели и объекты правоохраны, субъекты правоохраны, правоохранительная деятельность[1].

По нашему мнению, современная правоохранительная система представляет собой более сложное системное образование, которое включает в себя институциональную, правовую, идеологическую, кадровую и материально-техническую подсистемы. Несмотря на то, что каждая из них является обособленной, только взаимодействуя вместе, они образуют единую систему. Эффективное решение задач, стоящих перед правоохранительной системой может быть обеспечено только тогда, когда она представляет собой единый «здоровый организм». Формирование такого «здорового организма» возможно только в условиях обеспечения необходимых комплексных изменений тех компонентов правоохранительной системы, которые нуждаются в совершенствовании.

Правоохранительная система российского государства сложилась достаточно давно, и все время своего существования она совершенствовалась, видоизменялась и приобретала новые черты. Тот вид, который она имеет сейчас, является результатом преобразований, которым она подвергалась.

На сегодняшний день в России полным ходом идет реформирование всей государственной системы в целом. Так как правоохранительная система представляет собой функционально обособленную подсистему механизма современного государства, то ее выбор в качестве объекта реформирования обусловлен своей особой актуальностью как для современного российского общества, так и для государства в целом.

При осуществлении деятельности, направленной на переустройство и дальнейшее совершенствование правоохранительной системы важно учитывать тот исторический опыт реформирования, который сложился за время ее существования.

---

[1] См.: Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – М., 1992. С. 192–193; Правкина И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016; Филина Н. А. Модернизация российской правоохранительной системы (на примере реформирования судебных органов) // Вестник Академии права и управления. – 2010. – № 21. – С. 72; Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И. и др. История и методология юридической науки. М., 2013.

В истории России в различные периоды времени проводились реформы правоохранительной системы. Какие-то из них были более успешны, какие-то менее, но их итоги позволяют нам заимствовать все положительное, для того чтобы в дальнейшем использовать их в рамках проводимых преобразований правоохранительной системы современной России.

Так, каждая из перечисленных подсистем правоохранительной системы подвергалась коренному качественному изменению, целью которого было существенное повышение эффективности функционирования правоохранительной системы. Обозначим существенные преобразования названных подсистем, которые повлияли на функционирование правоохранительной системы в целом.

Изменение правовой составляющей проявилось в принятии в различные периоды времени нормативных актов, которые в той или иной степени затрагивали деятельность правоохранительных органов. Принятие нового нормативного акта приводило, как правило, к тому, что система государственных органов изменялась, усложнялась и становилась более совершенной.

Примером подобной ситуации может служить принятие 7 февраля 2011 года Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», который определил базовые начала регулирования деятельности полиции и особенности ее реформирования.

Вновь принятый федеральный закон в качестве основных концептуальных идей обозначил закрепление новой модели системы взаимоотношения «сотрудник полиции – гражданин», гуманизацию форм и методов работы полиции и т. д. Изменение правовой основы, регулирующей деятельность российской полиции, в полной мере стало соответствовать постулату действующей Конституции Российской Федерации о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

При этом необходимо понимать, что приведение правовой основы деятельности правоохранительных органов в соответствие с духом и буквой Конституции РФ, которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, не является гарантией конструктивного решения субъектами правоохранительной деятельности возложенных на них задач. Для того чтобы система функционировала эффективно, должны быть реформированы все ее составляющие.

Идеологический компонент правоохранительной системы является компонентом, состоящим из множества ценностных элементов, отражающим и формирующимся на основе государственной идеологии[1]. Изучение становления и развития правоохранительной системы советского государства демонстрируют существенные содержательные изменения идеологической подсистемы. Так, идеологический компонент правоохранительной системы формировался в условиях сложившейся однопартийной системы в Советском государстве. В любом демократическом, правовом, социальном государстве основной стратегической задачей правоохранительных органов является обеспечение правовой защищенности граждан. В Советском государстве приоритетной задачей для правоохранительных органов долгое время считалась борьба по насаждению диктатуры пролетариата всеми способами. Система функционировала как антидемократическая, ущемлявшая права граждан, а органы, призванные защищать интересы личности, превратились в проводников террора и репрессий[2]. Качественная перестройка отечественной государственно-правовой системы, сопровождающаяся сменой официальной идеологии обусловила наиболее ощутимые изменения в идеологической составляющей правоохранительной системы и коренным образом повлияла на ее функционирование.

В большей степени в рамках реформирования правоохранительной системы изменениям всегда подвергалась институциональная подсистема. Если даже оценить опыт конца XX – начала XXI вв., можно найти большое количество примеров создания новых и упразднения старых государственных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность. В этот период были образованы такие структуры, как: Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная миграционная служба, Следственный комитет и т. д. В целом вновь сформированные органы, дополнили институциональный элемент правоохранительной системы, органично вписавшись в него. Однако некоторые из них, в силу объективных причин, были упразднены и прекратили свое существование.

---

[1] Правкина И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 18.

[2] Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы Советского государства 1917–1936 гг. : дис. … д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 8–9.

Кадровое обеспечение правоохранительных органов также подвергалось существенным трансформациям. В учреждениях всегда отмечалось недостаточное количество квалифицированных сотрудников. Эта проблема обусловила направление кадровой политики 90-х годов. Правовым документом, определившим задачи в области реформирования кадрового обеспечения, стало Постановление Правительства Российской Федерации от 4 ноября 1993 года № 1137 «Об организации работы в области подготовки кадров для рыночной экономики». Позднее на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации был принят целый ряд нормативно-правовых актов, в том числе в июне 1995 года был принят Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации», который стал основой правового положения статуса государственного служащего, утвердил порядок отбора кандидатов для назначения на должность, прохождение государственной службы и т. д. Проводимые мероприятия в области кадрового обеспечения, на наш взгляд, привели к тому, что постепенно уровень профессионализма служащих повышается, а текучесть кадров останавливается.

Что касается материально-технической части, то здесь говорить о положительном или отрицательном историческом опыте не представляется целесообразным. Как показывает нам наше прошлое, достаточное техническое обеспечение, стабильное и постоянное финансирование, достойная заработная плата, наличие специальных служебных помещений, повышение уровня правовой культуры сотрудников правоохранительных органов непосредственно влияют на повышение эффективности функционирования правоохранительной системы. В связи с тем, что этому элементу уделялось чаще всего небольшое внимание, реформаторские идеи не всегда реализовывались должным образом.

Таким образом, следует отметить следующее. За время существования российского государства сформировался достаточно большой исторический опыт реформирования правоохранительной системы. Он свидетельствует о том, что все преобразования в этой области были, как правило, связаны, прежде всего, с воздействием на институциональную либо на правовую и институциональную подсистемы. Это обстоятельство мешало реализовывать в ходе проводимых реформ поставленные задачи и достигать определенные цели. Принятие во внимание этих обстоятельств в будущем, позволит не допускать ошибок при совершенствовании правоохранительной системы России.

Кроме этого, важно понять, что всестороннее изучение исторического опыта позволяет определить причины и условия, способствующие существенному повышению эффективности функционирования правоохранительной системы, которое в свою очередь возможно лишь в контексте качественной перестройки отечественной государственно-правовой системы в целом.

И. Н. Правкина[1],
преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ СТРАТЕГИЙ

Традиционно исследование любого теоретико-правового явления начинается с выбора методологии, позволяющей наиболее адекватным образом отразить природу и сущность такого явления. Правильный выбор методологии важен с позиции продуцирования новых теоретических знаний, идей о праве и правовых явлениях, которые могли бы отвечать современным реалиям правового развития.

Рассматривая вопрос о применении той или иной методологии в исследовании правовых стратегий, необходимо обратить внимание на доктрину методологического плюрализма, позволяющую построить наиболее полную картину исследуемого явления. Наиболее полное представление о природе и сущности правовых стратегий достигается при применении в качестве базовой социологической методологии при условии, что ее элементы дополняются элементами других методологий.

Следует признать, что в силу своей ограниченности и недостаточности не все современные научные подходы к познанию права, применяемые в исследованиях, имеют одинаковую значимость для изучения правовых стратегий. Необходимо обратить внимание на то, что многие основополагающие направления юриспруденции утрачивают свое ме-

[1] © Правкина И. Н., 2018.

тодологическое господство в современных исследованиях, что обусловлено, например, развитием постнеклассической науки или стремлением обосновать и реализовать интегративный подход к праву. Однако, по мнению В. Н. Синюкова и Т. В. Синюковой, естественно-правовая доктрина, юридический позитивизм, историческая школа, марксистский взгляд на государство и право, другие концепции права XIX–XXI вв., будучи фундаментальными направлениями правопознания, сохранят в будущем свой методологический статус в науке[1]. Сказанное в полной мере можно отнести к исследованию правовых стратегий, а именно к проблеме выбора методологии их изучения.

Проблема выбора методологии исследования правовых стратегий усложняется в силу малоизученности названного феномена. В конечном итоге, оказывается, что обнаружить эффективность той или иной методологии можно, только исходя из тех возможностей, которые она предположительно перед нами открывает.

Анализ ряда современных диссертационных исследований, которые посвящены изучению отдельных правовых стратегий[2], свидетельствуют о том, что в основном концептуальной основой исследования становится либо формально-юридическая методология, либо управленческий подход. Применение названных подходов в качестве базовых в рамках исследования правовых стратегий становится оправданным и целесообразным в первую очередь при решении задач, которые решаются отраслевыми юридическими науками. Если речь идет об общетеоретическом исследовании, то проблему правовых стратегий сле-

---

[1] Теория государства и права в науке, образовании и практике : монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. – М. : ИД Юриспруденция, 2016. – С. 92.

[2] См., например: Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004; Минасов С. Г. Формирование стратегий органов внутренних дел: теоретический и организационный аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001; Остапенко А. С. Политико-правовые стратегии развития общественных объединений в институциональном пространстве современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – М., 2006. – С. 197–201; Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И. и др. История и методология юридической науки. – М., 2013.

дует изучать с позиции комплексной методологии. Так, например, выделение социологической методологии в качестве базовой обуславливает возможность анализа проблем формирования и реализации правовых стратегий в различных формах современного права, а не только как исключительно продукта государственной власти. Соответственно, появляется возможность лучше изучить правовые стратегии, которые формируются непосредственно на практике, т. е. в их динамике и всем многообразии.

Применение исторической методологии в исследовании правовых стратегий позволяет решить задачи, принципиальном образом отличные от тех, для решения которых используются возможности других научных подходов (например, формально-юридического и управленческого).

Возможности исторической методологии в исследовании правовых стратегий состоят в следующем:

1. С ее помощью появляется возможность выяснить, какова степень обусловленности современных правовых стратегий историческими условиями общественной жизни, и обозначить векторы их качественного преобразования в будущем. Так, например, исторически стратегия реформирования правоохранительной системы – это стратегия, эффективность которой определяется ее нацеленностью на изменение, прежде всего, тех составляющих правоохранительной системы, которые выступают системами механического типа[1]. Значит, стратегически реформирование правоохранительной системы должно быть нацелено на непосредственное изменение организационного, кадрового и материально-технического, институционального компонентов.

Идеологический компонент правоохранительной системы не может быть подвернут качественному изменению в силу того, что воздействовать на данную составляющую правоохранительной системы невозможно. В силу того, что идеологическая подсистема правоохранительной системы формируется под воздействием государственной идеологии. Все качественные изменения данного компонента будут

---

[1] См.: Правкин И. В. Правоохранительная система в комплексе факторов, определяющих формирование правового государства в России // В сборнике : Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания. – М., 2013. – С. 230–243; Правкин И. В. Особенности взаимодействия правоохранительной системы и институтов гражданского общества в Российской Федерации // В сборнике : Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. – М., 2016. – С. 107–116 и др.

являться результатом изменений и качественной перестройки государственной системы в целом и государственной идеологии в частности. Все существенные реорганизационные процессы, затрагивающие данную подсистему, на всем протяжении существования правоохранительной системы обусловлены данной перестройкой;

2. Она позволяет познать сущность современных правовых стратегий на основе познания их прошлых состояний. Приведем пример, рассмотрев стратегию гуманизации правосудия. Все современные государства стремятся к тому, чтобы весь процесс судопроизводства был пронизан гуманистическими началами. Если речь идет о российском праве, то названная стратегия берет свое начало с момента появления Концепции судебной реформы, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Однако дальнейшее свое развитие и реализацию данная стратегия получает с момента декларирования в Конституции РФ высшей ценности человека, его прав и свобод, чем предопределено сохранение стратегией гуманизации правосудия актуальности до настоящего времени;

3. Применяя историческую методологию, можно дифференцировать правовые стратегии, исходя из многообразия историко-временных характеристик государства и права. Так, например, конструирование и реализация мобилизационных правовых стратегий были характерны для экстраординарных условий, условий военного времени. Так, в условиях Гражданской войны в России в 1918–1920 гг. не просто появляется целый ряд нормативно-правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность и наказание для участников контрреволюционных выступлений, дезертиров и спекулянтов, формируется сложная система чрезвычайного законодательства, нацеленная на повышение эффективности борьбы с опаснейшими в условиях Гражданской войны преступлениями[1];

---

[1] См.: Никулин В. В. Дезертирство в период Гражданской войны в России. Общая характеристика, чрезвычайное законодательство и уголовное наказание (1918–1920 годы) // Юридические исследования. – 2013. – № 9. – С. 23–50; Он же. Понятие спекуляции в советском уголовном законодательстве периода Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Наука и современность. – 2010. – № 2–3. – С. 348–352; Он же. Революционные трибуналы как специфический государственный институт борьбы с контрреволюцией в советской судебной системе // Вопросы современной науки и практики. – 2013. – № 4. – С. 94–99.

4. Применение названной методологии позволяет представить право как исторически изменчивое явление, а правовую стратегию – как источник изменения права. Например, рассмотрим стратегии защитного и интеграционного типа, конструируемые и реализуемые в корпоративном праве как особом виде группового права. Существование названных стратегий становится возможным с момента возрастания роли локализованных форм жизни общества, в условиях изменения роли государства в правовой жизни общества, возникновения гражданского общества как конструктивной оппозиции государственной власти и т. д. В социалистическом обществе, когда государство обладало монополией на вмешательство во все сферы жизни и отсутствовала возможность защитить от его влияния какую-либо сферу, официально существующих корпораций (в экономическом смысле) не возникало, соответственно, и о названных правовых стратегиях речь вести было нецелесообразно.

Итак, в силу того, что существует возможность органично встраивать компоненты исторической методологии в научное исследование, сочетая их с компонентами социологической методологии, применение исторической методологии повышает конкретность и содержательность получаемых знаний о правовой стратегии в рамках исследований, проводимых на основе социологического подхода к пониманию права.

А. А. Рыжов[1],
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА

Политический интерес представляет собой выраженное и носимое государством то общее, что связывает членов общества и объединяет их в единую целостность. При этом существование такой общности не

[1] © Рыжов А. А., 2018.

означает отрицание специфичности входящих в нее субъектов, а предполагает ее. Отсутствие специфичности политических интересов отрицает необходимость государства, а отрицание в идеологии государства этой специфичности принципиально меняет сущность государства, превращая его в орган господства и контроля над всеми проявлениями жизнедеятельности человека, который и может себя реализовать лишь в специфических формах. В условиях отсутствия политического плюрализма преследуются и притесняются всякое инакомыслие и все, кто в той или иной форме демонстрирует недовольство существующим политическим режимом, а уж тем более выступает против него, рассматриваются в качестве преступников. В период рабовладения и феодализма подобная ситуация существовала практически во всех государствах, поэтому попытки укрыться от политического преследования не имели перспективы.

Об этом свидетельствуют, в частности, зарождавшиеся международные отношения между рабовладельческими государствами по поводу выдачи преступников. Так, в договоре, заключенным царем хеттов Хаттушилем III и египетским фараоном Рамзесом II в 1296 году до новой эры предусматривалось что если кто убежит из Египта и уйдет в страну Хеттов, то царь Хеттов не будет его задерживать, но вернет в страну Рамзеса. Подобные отношения складывались и между греческими городами-государствами, Римской империей и Византией, Англией и Францией. Из содержания договоров об экстрадиции преступников видно, что все они носили ярко выраженный классовый характер, предусматривали выдачу любого человека, в том числе фактически преследуемого по политическим мотивам.

Однако уже в период рабовладения и феодализма на основе обычных норм гостеприимства применение института экстрадиции получило известное ограничение, ставшее первоосновой формирования права политического убежища. Рабовладельческие и феодальные государства предоставляли убежище в основном представителям господствующих классов. Многочисленные памятники свидетельствуют о том, что, например, в древних Греции и Риме право убежища получило довольно широкое распространение и зачастую представлялось языческими храмами[1]. С появлением христианства церковь начала предо-

[1] См.: Гарашко А. Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права. В сборнике : Юридическая теория и практика в истории и современной России / под ред. К. Е. Сигалова. – М., 2010. – С. 15–28.

ставлять убежище, сохранившееся в ряде случаев до XVIII века. В период феодализма получает развитие церковно-светское и светское право убежища. В рабовладельческий и феодальный период право убежища, будучи в основном внутригосударственным институтом, сыграло свою прогрессивную роль в ограничении кровной мести, преследования по политическим мотивам. В этом качестве право убежища в данный исторический период способствовало формированию и развитию права политического убежища.

Совершенно очевидно, что необходимость политического преследования возникает тогда, когда появляются проявления несогласия с существующим режимом. В этом плане в рамках социальных процессов, обуславливающих формирование права политического убежища, заметная роль принадлежит такому явлению, как диссидентство.

Диссидент в политике (от лат. dissident – несогласный, противоречащий) – человек, выступающий против политической организации из-за несогласия с ее идеологией, отрицательно относящийся к господствующим социально-политическим институтам по идеологическим мотивам[1]. Впервые диссиденты появились в системе религии и церкви. Верующие, являющиеся противниками господствующего направления или институтов церкви получили название диссидентов. Их вероучения называли ересью (от греч hairesis – особое вероучение), то есть религиозные идеи, отклоняющиеся от официального вероучения какой-либо религии, оппозиционные или враждебные ему. Ереси были формой социального протеста против феодализма, поддерживаемого церковью. Первые христианские ереси (пантанизм) возникли во II–III вв. и были направлены против христианских догматов. Арианство, несторианство, понофизитство возникло в IV–V вв., когда христианство стало государственной религией Римской империи. Расцвет ереси приходится на Средние века, то есть период наибольшего слияния католической церкви с политической системой феодального государства[2]. В

[1] См., например: Давидов Д. С. Роль религии в формировании политико-правовой мысли Израиля. Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 340–344; Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И. и др. История и методология юридической науки. М., 2013.

[2] См.: Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36.

условиях преследований, опасности быть репрессированным у диссидентов формируется естественная потребность обезопасить свое собственное существование, стремление укрыться от преследования, спасти себя и своих близких, свое имущество, прежде всего, от физического уничтожения.

Таким образом, диссидентство, возникшее первоначально как религиозные ереси, стало одним из социальных факторов, обусловивших формирование права политического убежища. Это движение является политическим атрибутом тоталитарных государств, где отсутствует идеологический плюрализм, и оно теряет социальные корни в условиях политического плюрализма, по определению предполагающего инакомыслие[1].

Также существенным социальным фактором, влияющим на процесс формирования и совершенствования права политического убежища представляется проводимая государством иммиграционная политика, которая может носить как позитивный, так и негативный характер[2]. В ранний период существования государств она в значительной степени носила субъективный характер, то есть в каждом конкретном случае определялась лишь личным отношением того или иного монарха к политическому иммигранту, соображениями престижа и т. д. В демократических государствах иммиграционная политика зачастую определяется социально-экономическими возможностями страны, национальными, культурными, религиозными особенностями, что принципиально не снижает роли иммиграционной политики этих государств в формировании и реализации права политического убежища. При этом и в демократических странах приоритетными иногда становятся политические, межгосударственные факторы. С точки зрения роли социальных систем тоталитарных и демократических государств в формировании и развитии права политического убежища парадоксальная и трудно объяснимая, на первый взгляд, ситуация сложилась в России после 1917 года. Известно, что после установления советской власти по политическим мотивам из страны эмигрировала значительная часть представителей русской интеллигенции. Вместе с

---

[1] См.: Короткова М. В., Мамонтов А. Г. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. М., 2002.

[2] См.: Правкина И. Н. Гражданское общество и политико-правовые стратегии государства. // В сборнике : Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. – М., 2016. – С. 190–199.

тем, как отмечается в литературе, эти же годы советское государство стало международно-признанным убежищем иммигрантов – людей, подвергавшихся в своих странах политическим преследованиям.

В действительности кажущаяся парадоксальность данной ситуации объяснима и отнюдь не опровергает принципиальный вывод об обусловленности формирования права политического убежища существованием различных по уровню развития демократии и политического плюрализма общественных систем. В тот период в России фактически сложилась политическая система, основанная на монополии одной коммунистической идеологии, отрицавшей плюрализм во всех сферах общественных отношений[1]. В этих условиях начался естественный процесс не только добровольной политической эмиграции инакомыслящих российских граждан, почувствовавших реальную для себя опасность дальнейшего проживания в этой стране, но и их принудительной высылки. В то же время в официальных документах советского государства, публичных выступлениях руководителей партии и правительства провозглашались народовластие, освобожденный труд, передача средств производства в руки трудящихся и другие долгожданные для данного периода развития общества социальные ценности[2]. Эти прогрессивные по своей сути лозунги не могли не вызвать иммиграцию в Россию иностранцев, привлеченных общей идеей построения первого социалистического государства[3].

Все вышеперечисленное определенно свидетельствует о постепенном поступательном развитии права политического убежища, обусловленного историко-политическими, экономическими и иными социальными факторами.

---

[1] См., например: Клименко А. И. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности // Закон. – 2010. – № 7. – С. 44–51.

[2] См.: Дубинина Е. Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений : монография / Тула, 2016; Кулакова Ю. Ю. Тенденции переходных изменений современного российского государства. В сборнике: Исторические основания правовой науки. – М., 2012. – С. 93–109.

[3] См.: Ивлева Н. Ю. Современное российское правосознание как отражение действительной формы государства. Общество: политика, экономика, право. 2016. – № 6. – С. 78–80; Ивлева Н. Ю. Критерии и назначение типологизации правосознания // В сборнике : Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества. – М., 2016. – С. 200–209.

К. Е. Сигалов[1],
заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры истории права и государства Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, доцент

ВРЕМЯ В КОНЦЕПТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Всему свое время, и время всякой вещи под небом
Библия. Екклесиаст, 3.1.

Пространство – символ моей власти.
Время – символ моего бессилия
Жюль Ланьо[2]

Время наряду с пространством – основные категории, существо которых присуще всему миру: природе, обществу и мышлению. Эти категории исследуют различные науки. Нет смысла доказывать очевидный факт, что понимание времени и пространства даже на естественнонаучном уровне представляет довольно сложную картину. Социальные время и социальное пространство также не могут восприниматься однозначно; это не просто физические категории, опрокинутые в историю, они обладают своей спецификой и своим генезисом. Если, например, для естественных наук время – это совокупность однородных отрезков, то в гуманитарном знании дело обстоит по-другому. История, право, политика – имеют дело с гораздо более сложными процессами, изучаемые события чрезвычайно неоднородны. Как отмечает А. Ф. Лосев, чтобы «осуществленная или осуществляемая стихия историзма стала для нас ясной, обратим внимание на то, что всякая история развивается во времени и пространстве и что эта *пространственно-временная* стихия истории как раз и требует не дифференциального, а уже интегрального функционирования всякого историзма»[3].

---

[1] © Сигалов К. Е.,

[2] Французский философ (1851–1894).

[3] Лосев А. Ф. Античная философия истории. – М. : Наука, 1977. – С. 28.

Освоение пространства человеком подразумевает придание ему социальных свойств. При этом социальное пространство понимается не только как свойство, характеризующее территориальную расположенность чего-либо относительно друг друга, оно фиксирует взаимное позиционирование лиц, предметов и явлений не только физически, но и социально, духовно, ментально. Как сфера духовности право не может наблюдаться непосредственно, и у него нет своего места в физическом пространстве, окружающем человека, поэтому его содержание составляет не физически осязаемая предметность, а создаваемые людьми нормы, ценности и смыслы. Понимание пространства в политико-правовом смысле всегда было обусловлено характером ведущей общественно-производственной технологии, ментальным принципом развития цивилизации и ведущей формой собственности. Правовое пространство – важнейший элемент социального пространства, в том числе оно фиксирует расположенность норм, ценностей и смыслов различных правовых культур относительно друг друга.

Понимание времени несколько сложнее. Время и право – фундаментальные, базовые категории гуманитарного знания, которые составляют основу понимания мира. Право и время коррелируются в отношении к прогрессу, ибо расположенность права во времени определяет ритм его развития. Для права время – фундаментальная категория, аксиологическая значимость которой безусловна, так как она фиксирует контроль над прошлым настоящим и будущим. Право закрепляет уже сложившиеся отношения и устанавливает современные правила. Важнейшая задача права – предвидение (антиципация), позволяющая предвосхищать и минимизировать отрицательные последствия в социальной жизни.

Понимание феномена ***исторического*** сопряжено с пониманием многозначных и упрощенных языковых форм, существующих в русском языке, о которые следует указать сразу же. Во-первых, это понимание истории как таковой. Чаще всего мы говорим не об истории как объективном процессе, а науке истории. Эти два феномена совершенно не тождественны, история как процесс существует помимо процесса социального освоения действительности, обусловленного ментальными возможностями личности и общества в данный период. Так или иначе, он соответствует сочетанием множеством факторов. На процесс освоения и трансляции истории воздействуют различные гносеологические, идеологические, религиозные, интеллектуально-ду-

ховные факторы, часто противоречивые и разнонаправленные. С одной стороны, об истории как объективном процессе мало кто говорит, ибо людей больше интересует не история как таковая, а понимание истории человеком, не «история вокруг меня, а история во мне». С другой стороны, ни один хронограф не может претендовать на стопроцентную объективность в силу того, что предъявляет не факт, а описание факта, степень объективности истины приближается к нулю.

Во-вторых, все вопросы ***исторического*** сопряжены с пониманием времени. Причем не просто временем как объективно существующим, но субъективно воспринимаемым, а временем, трактуемым и конструируемым в различных отраслях знания, и временем, понимаемым различными цивилизациями. Здесь все гораздо сложнее. Упрощение русского языка XIX–XX вв. привело к тому, что исчезли многие временные формы, что привело не только к обеднению смыслов, но и к тому, что некоторые понятия стало гораздо сложнее выражать в социальной, духовной, да и в правовой сфере. Упрощение это не в последнюю очередь именно за счет уменьшения разветвленности системы глагольных времен[1].

Когда мы говорим об истории, первое, что нам приходит в голову, что – это наука о прошлом, на самом деле – это основная ошибка. Зачем знать прошлое, если это не имеет никакой пользы – ни познавательной, ни идеологической, ни практической. «История – свидетельница прошлого, пример и подражание для настоящего, предостережение для будущего», замечал Мигель де Сервантес Сааведра. Разделить эти три назначения истории не представляется возможным. Тем не менее разные направления общественной мысли стараются генерализировать в какую-либо одну из трех интенций целей исторического познания. И именно право со всей убедительностью доказывает, что разделение их невозможно, как в теоретическом, так и в практическом смысле. Карл Ясперс сумел представление о прошлом настоящем и будущем связать воедино: «Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как и от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее. Прогнозирующее историческое мышление определяет наши

[1] Например, в древнерусском языке имелся перфект, который затем утратился, как известно, оставив на память о себе лишь несколько рудиментарных форм вроде: «пошел я было пройтись, но погода испортилась, и мне пришлось вернуться домой». Конечно, если собрать все глагольные формы индоевропейских языков, то их будет порядка 20, и все действовать одновременно они не могут.

действия»[1]. Ошибаются те, кто думает, что история – это наука только о прошлом, она в той же мере наука о настоящем и будущем. Более того, наиболее важная и социально значимая задача истории – именно прогнозирование, предвидение будущих событий. «Историческое прогнозирование состоит в выявлении и анализе наиболее существенных тенденций общественного развития, которые действуют не только в прошлом, но и в настоящем, и скорее всего, будут действовать в тот период будущего, к которому относится данный прогноз»[2].

В-третьих, в постижении права человек и общество, так или иначе, обращаются к историческому сознанию. Здесь несколько слов о социальном времени и историческом времени как квинтэссенции социального времени. Переход к времени социальному знаменовал собой некий ментальный прорыв, изменение социального поведения людей. До определенного периода все темпоральные параметры были выстроены в соответствии с физическим, точнее природным временем. В основе было время сельскохозяйственное (рыболовецкое, пастушье, охотничье, мореходное и т. д.), а уже на него накладывалось религиозное, военное, торговое, экономическое и т. д. Когда общественные технологии стали более совершенными, а общественное богатство стало значимым, тогда люди перестали зависеть от природных циклов и время обрело самостоятельный смысл[3]. В целом историческое время обусловлено производственными технологиями, господствующими в обществе. Поэтому цикличность, фрагментарность, условия течения времени сопряжено с тем, как, в каких условиях, используя какие силы, получая какую именно эффективность, функционируют люди в «толще истории». Отсюда и тот неоспоримый факт, что есть периоды «насыщенной истории», когда в короткие отрезки времени происходит большее или меньшее количество событий, или их ценность принци-

---

[1] Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М. : Республика, 1994. – С. 155.

[2] Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна : Феникс+, 2006. – С. 126.

[3] Тогда и появились, кстати, абстрактные механические часы – символ независимости человека от законов природы и подчиненности его законам социальным. Долгое время это было чисто европейским явление (а его символом – часы на башнях ратуш европейских городов, по которым сверяли свое время, точность торговых поставок, деловые встречи и часы работы представители различных социальных слоев). На Востоке этого еще долго не было, отсюда и весьма сложные отношения со временем.

пиально различается, т. е. есть «быстрое» и «медленное» течение времени. Историческое время – это условие построения исторических абстракций, отстранение от повседневной реальности. Это предполагает понимание того, что все исторические процессы и события могут иметь некое объяснение, исходя из логики исторического процесса, в котором его отдельные части взаимосвязаны. Однако в этом есть и риск того, что будет упущено нечто важное.

Ценностный строй истории и исторического сознания обусловлен национальным характером и спецификой национального восприятия реальности. Основоположник современной русской философии истории П. Я. Чаадаев провозгласил Россию страной «без истории». Подлинно философски осмысленная история должна «признать в ходе вещей план, намерение и разум», постигнуть человека как нравственное существо, изначально связанное многими нитями с «абсолютным разумом», «верховной идеей», «Богом»[1]. Восприятие истории в России специфично, ибо каждый историю видит именно свою. Наши споры о смыслах истории, исторического сознания есть не более чем досужие домыслы крайне узкого слоя интеллектуальной элиты, и не более того. Представления об истории у большей части наших сограждан, от верхов до низов, сопряжено с принципиальным упрощением существа происходящих событий, манихейским черно-белым восприятием мира. Но тому есть как объективные, так и субъективные причины. О субъективных причинах все знают, это банальность. Есть понимание истории для элит, и есть понимание истории для народа. В России на определенных отрезках истории не считалось целесообразным чрезмерно просвещать народ. Так, даже Ветхий Завет был переведен только в начале XIX в., а до этого использовались его переводы только на церковнославянский язык, доступный далеко не каждому[2]. Сам алгоритм герменевтического облегчения приводил не к упрощению, а к вымыванию смыслов и даже опошлению содержания; часть исторической информации закрывалась из «благих» соображений, идеологической и военно-политической целесообразности. Упрощение истории

---

[1] Тарасов Б. Н. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // П. Я. Чаадаев. Статьи и письма. – М., 1989. – С. 9.

[2] «Усложнение» языка имело идеологический смысл. Существует старый анекдот про то, что Николай I однажды решил исключить букву «ять» из русского алфавита, однако знающие люди объяснили императору, что эта буква очень полезна, ибо позволяет отличить грамотного человека от неграмотного.

часто сводится к скрупулезной истории побед и проговариванию скороговоркой истории поражений. Это недопустимо, ибо только тщательный анализ и того и другого позволяет в будущем закреплять победы и избегать поражения. Кроме того, серьезный анализ позволяет понять не только как серьезные поражения могут стать основой блестящих побед, но и то, как легкие победы могут спровоцировать поражения с тяжелыми последствиями.

Россия – это не только статья непредсказуемого прошлого, но и не понимаемого настоящего и непредвидимого будущего. Есть определенные параметры, которые объективно мешают понимать историческое именно на уровне сознания. И это уже не личная беда Максима Грека спутавшего аорист с плюсквaперфектом[1], это проблема цивилизации, отказавшейся от некого культурного наследия во имя простоты понимания. Кайрологическое восприятие[2] ***исторического*** характерно для практически всех слоев общества, причем во все времена, это некий «концепт Емели со щукой» – совершение одноразового морального действа, после которого наступает эра благоденствия. Кайрос обращает внимание человека на тот благоприятный момент, когда нужно действовать, чтобы достичь успеха. Этот миг доступен не всем, его могут уловить исключительно одаренные личности или отмеченные свыше социальные силы. Он наступает только внезапно (вчера было рано – завтра будет уже поздно), его крайне сложно уловить и еще сложнее воспользоваться его возможностями, т. е. он имеет особо качественные характеристики. Большевики сумели уловить этот, возможно, единственный миг в истории, когда можно было не только захватить власть и воспользоваться ей, но быть у нее на протяжении долгих лет. Кроме всего того, что произошло с Россией вследствие этого захвата власти, сей феномен закрепил в общественном сознании представление об аксиологической значимости одноразового «морального действа», могущего изменить и течение истории, и социальную жизнь, и социальный строй, и жизнь отдельного человека, и будущее всего мира. От этого понимания истории, как показывают самые последние события, многие не отказались и в наши дни.

Огромное значение имеет история общества и история личности. Ленин, лидер большевиков, в 1894 г. во времена своей молодости при-

---

[1] Употребление имени Христа в будущем законченном, а не в будущем продолженном времени было в XVI в. тяжким грехом и преступлением.

[2] Кайрос – неуловимый миг внезапно возникшей удачи.

шел к парадоксальному для его последователей выводу, что «идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»[1]. Разумеется, в дальнейшем он скорректировал свою точку зрения, что не умаляет ни верности вышеприведенного мнения, ни того очевидного факта, что всю революцию 1917 как раз выдающиеся личности и делали, да и последующая история перевернутой этой революции страны в гигантской мере зависела именно от личностей. Собственно, все это не является какой-либо новацией, об этом уже много написано. В истории государства и права личности «невыдающиеся» или играющие не столь заметную роль в политической истории занимают малое место, хотя рассмотрение их участия в историческом процессе может иметь в некоторых случаях ключевые позиции. Сложно представить себе, как сложилась бы история, если бы Гаврила Принцип простудился в день покушения на Франца-Фердинанда, если бы Матильда Кшесинская была бы еще более настойчивой особой, если бы Керенский послушал бы Пинхаса Рутенберга и дал приказ на ликвидацию Ленина и Троцкого, если бы преследование Алан Тюринга началось бы десятью годами раньше… Этих примеров можно было привести великое множество как из древней и средневековой истории, так и из истории наших дней. Главное здесь другое: «проживание в истории» и понимание истории осуществляется теми массами, теми «обычными», «маленькими» людьми, ради которых, собственно, вся история и вся политическая и государственная деятельность ведется, и от их понимания смысла исторического процесса как объективного феномена, и от истории как науки этот зависит практически все. Восприятие человека как статистической единицы, а больших масс людей как пассивного материала обычно преподносит суровые уроки, так как часто эти единицы и этот «пассивный материал» начинает себя вести не так, как прогнозируют недальновидные политики и посредственные ученые.

Столь же сложно порой определить иерархию причин, определить то, что является важным, а что второстепенным в мозаике исторических фактов, определить, кто именно, например, из большого числа талантливых, не очень талантливых и совсем неталантливых людей, задействованных в политическом процессе, через некоторое время взой-

[1] Ленин В. И. Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

дет на политический Олимп, а сведения о других с трудом можно будет найти в Интернете. В целом так было всегда, и только историческая практика верифицирует значимость того или иного политика, его роль и «масштаб личности», но современность предполагает другой темп, и новые аксиологические акценты – время современной истории очень быстрое, социально-экономическая жизнь крайне насыщенная, политическая обстановка, порой, непредсказуемая, с точки зрения обывателя, а решения, согласно мнению неосведомленной публики, непонятные. Поэтому современность предъявляет те требования и те компетенции, о которых ранее и не догадывались.

Объективные причины кроются в сложном комплексе социально-экономических отношений, сложно понимаемом алгоритме производственно-технологических процессов, историческом выборе судьбы той или иной страны, той или иной цивилизации. Раскрытие таковых – тема отдельного сложного исследования. Однако, как писал классик еще в 1883 г.: «Ходить бывает склизко / По камешкам иным. / Итак, о том, что близко, / Мы лучше умолчим»[1].

Ю. В. Сидоркин[2],
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛАГОЧИНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Исследование истории становления и развития отдельных правовых явлений оказывает серьезное воздействие на развитие как историко-правовой науки, так и теории государства и права. Это представляется значимым потому, что именно история раскрывает действительный конкретно-исторический ход формирования этих явлений на отдельных этапах их зарождения.

Одним из таких явлений в истории отечественного государства права можно назвать категорию «благочиние», активно применяемую

[1] Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. Стихотворения. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 490.

[2] © Сидоркин Ю. В., 2018.

российским законодателем с середины XVII века. На различных этапах развития государственного аппарата и правовой системы в благочинии закладывался определенный смысл, который менялся под воздействием различных политико-правовых и социальных процессов. Специфика историко-правового исследования благочиния, состоит в раскрытие хода становления и развития этого правового термина, не употребляемого в современной юридической науке и законодательстве.

Для раскрытия содержания понятия «благочиние» проблема состоит в изучении той роли, которую играет терминологический анализ в историко-правовых исследованиях. Методологической основой такого изучения является тезис, согласно которому терминологический аппарат источников заимствует свое предметное содержание из жизни, из реальности[1]. С этим нельзя не согласиться, так как категория «благочиние» впервые стала использоваться в русском государстве в XV–XVI вв. для обозначения выполнения строгого порядка, благопристойного поведения в религиозной сфере[2]. Авторитет церкви в общественных отношениях повлиял на плавный переход религиозного понятия «благочиние» в нормативно-правовые акты русского государства, регламентирующие организацию охраны общественного порядка. Ярчайшим примером является указ царя Алексея Михайловича «Наказ о градском благочинии» от 1649 года, определяющий должностным лицам – объезжим головам, решеточным приказчикам и десятским, избираемым из населения, – обязанности «беречь накрепко, чтоб в улицах и переулках бою и грабежу и корчмы и табаку и инаго никакого воровства не было»[3].

Важно учитывать, что историко-правовая наука раскрывает свой предмет при условии изучения политико-правовых явлений в их непосредственных исторических условиях, поэтому необходимо исследование социальных процессов, которые выступают объектами других гуманитарных наук[4].

---

[1] Смоленский Н. И. Теория и методология истории : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / Н. И. Смоленский. – 2-е изд. – М. : 2008. – С. 243.

[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 230.

[3] Наказ о градском благочинии от 30 апреля 1649 г. / полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1., Т. I. – СПб., 1830. – С. 165.

[4] См.: Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М., 2012. – С. 41; Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36.

С 1649 года «благочинием» обозначалось выполнение полицейских функций государства в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности и с этого момента эту категория необходимо изучать в тесной взаимосвязи с полицейской деятельностью. Как известно, само понятие полиция в России использовалось с 1718 года, с момента образования регулярных полицейских органов. Этот термин был заимствован из Западной Европы, в странах которой уже оформились, так называемые, «полицейские государства», основными чертами которых были централизация всех направлений государственной власти в руках монарха и детальная регламентация всех сфер жизни общества посредством полицейских регламентов. Для контроля за выполнением многочисленных норм и правил создавалось множество бюрократических учреждений. Накапливался опыт, и возникла необходимость его осмысления и систематизации, таким образом появилась наука полицейского права, которая распространилась и на Российскую империю. В этой науке и русскоязычному понятию «благочиние» также нашлось свое место – в переводе на русский язык трудов немецких полицеистов И. Г. Г. Юсти, Й. Зоннефельса[1] категория «благочиние» отождествлялось с «полицией». В Российской империи наука полицейского права в переводах с немецкого языка обозначалась наукой о благочинии государственном[2].

Во второй половине XVIII века по поводу предмета этой науки возникают многочисленные споры, кто-то считал ее сугубо политической, другие признавали юридической и стремились выработать особую систему юридических норм под общим названием полицейского права[3]. Необходимо отметить, что большинство вопросов, связанных с развитием материального благосостояния, также входило в предмет науки полицейского права и соответственно в науку о благочинии государственном. Все споры, касаемо части предмета о экономической составляющей в направлениях деятельности государства разрешил Адам

---

[1] Зонненфельс Й. Начальные основания полиции или благочиния. М. : Унив. тип. у Н. Новикова, 1787.

[2] См.: Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1777. – С. 4; Мамонтов А. Г., Оксамытный В. В., Иванов С. А., Правкин И. В. и др. Сравнительное правоведение : учеб. пособ. – М. : МосУ МВД России, 2013.

[3] Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов. – 2-е изд., доп. – СПб. : Сенат. тип., 1908. – С. 8.

Смит и его последователи, создавшие особую науку, которая ставила для себя основную задачу изучение хозяйственной и экономической жизни и раскрытие сущности этих явлений. В итоге существенная часть предмета полицейского права отошла в предмет новой науки – политической экономии. С этих пор полиция, равно как и благочиние, не употребляются как категории для обозначения управления государством в широком смысле. Таким образом, анализ непосредственных изменений в политико-правовой сфере, обусловленных экономическими явлениями, позволил уточнить предмет полицейского права и вследствие этого изучаемое нами явление «благочиние» также сузило свой смысл, что и в дальнейшем в XIX веке можно наблюдать как в отечественном законодательстве, так и в юридической науке.

В итоге обозначенный нами выше тезис о необходимости изучения процессов, выступающих предметом других гуманитарных наук, находит свое подтверждение. Успешное развитие историко-правовой науки невозможно без обращения к положениям экономической теории, не исследуя механизмов проявления экономических законов в политико-правовой сфере.

В. М. Сырых отмечает, что в правовой науке необходимо в полной мере использовать достижения социальной психологии, но это использование не должно ограничиваться простым механическим повторением положений или иллюстрированием правовых примеров. Поскольку ученые, опираясь на эти тезисы, пытаются углубить и расширить свои представления о юридических явлениях и процессах, в которых психология человека, его чувства и эмоции играют весьма важную роль[1].

Эту мысль нельзя не учитывать при исследовании проблемы отождествления категорий «благочиние» и «полиция» во второй половине XVIII века, отмечаемой нами выше. Термин «полиция» был заимствован из-за рубежа и был чужд для понимания коренным населением русского государства, которое к тому же было весьма консервативным. Поданным привычней было использовать в обиходе употребляемое веками «благочиние», которое с XV века находилось на слуху, к тому же содержание этого термина было понятно и у законодателя не возникало необходимости для дополнительного разъяснения. В этих условиях, законодатель, учитывая психологию населения, отождеств-

[1] Сырых В. М. Указ. соч. С. 44.

ляет все «полицейское» с исконно русским «благочинием». Как результат, в законодательстве периода правления Екатерины II можно встретить такие формулировки: «О благочинии, называемом инако Полициею»[1] и название нормативного документа, регламентирующего направления деятельности полицейских органов, правовой статус полицейских и структура учреждений получают примерно такое же название – «Устав благочиния или полицейский»[2].

Указанные нормативные правовые акты можно смело назвать историческими источниками, являющимися для нас носителями информации, изучение которой позволит нам реконструировать политико-правовую реальность в контексте изучения категории «благочиние».

Существует отдельное направление теоретико-методологических источниковедческих исследований, получившее наименование как исторически-типологическое. Сущность его заключается в изучении отдельных видов источников той или иной эпохи как явлений исторической действительности, то есть рассмотрением их в онтологическом аспекте. Проблемная часть состоит в исследовании вопросов о закономерностях возникновения и эволюции источников, роли, которую они сыграли для их творцов и современников, о методах и формах отражения действительности[3].

Использование указанного направления в познании нашего вопроса позволило выделить обозначенные выше нормативные документы, в качестве основного типа исторических источников, применяемых в административной сфере и определить, как в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II разрешалась проблема непонимания населением иностранной терминологии.

В итоге благодаря этому, понятие «благочиние» плотно вошло в законодательный оборот в XIX веке. Оно использовалось в основном в нормативных документах, регламентирующих порядок организации полицейскими учреждениями мер по обеспечению общественной безопасности и охраны общественного порядка.

---

[1] Дополнение к Большому Наказу Екатерины II 28 февраля 1768 года / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Собр. 1. Т. XVIII. – С. 473.

[2] Устав благочиния или полицейский 1782 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Собр. 1. Т. XXI. – С. 467.

[3] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – С. 119–120.

Таким образом, можно проследить процесс возникновения понятия в религиозной сфере, его плавный переход в сферу светскую и, в дальнейшем, закрепление и трансформацию в качестве юридической категории. Благочиние не употребляется в качестве таковой с момента событий, произошедших в России в 1917 году. В результате отрицания старого порядка, в силу идеологических причин, юридической категории «благочиние» не нашлось места в праве нового государства.

П. Е. Соборнов[1],
доцент кафедры теория и история государства и права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат исторических наук

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

В системе высших учебных заведений системы МВД России при подготовке выпускников особое место занимает изучение истории политических и правовых учений. Изучение этой дисциплины позволяет решать важнейшие задачи расширения мировоззренческой составляющей профессиональной подготовки, связанные с пониманием сущности категорий: «государство», «право» и «политика», «закон». Понимание традиций восприятия государства и права позволяет выпускникам – сотрудникам органов внутренних дел ориентироваться во многих государственно-правовых проблемах современности и более осознанно применять российское законодательство на современном этапе.

Применение законодательства в профессиональной сфере деятельности сотрудника органов внутренних дел всегда связано с обществом и его политическими и правовыми ценностями. Ведь восприятие сотрудника органов внутренних дел в общественном сознании осуществляется через призму базовых общественных представлений о государстве, праве и политике. Если учесть, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности

[1] © Соборнов П. Е., 2018.

полиции»[1], то возникает насущная необходимость понимания сотрудником органов внутренних дел основных представлений о государстве, праве, законе и политике, сформировавшихся в обществе. По той причине, что представления о государстве, праве и политике формировались на протяжении многих столетий в общественном сознании, возникает необходимость изучения сотрудниками органов внутренних дел истории политических и правовых учений как науки и учебной дисциплины.

В процессе изучения дисциплины «история политических и правовых учений» возникает ряд достаточно сложных проблем, вытекающих из-за объемности дисциплины и сложности представлений о государстве, праве и политике конкретных ученых, внесших большой вклад в развитие юридической науки. Проблема выявления сущности учения о государстве, праве, законе и политике, и классификация учений о государстве и праве решается путем применения исторического метода, в основе которого лежат следующие принципы: а) *исторической конкретики* – он подразумевает изучение политико-правовой доктрину через призму ценностей и категорий, когда она появилась; б) *принцип взаимообусловленности* между собой всех политико-правовых учений, появившихся в одну историческую эпоху. Ведь, например в новое время, процесс формирования и развития представлений о государстве, праве, законе и политике происходил достаточно часто в острой идейно-политической борьбе между разнообразными направлениями консервативной, либеральной и социалистической мысли. Отсюда, любое теоретическое и практическое положение в учении о государстве, праве, законе и политике необходимо понимать в четкой связи с программными положениями других политических и правовых учений; в) *принцип социальной обусловленности (классового подхода)*, в соответствии с которым любое учение о государстве, политике, законе и политике необходимо воспринимать как систему обоснования социально-политических требований разных слоев общества, вступающих между собой в конфликт по поводу реализации собственной политической программы. Обоснование этого принципа можно встретить в работе основоположника политико-правового учения российского большевизма В. И. Ленина, внесшего существенный вклад в

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (Редакция от 13.07.2015 г.) «О полиции» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 15.09.2015 г.) // Российская газета. – 2015. – 16 сентября. – № 31.

обоснования историзма как научного метода: «Три источника, три составных части марксизма» (1913 г.). Он писал: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»[1].

Использование этих принципов исторического метода позволяет четко определять не только понятие политического и правового учения, под которым мы понимаем **совокупность логически выстроенных и взаимосвязанных между собой принципов и взглядов конкретных ученых, мыслителей или государственных деятелей на государство, право, закон и политику, и их место в жизни общества, стоящего на определенной ступени исторического развития,** но и выделить важнейшие элементы учения[2].

Первым элементом любого политико-правового учения является набор конкретных исторических условий появления учения: социальные изменения и появление каких-либо социальных групп в обществе. Учет этого явления представляется важным, так как любой ученый, мыслитель, государственный деятель, создающий свое творческое наследие, всегда является носителем групповых и социальных ценностей, и создавать свои представления вне социального контекста он не может.

Вторым элементом политико-правового учения является отношение мыслителя, ученого, или государственного деятеля к обществу, социальному устройству и отношениям между классами. Этот элемент представляется достаточно важным по той причине, что автор учения стремился представить свой идеал переустройства общества и критическое восприятие общества, современного ему.

Третий элемент учения о политике и праве – попытка автора обосновать причины и условия возникновения в обществе таких институтов, как: государство, право, закон и политика, ведь часто эти институты понимались через призму важнейших понятий и категорий и выступали в качестве важнейших проектируемых автором механизмов стимулирования развития общества.

---

[1] Ленин В. И. Три источника, три составных части марксизма / Полное собрание сочинений. – Т. 23. – М., 1962; Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. Лекция. – М., 2000.

[2] Соборнов П. Е. История политических и правовых учений : курс лекций. – Н.Новгород, 2017. – С. 6–19.

Четвертый элемент политико-правового учения – приводимая автором система доказательств и аргументов в обоснование своих взглядов на государство, право, закон и политику. Система аргументов и доказательств занимает в учении достаточно важное место, так как позволяла автору убедить своих современников в истинности и правильности взглядов на государство, право, закон и политику.

Таким образом, исторический метод позволяет четко структурировать и классифицировать достаточно объемный материал, четко определять место и роль того, или иного политического и правового учения в системе научного знания изучаемой эпохи, выделять особенности и отличия разнообразных представлений о государстве, праве, законе и политики.

Т. А. Терешонок[1],
студентка Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члена комитета по обороне В. И. Богодухова

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ПРАВА

В развитие социологии разработка методологии социологического исследования принадлежит известному французскому философу О. Конту. Он предложил использовать сравнительный метод, исторический метод, наблюдение и эксперимент для достоверного изучения общества[2]. Так как в России в академической правовой науке сравнительно-исторический метод становится все более востребованным как метод исследования права, так и как метод преподавания юридических дисциплин, то остановимся более подробно на нем[3].

---

[1] © Терешонок Т. А., 2018. Научный руководитель: Клименко А. И., профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

[2] Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

[3] Иванов С. А. Значение сравнительно-исторического метода для юридической науки и образования России // Право и образование. – 2012. – № 2. – С. 120; Иванов С. А. О соотношении федеральных законов и подзаконных нормативных

Исторический метод или, как его еще называют, метод исторического сравнения, иногда соединяя со сравнительным методом, способен, по мнению О. Конта, вывести науку на новый уровень – позитивный. Главная цель исторического метода заключается в сравнении последовательных состояний общества, принимая во внимание связи прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, направлением этого метода в социологии является выявление тенденций и закономерностей развития общества[1], а ценность состоит в том, что возрастание какой-либо физической, интеллектуальной, моральной или политической черты в обществе полностью понять можно только посредством сопоставления целой серии социальных явлений, взятых в их последовательности[2].

Исторический и сравнительно-исторический метод прослеживается в социологических теориях права многих известных ученых XIX–XX вв. В это время господствовал юридический позитивизм. Основоположником юридического позитивизма является английский юрист Д. Остин. В соответствии с его учением, составляющими позитивного права являются императивные веления или приказы суверенной государственной власти. Право – это система норм, регламентированных политическими верхами, а его источник – воля суверена. Как отмечал сам ученый, суверен не имеет связь с принятыми законами, потому что в любой момент может их поменять – в ином случае он не суверен[3].

Иной точки зрений придерживался австрийский ученый, правовед Е. Эрлих, ставивший перед собой задачу раскрыть связь общества и права. Ученый рассматривал право через социальные отношения и общество, трактуя последнее как совокупность «союзов», которые подразделяются на самобытные и новые. Поэтому, чтобы тщательно разобраться в истоках, развитии и сущности права, следует, в первую очередь, изучать порядок в союзах. Таким образом, общество, по мнению

правовых актов Российской Федерации : монография. – М. : МосУ МВД России, 2003; Иванов С. А. Место нормативных актов центрального банка в правовой системе России // Законодательство и экономика. – 2002. – № 11. – С. 46–48.

[1] Конт О. Общий обзор позитивизма // Родоначальники позитивизма. – СПб., 1912–1913. – Вып. 4, 5.

[2] Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология : в 3 т. – Методология и история Т. 1. – М., 2000.

[3] Поляков Л. В., Тимошина К. В. Общая теория права. – СПб., 2005. – С. 83.

правоведа, – это исторический процесс трансформации союзов из простых в более сложные[1].

М. М. Ковалевский исторической закономерностью считал необходимость продвижения каждого общества от низшей стадии к более высокой. Но этому процессу мешает дифференциация общества на богатых и бедных. Для разрешения этого противоречия он предлагал усилить вмешательство государства во владение частной собственности в пользу земледельцев и рабочих, юридическое закрепление права на труд, свободную деятельность профсоюзов, их борьбу за социальные права[2].

Исторический метод прослеживается и в социологической теории права Ж. Гурвича, рассматривавшего право как продукт жизнедеятельности человека. В своей работе «Идея социального права» он видел сущность права в позитивном правопорядке, цель которого состоит в распространении справедливости на определенную социальную среду[3].

Один из крупнейших юристов Америки Р. Паунд призывал обучать будущих юристов как практиков, умеющих анализировать исторический политический, экономический и социальный опыт. Социология права, по мнению Паунда, есть функциональное изучение юридической системы через преследуемые его социальные цели. Понятие права он понимал как инструмент социального контроля для достижения компромиссов интересов. Так, историческое развитие общества можно рассматривать через призму социального контроля, и на различных стадиях развития этот контроль отличается[4].

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что с исторической точки зрения право оценивалось и оценивается по-разному. Вышеописанные теории являются самыми заметными вехами в процессе правопонимания, в изменении юридического мировоззрения общества. Во всех социологических теориях права прослеживается своя призма понимания права, государства и общества, однако в них присутствует исторический и сравнительно-исторический методы. Все

---

[1] Глазырин В. А. Юридическая социология. 2000. С 77–78.

[2] Фролова Е. А. История политических и правовых учений : учебник. – 2017. – С. 421.

[3] Гурвич Г. Д. Указ. соч. С. 139.

[4] Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. 2007. С. 57.

вышеназванные ученые каждой стадии развития общества присуждают свои главные, по их мнению, характеристики, подчеркивая важность их изучения и выявления исторических закономерностей.

А. Ю. Токмачёва[1],
старший преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ

На Руси первой обратила внимание на проблему «непотребства» церковь, в ведении которой находилась вся сфера как в целом семейных отношений, так и область интимных, половых взаимоотношений. Поддержание чистоты нравов осуществлялось посредством выспрашивания на исповеди о совершенных прегрешениях, связанных с блудом, и назначения последующего наказания (епитимьи, сводившейся к самым различным постам, ежедневным поклонам, лишению на какой-либо срок причастия и тому подобному). В вопрошаниях и покаяниях блудницы упоминаются не раз, и мужчины за связь с ними несут отдельную епитимью. «Если кто мзду дает ради блуда, да получит епитимью на 3 лета и причастие единожды в месяц, а поклонов 20 утром и 20 вечером». Однако сама женщина непосредственно за проституцию не наказывалась. Блуд по собственному желанию и за деньги карался абсолютно одинаково[2].

Анализ светского государственно-правового воздействия на проституцию показывает, что уже на ранних стадиях развития российской государственности власть уделяла большое внимание борьбе с продажей женщиной собственного тела.

В 1649 году при правлении царя Алексея Михайловича в «Наказе о градском благочинии» говорилось: «По улицам и переулкам в день и ночь ходить и беречь накрепко, чтобы в улицах и переулках бою,

---

[1] © Токмачёва А. Ю., 2018.

[2] Занков Д. Блуд бывает всякий // Родина. – 2004. – № 12. – С. 110.

грабежу и порчи, и табаку, и никакого воровства и блудни не было»[1]. Упоминание проституции в одном ряду с другими преступлениями и требование ее пресечения явно свидетельствуют о том, что занятие ею было поставлено вне закона. Государство пошло по пути запрещения, искоренения продажной любви.

В указе Анны Иоанновны Сенату от 6 мая 1736 года говорилось: «Понеже правительствующему Сенату известно стало, что во многих вольных домах происходят многие непорядки, а особливо многие вольнодумцы содержат непотребных женок и девок, что весьма противно христианскому благочестивому закону. Того ради смотреть, ежели где такие непотребные женки и девки, тех высечь кошками и из тех домов их выбить вон...».

Борьба продолжалась и при Елизавете I. В указе, изданном ею в августе 1750 года[2], сказано: «Понеже по следствиям и показаниям пойманных сводниц и блядей, некоторые указываемые ими непотребные (женщины) скрываются. Тех скрывающихся непотребных жен и девок как иноземок, так и русских, сыскивать, ловить и приводить в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в комиссию в Калинкинский дом[3]». С этого времени меры, принимаемые в отношении проституток, стали расширяться, а также законодательно определялись органы, в обязанность которых входило их реализовывать.

Так, борьба с «непотребством» была одним из многочисленных направлений деятельности регулярной полиции России. В 1718 году петербургскому генерал полицмейстеру было велено «всех гулящих и слоняющихся людей... хватать и допрашивать»[4]. Дела о «любодействе» были изъяты у церкви и отнесены к юрисдикции светского суда.

12 сентября 1728 года был издан указ, который обязывал губернаторов и воевод препятствовать организации «кормчевых и непотребных домов»[5].

---

[1] История полиции России. Исторический очерк и основные документы. – М., 2001. – С. 48.

[2] Там же. С. 59

[3] Был образован как лечебное и одновременно исправительное учреждение и именовался «Калинкинский исправительный дом с госпиталем при нем». В дальнейшем учреждение называлось городской Калинкинской больницей, куда принимались женщины с венерическими и кожными заболеваниями, а также роженицы. (Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. М., 1994. С. 12).

[4] Там же. С. 49.

[5] Лысенко В. В. Нравственно-правовые аспекты в деятельности ОВД России.

20 мая 1763 года Екатериной II был подписан указ «О скорейшем излечении в госпиталях воинских чинов, одержимых венерической болезнью, и о ссылке обличающихся в непотребстве женщин по их излечению от болезни в Перчинок». При этом лечение непотребных девок проводилось бесплатно, медикаментами и штатными докторами из тех же госпиталей, где лечили и военных. Таким образом, государство было заинтересовано не только в выявлении и «отлове» проституток, но и в их оздоровлении. Простой запрет дополнился мерами по устранению последствий спроса на продажную любовь.

В указе от 4 мая 1765 года Екатерина II, учитывая то, что задержанных непотребных девок до ссылки необходимо на что-то содержать, отметила, что средства на содержание последних должны идти из наличных денег Полицмейстерского управления. Эти меры по содержанию женщин должны были сдерживать последних от занятий непотребством, так как у большинства это «занятие» было в основном главным способом добывания денег и зачастую единственным. Подобная попытка предупредить рост проституции путем приобщения проституток к труду была первой. Однако дальнейшее трудоустройство данной категории лиц было затруднено. Хозяева фабрик не хотели принимать к себе на работу таких женщин. С целью недопущения отказов со стороны хозяев фабрик и заводов о принятии на работу непотребных девок 30 сентября 1771 года был издан Сенатский указ «О безотворотном приеме на фабрики на работу непотребных девок, присылаемых из полицмейстерского управления в Мануфактур – Контору».

Внимание государства к проблеме проституции росло вместе с увеличением списка предпринимаемых мер и числом различных органов и учреждений, осуществляющих борьбу с продажной любовью. К середине XVIII века стало ясно, что следование по пути простого запрета и устранения последствий не дает желаемых результатов. Выход виделся в государственном контроле за проституирующими особами.

В принятом Екатериной II «Уставе о благочинии» (от 8 апреля 1782 года) в ст. 155 говорилось: «1. Буде кто дом свой или нанятой откроет днем и ночью всяким людям ради непотребства, с того взыскать пеню 12-дневное содержание в смирительном доме и сажать его в тот дом, пока не заплатит. 2. Буде кто в дом, открытый... всяким людям ради непотребства, войдет, с того взыскать пеню 6-суточное содержание содержимого в смирительном доме и сажать под стражу, пока не

заплатит. 3. Буде кто непотребством своим или инаго делает ремесло, от того имеет пропитание, то за такое постыдное ремесло отослать его в смирительный дом на полгода»[1]. Указанная статья дополнялась ст. 158, где говорилось о борьбе с венерическими болезнями: «Пользующихся от заразительной болезни в госпиталях допрашивать, от кого заразился, и по показанию, буде заразившие их женщины действительно окажутся виновными в непотребстве и суть бродящие, подлые и подозрительные девки, таковых брать и лечить от заразительной болезни в госпиталях и по вылечении поступать с ними как о бродягах постановлено. Те из непотребных женщин и девок, которые имеют происходящую от их образа жизни заразительную болезнь lues venerea, должны открывать о том врачу при самом начале болезни»[2]. Данные статьи (155 и 158) не были официально отменены до самой революции.

В целом в XVIII веке в русском законодательстве складывалась целая система безусловного запрещения так называемого «непотребства». Однако к середине XIX века государство становится на путь регламентаризма, то есть оно не только признает факт наличия проституции, но и осуществляет ее регулирование.

Так, в Правилах содержательницам борделей, утвержденных министром внутренних дел 29 мая 1844 года, сказано: 1. Бордели открывать не иначе как с разрешения полиции; 2. Разрешение открыть бордель может получить только женщина средних лет – от 30 до 60..; 8. В число женщин в бордели не принимать моложе 16 лет..; 10. Долговые претензии содержательницы на публичных женщин не должны служить препятствием к оставлению последними бордели..; 15. Кровати должны быть отделены или легкими перегородками или, при невозможности сего по обстоятельствам, ширмами..; 18. Содержательница требует, чтобы женщины ее содержали себя опрятно..; 20. Содержательница подвергается также строгой ответственности за доведение живущих у ней девок до крайнего изнурения неумеренным употреблением..; 22. Запрещается содержательницам по воскресным и праздничным дням принимать посетителей до окончания обедни; 23. Мужчин несовершеннолетних, равно воспитанников учебных заведений ни в коем случае не допускать в бордели[3].

---

[1] А. Малахов. Три века российской проституции. // Коммерсантъ Деньги. – № 17–18. – 5 мая 2001.

[2] П. И. Люблинский. Преступления в области половых отношений. М., 1925. С. 171.

[3] Там же.

С переходом к системе регламентации (с 1844 г.) в России формально не была отменена наказуемость проституции. Лишь в 1846 году в циркуляре от 4 декабря было закреплено положение «об уменьшении виновным следуемых наказаний за непотребство, если они принадлежат к числу лиц, подчинившихся врачебно-полицейскому надзору». Позже, 6 апреля 1853 года, было принято решение, что «публичные женщины, состоящие под врачебно-полицейским надзором, не подвергаются определенному собственно за непотребство наказанию даже в тех случаях, когда они привлекаются к суду во второй, третий и следующие разы, если только они не изобличаются в совершении какого-либо другого, кроме непотребства, преступления». Однако в связи с тем, что это решение не сразу было опубликовано, на практике в низших инстанциях зачастую женщин присуждали к наказанию за проституцию по ст. 1342 Уложения о наказаниях, но такие приговоры представлялись министру внутренних дел, который их не утверждал[1].

До 1843 года надзор за проституцией в Петербурге находился в ведении участковой полиции. В 1843 году в целях ограничения быстрого распространения сифилиса в Петербурге при медицинском департаменте Министерства внутренних дел, в качестве опыта, впервые в России был организован особый врачебно-полицейский комитет. Однако лишь в 1856 году он получил окончательное оформление. Председателем этого комитета был обер-полицмейстер, членами были: штадт-физик, старший врач Калинкинской больницы, три участковых полицмейстера, врач от военного ведомства, чиновник от военного генерал-губернатора, два врача для особых поручений и шесть врачей участковых, из числа ординаторов Калинкинской больницы.

На той же правовой основе, что и Санкт-Петербургский врачебно-полицейский комитет, 3 июня 1844 года был учрежден врачебно-полицейский комитет в Москве под председательством губернатора. Организацию надзора за проституцией в городах можно подразделить на три категории. К первой относились города, где функционировали врачебно-полицейские комитеты, ко второй – города, где надзором занимались городские санитарные комитеты или другие учреждения, действующие самостоятельно, не входя в штат полиции, к третьей категории относились города, где надзор фактически находился в руках исполнительной полиции[2].

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. соч. С. 172.

[2] Лысенко В. В. Нравственно–правовые аспекты в деятельности ОВД России.

Врачебно-полицейские комитеты представляли собой совещательный коллегиальный орган полиции, занимающийся надзором за проституцией. Общая полиция занималась лишь исполнением постановлений комитета. На первых порах врачебно-полицейский комитет должен был осуществлять борьбу с «любострастными» болезнями и преследовать женщин, занимавшихся «непотребством». Однако очень скоро стало ясно, что искоренить проституцию насильственным методом невозможно, и ВПК занялся проблемами ее регламентации.

Для начала все лица женского пола, промышлявшие продажной любовью, были поставлены на учет или, как указывалось в документах, превратились в «поднадзорных». В результате было выделено две формы проституции, для обозначения которых использовалась разная терминология: официально признанная («поднадзорная», «комиссионная», «разрядная») и тайная, неофициальная («гражданская»). Всем зарегистрированным проституткам был выдан знаменитый «желтый билет» – бланк вместо паспорта, что явилось существенным ограничением прав продажных женщин.

В 1843 году под надзором Санкт-Петербургского врачебно-полицейского комитета находилось до 400 проституток, а уже в 1852 году их было 1075, из которых в 152 домах терпимости находилось 884. Однако указанные данные нисколько не отражали реального числа «ночных бабочек». Считалось, что для получения приблизительно верного общего количества проституток следует их официальное число умножить в 5–10 раз[1].

Несмотря на существующую систему регламентации, законодательно было закреплено негативное отношение государства к факту вовлечения женщин в проституцию, получению от него материальной выгоды и сводничеству (Уголовное уложение 1903 г., ст.ст. 524, 526, 527), а также предусматривалось наказание в виде ареста либо выплаты штрафа за «неисполнение установленных правил для предупреждения непотребства и пресечения вредных от него последствий» (там же, ст. 528). Заключением в тюрьму, согласно ст. 529 Уголовного уложения 1903 г., наказывалось лицо, виновное «в

[1] Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России. СПб, 1998. С. 24; Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. Лекция. – М., 2000.

удержании в притоне разврата промышляющей непотребством женщины, если она изъявила желание оставить свой промысел»[1].

Отношение государства к существованию проституции и ее последствиям к началу XX века прошло несколько этапов. Первый этап (примерно до середины XVIII века) характеризовался провозглашением категорического запрета (как церковного, так и светского) на торговлю женщинами своим телом, предусматривалась процедура выявления и наказания его нарушительниц. С 1750-е по 1840-е годы, на втором этапе, постепенно на фоне действующего запрета расширялся перечень мер воздействия на проституток (лечебных, трудовых), а также законодательно закреплялся механизм их реализации. С переходом к системе регламентаризма – государственному контролю за сферой «продажной любви», установлению правил работы публичных домов, детализированной процедуре медицинских осмотров женщин, формированию специализированных контролирующих органов – начинается третий этап. Основным достижением этой стадии явился отказ от преследования и наказания самих проституток за торговлю телом, а также законодательное закрепление ответственности лиц, вовлекающих их в эту деятельность и насильно удерживающих их в домах терпимости. Эта тенденция в области государственного воздействия на проституцию получила свое развитие в начале XX века и позднее, с приходом к власти большевиков, выразилась в ориентации целого направления социальной политики на поддержку и облегчение условий жизни женщин.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXШ. 1903. – № 22704.

Н. Л. Феднева[1],
доцент кафедры истории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ВЕБЕРОВСКИЙ «ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП»: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЕНЕЗИСА ИСТОРИЧЕСКИХ ИНВАРИАНТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Цель данного сообщения – обобщить соображения, возникшие при попытке наложения логической конструкции, называемой правоохранительной системой, на фактический материал, характеризующий генезис общественных и государственных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие правоохраны. Этот фактический материал получил определенное оформление и ценностную оценку в различных исторических и историко-правовых парадигмах, возникавших в процессе его накопления и изучения, и в рамках этих парадигм отражен в учебниках истории и теории государства и права. Однако он настолько обширен и многопланов, что каждое обращение к нему (с позиций системного, структурного, личностного и иных подходов) дает основания для новых выводов и обобщений, которые должны быть использованы в учебном процессе для подготовки специалиста современного уровня.

Идея применения метода сопоставления материала, явившегося результатом исторических реконструкций, с абстрактным идеальным типом, представляющим универсальные свойства процесса или явления, принадлежит социологу и историку М. Веберу.

Идеальный тип, согласно М. Веберу, представляет собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия социальных явлений, осуществляемое исследователем в целях систематизации данного ему эмпирического материала и дальнейшего его сопоставления и изучения[2].

---

[1] © Феднева Н. Л., 2018.

[2] См.: Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990; Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. – М. : Мысль, 2010 // Электронная библиотека Института

На сегодняшний момент наряду с фактическим материалом, традиционно излагаемом в учебниках истории государства и права России и зарубежных стран, накоплен значительный массив фактов и источников, введенных в научный оборот сравнительно недавно и не нашедших отражения в учебной литературе. Этот массив, безусловно, подлежит осмыслению и систематизации с дидактической точки зрения. И понятие правоохранительной системы, принятое в современной правовой науке, представляется тем методологическим средством и идеальным типом, который может служить матрицей для выявления общих черт и особенностей генезиса правоохраны в Европе и России в процессе преподавания историко-правовых дисциплин.

Определения правоохранительной системы содержатся в кандидатских диссертациях:

«Правоохранительная система является составной частью правовой системы общества и представляет собой упорядоченную совокупность нормативных, инструментальных и процессуальных институтов, посредством которых осуществляется реализация охранительной функции права…

Правоохранительная система в качестве статической (относительно постоянной) составляющей включает в себя существующие в обществе идеи и представления об охране объективного и субъективного права (концептуальная составляющая), акты действующего законодательства (нормативная составляющая) и наделенные соответствующими правоохранительными функциями учреждения (организационная составляющая); а в качестве динамической характеристики соответствующую юридическую практику – функциональную деятельность отдельных субъектов правовой охраны и взаимодействие между ними»[1].

философии РАН «Новая философская энциклопедия». URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/; Амельчакова В. Н., Базарнов М. А., Бочаров С. Н. и др. Профессиональная подготовка полицейских. Альбом структурно-логических схем : учеб. пособие : в 2 ч. – Часть 1. Общепрофессиональный цикл. – М., 2016.

[1] Ланцова О. М. Органы внутренних дел как структурный элемент правоохранительной системы современной России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб, 2002. – С. 8.

Как подчеркивает И. В. Правкин, «системный подход предполагает, прежде всего, отношение к правоохранительной системе как к целостному, относительно самостоятельному, обособленному в окружающей его среде явлению.

Приведенное определение и будет использовано как логическая конструкция для анализа исторических инвариантов правоохранительной системы.

Как представляется, при проведении сопоставления исторических инвариантов с идеальным типом, внимание должно быть обращено на фактический материал, характеризующий все составляющие элементы правоохранительной системы:

– на общие черты генезиса правового сознания, нашедшие отражение в мифологии индоевропейских народов и философии античности и средневековья (концептуальная составляющая);

– на выделение дифференцированных норм права из системы мононорм и их дальнейшую специализацию по отраслям на примере римского права с учетом степени его рецепции и соответствующего влияния на особенности формирования европейских правовых систем Нового времени (нормативная составляющая);

– на общие черты и особенности формирования социальных и политических институтов, осуществлявших правоохрану. К ним следует отнести старейшинство, жречество, народные собрания, вождество – в архаический период; судебную и административно-правовую систему Древнего Рима в классический и императорский период; сочетание местных (представленных судьями знатоками права (рахинбургами) и феодалами с правами судебного иммунитета) и королевских судов в средневековье; подвергшиеся централизации судебные и созданные заново административно-полицейские институты государства в период абсолютизма (организационная составляющая);

– на эволюцию процессуальной технической стороны деятельности лиц и органов, выполняющих правоохранительные функции при переходе от общины (социальной системы) к государству (политической

Между тем сложность системного представления обусловлена тем, что это явление не имеет физически выраженной в пространстве и времени целостности. О правоохранительной как определенной системе можно говорить только в гносеологическом аспекте, когда характеристика внутренних и внешних связей и взаимоотношений в процессе обеспечения правоохраны позволяет увидеть или осмыслить в этом явлении социальной жизни целостность со всеми чертами, присущими системе». Правкин И. В. Правоохранительная система в условиях реформирования российского государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 5.

системе), и по мере их дальнейшего развития и специализации (деятельностная, функциональная составляющая системы, которая находит отражение в формах судебного процесса).

Для историка в связи с приведенными определениями возникают взаимосвязанные вопросы: 1) возможно ли говорить о том, что право и правоохрана предшествовали появлению государства? 2) существовала ли правоохрана как система в догосударственный период?

Представляется, что, с точки зрения понимания правоохранительной системы как идеального типа, принцип системности свойственен правоохране имманентно. Представляется также, что элементы правоохраны как системы возникают в догосударственный период внутри первой биосоциальной системы – родовой общины.

В родовой общине формируется институт старейшин и жрецов, который выполняет функцию поддержания нормативного поведения как важнейшего условия стабильности общины. Старейшины и жрецы (часто их функции трудно разделить) следят за соблюдением запретов, массовое нарушение которых может привести к распаду биосоциального коллектива. Запреты представляют собой мононормы[1], они лежат в основе мифологического сознания, синкретичного по своей природе. Человек не выделяет себя из рода и не осознает своих интересов как отдельный от рода субъект. Его защита на этом этапе возможна исключительно как защита рода, в форме кровной мести. Характерно, что институт старейшинства и, в значительной степени, жречества формируется по наследству, т. е. на основе, которую можно определить как биосоциальную. Важную роль в поддержании стабильности рода играет такая институциональная организация коллектива, как народное собрание, которое принимает решения о наказании нарушителей мононорм (как правило, в виде изгнания – лишения права защиты со стороны рода).

Однако на определенном этапе развития и в определенных регионах, где условия оказываются наиболее благоприятными, интересы защиты рода в форме кровной мести вступают в конфликт с интересами защиты территории, на которой обеспечиваются более эффективные

[1] Как считают современные авторы, мононормы имеют более древних предшественников – табу (на кровосмешение, половые связи перед охотой и др.), механизмы которых встроены в естественный отбор и являются скорее биологическими, чем социальными.

формы взаимодействия с природой. Осуществление кровной мести ведет к взаимному ослаблению родов, сокращению числа мужчин, способных защищать территорию от посягательств.

На новый уровень развития выходят (а иногда и просто выживают) те роды, в которых кровная месть подлежит ограничению. Биосоциальные механизмы регуляции начинают вытесняться социальными: советы старейшин при поддержке жрецов, опираясь на решения народных собраний, начинают выносить решения о примирении и ограничении кровной мести. Как отмечает Э. Аннерс, с этого времени можно говорить о появлении примирительного права[1].

Роды, принявшие к соблюдению запреты на кровную месть, объединяются в племена и вступают в период племенной (военной) демократии; начало объединения относится в Европе к 6 тыс. до н. э. и охватывает периоды неолита, энеолита и железного века. Разновременность вступления в период племенной демократии у разных народов дает интервалы в тысячелетия, и этот период растягивается до 6 в. н. э.

Появление примирительного права можно считать началом формирования правоохранительной системы древнейших обществ. Взаимные обязательства ограничивать кровную месть, принятые на себя членами родов, можно рассматривать как первые в истории человечества целерациональные социальные действия[2], которые являются в свою очередь первоэлементами рационального правосознания, правовой культуры.

Примечательно, что появление примирительного права нашло отражение в Ригведе – памятнике, в котором отразилось дохристианское

---

[1] Аннерс Э. История европейского права. – М. : Наука, 1994. – С. 12–14. Аннерс анализирует примирительное право на основе источников, принадлежащих скандинавским народам (См.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975), записанных в XI–XII вв., но мы имеем примеры примирительного права и в более древний период: реформы Тесея в Афинах, характеризуемые современными учеными как синойкизм, объединение 3 триб (Рамнов, Тициев и Люцеров) Ромулом в Риме.

[2] М. Вебер определяет социальное действие как действие, ориентированное на другого человека. Он дает следующую классификацию видов социального действия: ценностно-рациональное действие (основанное на религиозной вере в правильность этого действия); целерациональное действие (сознательно, рационально ориентированное на деятельность другого человека или группы людей; именно целерациональное действие (лежит в основе правовой культуры); традиционное действие (по традиции, обычаю); аффективное действие (в состоянии аффекта).

мифологическое сознание индоевропейцев. В Ригведе содержится представление о вселенском справедливом порядке – rita, rta на санскрите, ritus на латыни, рота на старославянском, – установленном свыше и поддерживаемом богами[1]. Согласно этому порядку, все элементы Вселенной гармонично соединены друг с другом, и разрушать этот порядок – значит ломать гармонию мира, создавать хаос и беззаконие, что недопустимо и наказуемо[2].

С появлением целерационального действия начинает осуществляться постепенная дифференциация мононорм на правовые и религиозные (этические), которая осуществляется в течение тысячелетий, пока они сосуществуют и взаимно обусловливают друг друга. Правовая норма рациональна; религиозная (этическая) ориентирована на традицию и ценности.

Принятое как целерациональное и подкрепленное традицией и религиозным ценностнорациональным действием правило ограничивать кровную месть представляет собой обязательство; оно содержит в себе зародыши уголовно-правовых (если дело касается лишения жизни и имущественного ущерба) и гражданско-правовых (если речь идет о похищении женщин) норм[3].

Субъектами примирительного племенного права по-прежнему остаются коллективы – роды и племена, правосознание еще на тысячелетия сохраняет представление об ответственности рода за сохранение порядка и стабильности. Однако нарушения запретов требуют расследований в отношении конкретных нарушителей, в ходе которых зарождается понятие индивидуальной ответственности. Оно – естественный результат процесса генезиса коллективного правосознания и порождение динамической составляющей правоохранительной системы. При определении ответственности индивида не рассматривается субъективная сторона, так как представление о личности не развито. Техника расследования и система доказательств отражает особенности правовой культуры: важнейшим подтверждением правоты истца считалось соприсяжничество. Процесс в целом имеет черты религиозного

---

[1] См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный конгресс славистов. Доклады советской делегации. – М., 1978.

[2] Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. – I. 133.1; Ригведа. Мандалы IX–X. – М., 1999. – IX. 73.6.

[3] Аннерс Э. История европейского права. – М. : Наука, 1994. С. 12–14.

ритуала, основан на ценностно-рациональном и традиционном действии; в нем сохраняются представления о коллективной ответственности членов рода. В дальнейшем, по мере выделения личности, начинают приниматься индивидуальные свидетельские показания.

Расследования проходят на народных собраниях (эклессия, апелла, комиции, тинг, фолкмот и др.) и охватывают, в силу примитивной техники, объективные стороны содеянного, не затрагивая субъективных. Они представляют собой первую форму судебного процесса – состязательную (обвинительную). Эта форма является общей для всех народов на начальной стадии развития. По мере развития государственности народные собрания передают судебные функции жрецам (авгурам и частным судьям в Риме, архонтам-эпонимам в Афинах и т. п.), оставляя в своей юрисдикции самые важные дела.

Можно предположить, что постепенно из примирительного племенного права возникают императивные нормы: решение об обязательстве принимается народным собранием как высшим органом и имеет принудительную силу по отношению ко всем членам племени. Принудительную силу получают и древние нормы архаического периода, которыми законодательно вводилось деление на сословия, приписываемые героям – вождям, основавшим города-государства – Тесею и Ромулу.

В полисах с республиканской формой правления (демократические Афины, аристократическая Спарта, Древний Рим) народные собрания принимают решения, в которых закрепляются приоритетные права и обязанности членов тех или иных племенных союзов по отношению к членам других союзов (например, решения куриатных, а затем центуриатных комиций в Риме о предоставлении прав квиритов союзническим племенам).

Народные собрания начинают делегировать некоторые полномочия (империй) отдельным лицам, занимающим выборные должности, – магистратам.

Вместе с тем по мере развития индивидуального сознания и социального расслоения внутри родовой общины ее члены по собственной инициативе вступают в имущественные и договорные отношения, которые регулируются нормами, творимыми самими участниками оборота. Эти нормы в перспективе своего развития будут названы диспозитивными. К ним относятся такая известная по архаическому римскому праву форма восстановления права собственника на изъятую вещь, как виндикация, и такая древнейшая форма договора, как нексум

(самозаклад). Изначальную автономность гражданского оборота и гражданского права подчеркивали многие историки права – Г. Пухта, Н. Л. Дювернуа, И. А. Покровский[1].

Представляется, что оба вида норм развиваются параллельно, и определить, который из них первичен, весьма затруднительно.

Примечательно, что древняя индоевропейская мифология (в Ригведе) символически отразила образы двух верховных богов, охраняющих порядок во Вселенной. Это боги Митра и Варуна, олицетворяющие диспозитивные и императивные нормы в сознании индоевропейских народов. Как отмечает Ж. Дюмезиль, существование этих богов прослеживается в мифологии Индии, Ирана, Греции, Рима и Скандинавии[2]. Оно наличествует и в славянской мифологии. Велес (аналог Митры) покровительствует торговле, скотоводству, он гибок, благожелателен, не причиняет зла живым существам; Перун (аналог Варуны) жестоко наказывает за нарушение закона.

Необходимо подчеркнуть, что рассмотренные выше процессы характерны для тех протогосударств, в которых сохранялась родоплеменная знать, являвшаяся, наряду с народными собраниями, институциональным компонентом правоохранительной системы. Эти государственные образования возникли на Средиземноморских землях, наиболее пригодных для развития цивилизации.

В отличие от стран Западной Европы, где охрана порядка опиралась на суды, представленные сохранившейся племенной наследственной аристократией, правоохранительная деятельность у восточных славян осуществлялась военной администрацией и была привязана к месту расположения княжеской дружины – двору князя. Современные историки отмечают, что институт старейшин и жрецов в Северо-восточной Руси не прослеживается с IX века[1] в силу того, что в процессе так называемого «Расселения славян», ставшего завершающим этапом «Великого переселения народов», племенная знать ассимилировалась, утрачивала свои позиции и уступала место служилой знати, формировавшейся по принципу личной преданности князю-предводителю.

---

[1] См. Пухта Г. Курс римского гражданского права М., 1874. Т. 1; Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней Руси. М., 1869, С. 12; Покровский И. А. История Римского Права. – Издание 3-е, испр. и доп. – 1917 // URL: Allpravo.Ru.

[2] Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 43; См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 61–62.

Поэтому при выполнении правоохранительных функций князь опирался не на суды, представленные старейшинами, а на ратных служилых людей в лице своих дружинников (вирников, мечников, гридинов и др.). Они помогали общине вести поиск виновных и осуществляли сбор судебных пошлин. Служилая знать превращалась в наследственную, сливаясь с ближайшими родственниками князя, концентрируясь в основанных князьями городах – военных укреплениях, которые отстояли от прежних племенных городищ на определенное расстояние. Исключение составили земли Новгорода и Пскова, в которых автономная от выборного князя судебная власть существовала до включения этих территорий в состав Московского государства в конце XV – начале XVI вв.

Эти особенности генезиса правоохранительной системы, сложившейся у восточных славян, сохранялись и в последующем ее развитии, стали исторической предпосылкой относительной слабости сословно-представительных органов в период развитого Средневековья, способствовали становлению и укреплению самодержавия. Отсутствие самостоятельной судебной власти, ее опора на военную администрацию формировали тип правосознания, в котором право отождествлялось с силой и принуждением.

А. Г. Хабибулин[1],
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и
права и политологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

К. Р. Мурсалимов[2],
доцент кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

25-летнее развитие Конституции Российской Федерации позволяет проследить тенденции политико-правового развития в постсоветский период, а также перспективы последующего развития государства и права. Неизбежность наступления грядущего дает понимание того, что на его приемлемость для российской цивилизации нужно активно влиять, а течение времени, связывающее воедино советскую и постсоветскую историю, позволяет осуществить анализ развития юридической науки и предложить на перспективу фундаментальные идеи, учитывающие системность научных знаний.

Очевидно, что теоретико-исторические науки о государстве и праве находятся в наибольшем концептуальном взаимодействии с политологией, социологией, экономикой и другими общегуманитарными науками, которые должны участвовать в планировании развития Российской Федерации, предлагая органам государственной власти и местного самоуправления пути совершенствования современной действительности. Однако их участия в жизнедеятельности страны очевидно не достаточно. Поэтому Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации12 декабря 2013 г. поручил Правительству Российской Федерации

[1] © Хабибулин А. Г., 2018.
[2] © Мурсалимов К. Р., 2018.

совместно с Российской академией наук провести корректировку перспективных направлений развития науки и техники, сосредоточившись на финансировании фундаментальных исследований и программ с длительным горизонтом реализации, обозначив эту работу в качестве общенациональной задачи[1].

Большой потенциал в разработке перспективной модели Российского государства и права имеет философская наука, которая до 1991 г. играла важную роль в жизнедеятельности страны (разрабатывала государственную идеологию), но после крушения СССР доминирующее значение получили управленцы и бизнесмены, культивирующие идеи либерализма и прав человека. В советской юридической науке господствовала материалистическая теория права, которая строилась на классовом подходе марксизма-ленинизма, что в условиях правового централизма признавалось единственно верным. Пожалуй, венцом советского правоведения стало издание в 1970–1973 гг. монументального четырехтомного произведения-эпопеи «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», представляющая определенный интерес для современников (в последующем отечественная наука ничего подобного не аккумулировала)[2]. Между тем эта теория строилась еще и с учетом нормативного правопонимания и догматов позитивистской концепции. В отношении прочих юридических доктрин, ранее развивавшихся профессурой русских университетов и учеными из зарубежья, применялся критический подход.

Впрочем, еще в довоенный период стали создаваться условия для проникновения в советскую юридическую науку исторической концепции права. Так, перед самым началом Великой Отечественной войны в образовательных программах появился курс «Истории государства и права СССР». Одним из его основоположников стал С. В. Юшков, подготовивший в 1940 г. первый советский учебник[3].

Далее изданием в СССР в 1967 г. русскоязычного перевода книги французского компаративиста Рене Давида «Основные правовые системы современности» были заложены основы для проникновения в

---

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г // Российская газета. – 13 декабря 2013 г.

[2] Марксистско-ленинская общая теория государства и права : в 4 т. – М., 1970–1973.

[3] Юшков С. В. История государства и права СССР : учебник для юрид. институтов. Ч. 1. От древнейших времен до Февральской революции 1917 г. / под ред. С. Ф. Кечекьяна. – М., 1940.

отечественную науку социологического правопонимания. «Концептуальный изъян» в материалистической доктрине был заложен разрабатываемой категорией «правовая система общества». Она во второй половине 80-х годов XX века разрушала формально-логическую методологию, закладывая в профессиональном мышлении представление об общественном характере генезиса права и его месте в социальной системе государства. Также изучение в СССР в 1970–1980-х годах проблем правового воспитания и правового сознания неизбежно вызывало интерес к психологической доктрине права[1]. И в результате уже к концу 1980-х годов стало очевидным, что превосходство одной школы права над другими имеет исключительно идеологический характер.

Таким образом, к моменту отказа отечественной юридической науки от превалирования материалистической теории уже были сформированы предпосылки для перехода к правовому плюрализму, к формированию общей теории государства и права, учитывающей все классические правовые доктрины. Это произошло в 90-х годах XX века, что привело к возникновению синергии права. Синергия права – это явление, вызванное всесторонним использованием в теоретико-исторических науках о государстве и права различных теорий правопонимания, позволившее в условиях их взаимодействия (взаимного дополнения) сформулировать общую теорию государства и права, объективно отражающую взаимообусловленность различных правовых категорий в правовой системе общества и за ее пределами (в рамках социальной системы). Такого результата невозможно достичь, применяя одну или несколько правовых концепций по отдельности, так как желаемый результат достигается только путем аккумуляции всех классических доктрин, ранее апробированных юридической наукой.

Правовой плюрализм в 90-х гг. XX в. являлся основополагающей идей развития отечественной науки, позволил устранить атавизмы правового централизма, более свободного заимствовать концепции и категории из общегуманитарных наук, формулировать правовые конструкции, используемые, например, в сравнительном правоведении[2] и

---

[1] Рябко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / отв. ред. М. Н. Кулажников. – Ростов н/Д, 1969; Баранов П. П. Проблемы правового воспитания граждан СССР в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1979.

[2] См.: Иванников И. А. Сравнительный метод в правоведении: история и современность // История государства и права. – 2013. – № 9. – С. 35–38.

претендующие на кристаллизацию в теории государства и права (например, правовой массив, правовой комплекс). Практическим результатом популяризации идей юридического плюрализма стал их учет при разработке Конституции Российской Федерации.

Политическая революция «сверху», начатая по инициативе М. С. Горбачева, первоначально реализовывалась под революционным лозунгом «Вся власть Советам». Имелось в виду, что функции государственного управления, ранее находившееся в руках партийных комитетов, вертикаль которых пронизывала всю страну, будут переданы возрождаемым полновластным Советам. Политическое руководство СССР обеспечило Съезд значительными полномочиями, обозначив, что Верховный Совет РСФСР вправе принимать участие в рассмотрении любого вопроса, вторгаясь в поле деятельности правительства и региональных властей. Конституцией РСФСР 1978 г. предусматривалось, что «Верховный Совет РСФСР правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР и настоящей Конституцией к ведению РСФСР» (ст. 104)[1].

Однако в условиях 1990–1991 гг. всевластие Съезда серьезным образом не отражалось во внутриполитической жизни России. В стране был запущен процесс жесткого политического противостояния между ветвями власти. Действующая тогда Конституция 1978 г. с учетом внесенного в нее массива поправок не смогла выполнить одну из главных функций: поддержать стабильность в стране в условиях тяжелейшего кризиса, четко разграничить полномочия и права политических институтов, предотвратить силовой вариант решения конфликта. Она стала препятствием на пути к демократизации общества и осуществлению непопулярных, но нужных преобразований.

Основной Закон 1993 года провозгласил президентскую республику, что в условиях социальных и политических потрясений должно было придать России большую устойчивость, повысить сопротивляемость к разрушительным тенденциям, вызванным слабостью государства в переходный период. Президентская форма правления целиком себя оправдала, особенно тогда, когда в начале нового столетия на повестку дня был поставлен вопрос выживания Россия как единого и независимого государства.

Одним из результатов политики правового плюрализма, в том числе в конституционно-правовой сфере стало то, что при его помощи

---

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

была расширена область знаний, относимых к юридической науке. В начале постсоветского периода «формально-логический занавес», отделявший юриспруденцию от философии, социологии, политологии, этнологии, антропологии и других общегуманитарных наук открылся, и возникла иллюзия того, что доктринальное пространство права практически бесконечно[1], достигая всего, где встречается регулирование общественных отношений или ведутся дискуссии о праве (таковы были реалии времени). В сфере теоретико-исторических наук получили распространение научные направления «философия права», «социология права», «политика права», «этнология права», «антропология права», «юридическая семиотика» и другие.

Самое интересное, что в 2000-е годы расширенное понимание юриспруденции представлялось вполне нормальной актуальной тенденцией (трендом), выступая результатом правового либерализма. Однако такое правопонимание не прошло проверку временем, так как в данной вариации юридическая наука плавно сливалась с общегуманитарными. В этом случае пришлось бы, например, менять структуру основных образовательных программ, осуществляя подготовку кадров в области гуманитарного правоведения, а не юриспруденции. Такой путь неестественен, нарушая логику развития отечественной науки. Поэтому уже к началу 2010 г. сформировалось представление об области правовых знаний, которая шире той, что ранее была предначертана формально-логической методологией за счет использования различных теорий правопонимания и методов познания[2], но не бесконечна. Поэтому обозначенные выше научные направления, например философия права или социология права, являются частью «материнских наук», т. е. их разделом, в котором они сформировались (соответственно, философии и социологии), и эти направления могут приращивать методологию теории государства и права, но никак не ее предмет[3].

В настоящее время завершается постсоветский период истории отечественной юридической науки. Право и правовая система России в целом практически перестала быть постсоветской, освободившись от

---

[1] См.: Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40; Черненко А. К. Философия права. Новосибирск, 1998.

[2] Джамалова Э. К. Некоторые проблемные вопросы теории и практики методологии научных историко-правовых исследований // История государства и права. – 2013. – № 9. – С. 47–49.

[3] Мартышкин О. В. Нужна ли философия права как самостоятельная юридическая дисциплина? // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 20–28.

обусловленностей социалистического развития, перестроившись под реалии капиталистического развития, где частная собственность выступает доминирующим фактором развития общественных отношений. И 25-летний период развития Конституции Российской Федерации является доказательством того, что современное Российское государство и право состоялось. Происходит формирование правового рационализма, выражающегося в освобождении от либералистских иллюзий, от преклонения перед западной традицией права и нивелирования собственных. Продолжается и конституционное реформирование. Как справедливо отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Жизнь не стоит на месте, и конституционный процесс нельзя рассматривать как окончательно завершенный... Точечные коррективы других глав Основного Закона, идущие от правоприменительной практики, от самой жизни, конечно, возможны, а порой – необходимы»[1].

Действующая Конституция Российской Федерации принципиально отличается от прежних актов конституционного законодательства СССР и России.

Конституция СССР 1977 года и РСФСР 1978 года (с учетом поправок, внесенных в 1989–1993 гг.) содержали в себе «элементы революционного прошлого», призванные подчеркивать то, что истоки советского политического строя берут свое начало в Октябре 1917 года, когда народы России сделали исторический выбор в пользу социализма. Введенные в Основной Закон больше по идеологическим, чем по прагматическим причинам, лозунги революционной поры показали свою несостоятельность в период, когда государство развивалось в нормальном режиме. Эти принципы («право нации на самоопределение» и «вся власть советам») сыграли на руку тем политическим силам, действия которых могли подвести нашу страну к опасной грани гражданского противостояния.

Конституция Российской Федерации 1993 года несет в себе новые ценности и ориентиры политического и социально-экономического развития, в центре которых стоят основные права и свободы человека. Конституция России создана с учетом современных идей конституционализма, таких как свобода, гуманизм, права личности, разделение властей, представительная форма правления. На основе Конституции выстроена новая система организации публичной власти, конституци-

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г.

онные механизмы, препятствующие возрождению тоталитарного общества и государства и способствующие защите прав граждан от произвола со стороны государства. Теперь Конституция служит одним из важнейших инструментов проведения политических и экономических реформ, создания гражданского общества, рыночной экономики.

Однако Конституция изначально рассматривалась как переходная, определяющая новые конституционные ориентиры. Но довольно скоро стала все увереннее звучать позиция о необходимости полноценной реализации положений Конституции 1993 г., использования всего ее ресурса без ее реформы.

Вместе с тем ни одна конституция не является совершенной. Трудно представить себе исчерпывающий перечень вопросов, требующих конституционного регулирования, тем более что он зависит от многих условий: исторических, социально-политических, целевого назначения конституции, степени зрелости общественных отношений и др.

В этой связи высказывались различные точки зрения о необходимости внесения изменений в Конституцию Российской Федерации. Так, А. Д. Керимов полагал, что «реформа Конституции Российской Федерации (равно как и изменение утвердившейся на ее основе конституционной практики государственного управления) давно назрела»[1]. В. Е. Чиркин, отмечал непригодность некоторых конституционных положений, считая, что «Конституция Российской Федерации нуждается в поправках, хотя таким путем вряд ли удастся решить многие принципиальные вопросы»[2]. Среди ученых высказывались мнения, что внесение изменений в Конституцию недостаточно и необходимо принятие новой Конституции. А. Глухова отмечала, что современная Конституция Российской Федерации «осталась в тех же политико-правовых рамках, что и в момент своего принятия»[3], возникли определенные основания для принятия новой. С. А. Авакьян полагал, что «Конституцию России следует не поправлять, а менять»[4].

---

[1] Керимов А. Д. Проблемы конституционной реформы и государственного строительства в России. М., 2003. С. 4–5.

[2] Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. – М., 2004. – С. 7.

[3] Глухова А. Последний День Конституции // Коммуна. 2004. 16 декабря.

[4] Авакьян С. А. Конституцию надо не поправлять, а менять // Российская Федерация сегодня. – 1999. – № 5. – С. 34; Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. Лекция. – М., 2000.

Необходимо отметить, что ряд изменений внесен в Конституцию Российской Федерации, в том числе с учетом вышеназванных позиций. Так, приняты «Законы Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы»[1], от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации»[2], от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»[3], от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[4].

Однако становление российской правовой государственности возможно в условиях стабильности и устойчивости политико-правового развития. Конституция должна сохраняться как Основной закон, как ядро правовой системы государства, содержащее принципиальные положения. К таким положениям относятся признание и гарантирование прав и свобод человека, сохранение исторически сложившегося единства государства, гарантии гражданского мира и политической стабильности. Основополагающим является также разделение властей и требование их согласованной работы как основы федеративного устройства государства. Все эти принципы составляют суть Конституции, и они должны оставаться неприкосновенными.

Вместе с тем Конституция не может считаться абсолютно неприкасаемой, иначе из инструмента развития она может стать причиной стагнации, консервации оказавшихся неэффективными институтов. Существует диалектическое единство между двумя противоположностями: необходимостью стабильного состояния Основного закона и одновременно необходимостью внесения в него поправок, изменений, диктуемых самой жизнью.

Отправные начала, заложенные в Конституции Российской Федерации 1993 года, определили приоритет прав и свобод человека и гражданина перед интересами общества и государства. По сути, произошел переход от марксистко-ленинской теории права к правопониманию, ориентированному на либеральные, естественно-правовые ценности.

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1.

[2] Там же. 2009. № 1. Ст. 2.

[3] Там же. 2014. № 6. Ст. 548.

[4] Там же. 2014. № 30. Ст. 4202.

Легистский подход в теории права сменился многообразием концепций правопонимания, признающих право высшей ценностью по отношению к обществу и государству.

Таким образом, Конституция 1993 года позволила сформировать политико-правовое поле, основанное на общенациональном единстве и социально-политической консолидации, которые являются базовыми ценностями современной России, а также необходимыми условиями для полноценного стабильного развития государства.

А. С. Чувальникова[1],
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРИЯ, ДОГМА И ИСТОРИЯ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Анализируя довольно широкий круг методологических проблем современной юридической науки[2], можно прийти к выводу о том, что их корнем (если и не всех проблем, то, во всяком случае, многих) является неясность вопроса о соотношении теории права и правовой практики.

Чем определяется выбор той или иной методологии юридического исследования? Какая роль в решении вопросов методологии отведена философии права? Как должно происходить взаимодействие теории права и правовой практики: «от теории к практике» или «от практики к теории»? Одним из путей решения этих и многих других вопросов, на наш взгляд, может стать выяснение действительного соотношения теории, догмы и истории права, поскольку именно оно дает представление о том, какие средства познания соответствуют уровню методо-

---

[1] © Чувальникова А. С., 2018.

[2] См.: Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М. : Аванта+, 2000; Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011 и др.

логии юридической науки, а какие играют своего рода «обеспечивающую», «подготовительную» и «вспомогательную» роль по отношению к процессу научного познания.

Полагаем, что роль «истории» права в рассматриваемом соотношении «зависимая», поскольку определяется решением более спорного вопроса о действительном соотношении «догмы» и «теории» права, возникающего по причине того, что наиболее общие и универсальные закономерности, составляющие предмет теории права как фундаментальной юридической науки, очень часто интерпретируются как неизменные постулаты, которые не могут быть оспорены и подвергнуты сомнению. Некоторая «сумма» таких постулатов образует так называемую «догму» права, в связи с чем и саму «теорию» нередко отождествляют с ней, полагая, что теория может существовать только как догма.

Подобное представление о «фундаменте» юридической науки подверглось наиболее убедительной критике социологической школой права и обнаруживает ряд заблуждений, осознание которых может помочь установить необходимые ориентиры для правильного понимания роли «теории» и «догмы» права по отношению к методологии юридической науки.

Основными в ряду рассматриваемых заблуждений следует назвать: а) признание догмы права, не изменяющейся с течением времени, частью юридической науки; б) подмену научных законов и закономерностей бездоказательными утверждениями, опирающимися на действующие в соответствующий период времени принципы права и описание (в том числе, с обобщениями) текущего законодательства.

Относительно первого заблуждения можно высказать предположение о том, что само его появление, равно как и весьма устойчивое его воспроизводство в юридической науке, вероятно, связано со смешением понятий религиозного и научного сознания, принципиальная разница между которыми определяется возможностью опоры религиозного знания, убеждений и т. п. на такие способы аргументации, которые основываются на безусловном принятии (вере, эмоциональной аргументации) неизменных религиозных догматов либо невозможностью использования подобных способов аргументации в силу ограниченности процесса научного познания средствами рациональной аргументации.

У подобной точки зрения есть свои исторические предпосылки. В частности, тот факт, что первые юридические университеты появляются в Европе в эпоху заметного влияния христианской церкви, дает нам основания полагать, что восприятие в рамках религиозного мироощущения догматов веры как непреложных и абсолютных истин было вслед за схоластической традицией перенесено в область юриспруденции.

При этом в условиях возрождавшегося в первых университетах интереса к изучению источников римского права правовые принципы, формулы и сентенции римского права были восприняты религиозным мироощущением в качестве непреложных законов подобных религиозным догматам церкви.

В последующем с формированием преимущественно секуляризованной культуры место религиозного мироощущения в общественном сознании в значительной мере заняла политическая идеология, механизмы воспроизводства которой во многом опираются на присутствующие в общественном сознании религиозные основания[1]. Тем самым у «догмы права» сохранился устойчивый механизм ее воспроизводства в качестве некоторой «суммы» непреложных истин, сформулированных обыкновенно в виде правовых принципов, которые фактически заменили собою представление о закономерностях теории права, произведя своеобразную подмену «сущего» в праве «должным».

В связи с этим не случайным может показаться тот факт, что подобное отношение к догме права и замена ее постулатами закономерностей теории права особенно характерны для советской юридической науки, пережившей достаточно длительный период идеологического влияния[2], а также для юриспруденции в других странах в период обострившегося идеологического противостояния[3], сказавшегося, в первую очередь, на методологических и мировоззренческих (философских) основаниях юридической науки.

---

[1] См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография / А. И. Клименко. – М. : Норма, 2017. С. 103–118.

[2] См., например: Анисимова И. И. Синтез коммунистической идеологии и традиций российской государственности в политико-правовых идеях А. Я. Вышинского : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2012; Мушкин А. Е. Марксистко-ленинская критика идеологии анархизма по вопросам государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1956 и др.

[3] См., например: Акчурина Н. В. Государство в идеологии австрийской социал-демократии: критический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981.

Однако представляется, что подобного рода влияние не явилось единственной причиной замены доктринальной юриспруденции догмой права. Обращаясь сегодня к работам дореволюционных философов и юристов, мы можем увидеть развернувшуюся на рубеже XIX–XX веков дискуссию, затрагивающую методологические проблемы юридической науки и обнаруживающую весьма существенные противоречия, вставшие особенно остро при появлении социологического подхода к праву.

В частности, проблемы методологии юридической науки получают интересную интерпретацию в работах С. А. Муромцева, который с позиции социологического позитивизма представил взгляд на соотношение юридической науки (теории), догмы права и истории права через характерное для позитивистов сравнение «статики» и «динамики» в праве: «Юридическая статика есть часть юридической науки, догма права есть часть юридического искусства. Статике предстоит исследовать законы сосуществования, догма же лишь описывает, обобщает, определяет и классифицирует, т. е. занимается теми процессами, которые ничего общего с исследованием законов не имеют. В догме нет ничего индуктивного и ее обобщение – это обобщение понятий и предложений; в самой догме нет и силлогизма, и строить их приходится лишь юристу-практику, когда отдельные догматические положения он применяет к разрешению казусов»[1]. При этом, по мнению выдающегося русского правоведа, «только через посредство исторического изучения можно прийти как к динамике, так и к статике»[2].

В этих размышлениях С. А. Муромцева, во-первых, обнаруживается постановка методологической проблемы, рассматриваемой современными исследователями с точки зрения взаимосвязи доктринальной, догматической (схоластической) и практической юриспруденции[3], а, во-вторых, указывается на особую роль истории права как для

---

[1] Муромцев С. А. Что такое догма права? // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 20.

[2] Муромцев С. А. Что такое догма права? // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 20.

[3] См.: Варламова Н. В. Философское основание юридической догматики // Государство и право на рубеже веков (материалы Всероссийской конференции). Проблемы теории и истории. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 2001; Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. – 2000. – № 3; Жуков В. Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фун-

теории (доктринальной юриспруденции), так и для догмы права (юридического искусства – догматической юриспруденции), а через него и для правовой практики (практической юриспруденции).

При этом, если сама правовая практика, также как и история, являющаяся «динамикой права», служит открытию законов и закономерностей доктринальной юриспруденцией (теорией права), то сама история права «обыкновенно <…> может служить лишь к проверке законов. К открытию законов приводит история, взятая в целом и, в частности, историко-сравнительное исследование»[1].

Отмечая актуальность этих размышлений выдающегося русского правоведа, нельзя не обратить внимание на то, что подобный взгляд на соотношение теории, догмы и истории права проистекает из социологического подхода к задачам юриспруденции как науки.

Соглашаясь с тем, что «сегодня социологическое правопонимание актуально как никогда»[2], вместе с тем нельзя не признать того, что независимо от избранного типа правопонимания, попытаться усмотреть в непростом взаимодействии теории, догмы и истории права не механическую зависимость, а действительно сложную и органичную взаимосвязь, выстраивающую методологию научного исследования, позволяет осознание юридической науки в качестве открытой системы знаний о праве, находящейся в процессе непрерывного воспроизводства и развития, подчиненного не законам позитивного права, идеологии и т. п., а своим внутренним законам научного познания.

даментальной юриспруденции // Государство и право. – 2015. № 2; Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. – М. : Юрлитинформ, 2011 и др.

[1] Муромцев С. А. Что такое догма права? // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 18.

[2] Немытина М. В. Российское правоведение: поиск образа права // Немытина М. В. Право России как интеграционное пространство. – Изд. 2-е, перераб. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 29.

В. С. Анисимова[1],
слушатель 5 «Л» курса факультета подготовки сотрудников для
органов предварительного расследования (дознание),
520 учебного взвода

ТИПОЛОГИЯ ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

При огромном количестве теорий происхождения права, важно учитывать, что право, как определенный свод правил и норм, формируется, прежде всего, на государственном уровне. Таким образом, к праву, как и к государству, в равной степени применим исторический подход, так как основы возникновения права тождественны основам зарождения государства, ввиду естественного исторического развития общества.

В общетеоретическом и практическом аспектах, важность определения типологии права основывается на ее теориях, которые являются ключевыми для понимания исследуемых явлений и хронологии их формирования. Кроме того, значение типологии, заключается в том, что с помощью нее решаются задачи обобщения и осмысления материала, накопленного в правовой науке.

Определение типологии права позволяет глубоко и всестороннее познать природу и сущность права и правового сознания как феноменов, обладающих универсальными и постоянными характеристиками.

Типология – это значимое средство усиления содержательности знаний данных правовых понятий, оно дает возможность избегать отвлечения от черт, не имеющих существенного значения для понимания современного права.

Под историческим подходом к типологии права следует понимать важнейшую и, в первую очередь, методологическую основу, определяющую особый единый знаменатель и логику исторической динамики. Исторический подход – это прием научной систематизации историко-правовых знаний, условное деление исторического процесса развития права (его форм и институтов) на определенные хронологические периоды (ритмы, колебания, фазы, волны, циклы), измеряемые количеством исторических событий в единицу календарного времени.

---

[1] © Анисимова В. С., 2018.

Исторический подход объективно необходим. Невозможно приступить к типологии права без фактического материала, который накоплен временем, историей[1].

Следует выделить основные аспекты, определяющие значимость исторического подхода к типологии права:

1. Исторический подход к типологии права предполагает осознание внутренней логики и закономерности исторического формирования права. Особенную значимость имеют определенные типы государства и права, которые исторически сопряжены с современным государством и правом, определенным историческим преемством. На основе данного преемства происходит осознание причины перехода одного типа к другому, а также возможно некое прогнозирование будущего развития права;

2. Он создает предпосылки для формирования детального понимания процесса исторического развития рассматриваемых явлений и последовательного перехода от одного типа права к другому;

3. Он способствует формированию важных предпосылок для обобщения и систематизации материала, а также для его анализа;

4. Он дает возможность логично совместить изучение наиболее значимых закономерностей развития права и государства как социальных институтов и специфических черт права и государства определенного типа[2];

5. Он также дает возможность научного проникновения в глубинные слои исторического развития права.

Таким образом, развитие права представляет собой составную часть развития человеческого общежития. А определения типов правовых систем, в свою очередь, являются составной частью познания всего исторического процесса.

Типология дает возможность анализировать все происходящее, выявлять «плюсы» и «минусы» той или иной ситуации, сложившейся в

---

[1] Строева О. А. Типология права и правосознания: теоретико-правовая характеристика // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 134–137.

[2] См.: Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. :ТК Велби, Проспект, 2004. – С. 166–177; Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И., Лановая Г. М., Сидорова Е. В. История и методология юридической науки. – М., 2013; Сидорова Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции советского государства, 1917–1941 гг. (историко-правовое исследование) : дисс. … канд. юрид. наук. МосУ МВД России. – М., 2002.

определенный исторический период. То есть типология вырисовывает реальную картину происходящего и с правом, и с государством.

Более того, с помощью типологии определяются самые главные, движущие силы процесса исторического развития права, основными из которых являются, по мнению сторонников формационного подхода, материальные, производственные отношения, то есть экономический базис.

Много споров ведется по данной проблеме, ведь у формационного подхода есть очень много явных недостатков, поэтому многие склоняются к цивилизационному подходу. А, например, известный русский ученый А. А. Ушаков утверждал, что в основе определения типов права лежит историко-эволюционный принцип, в котором главное место принадлежит хронологическому признаку[1].

Но в этом и заключается польза типологии, она заставляет думать, подвергать сомнениям то, что на первый взгляд является абсолютно истинным. Яркий пример: очень скрупулезному анализу подвергаются элементы марксистской типологии права, связанной с анализом различных типов права в соответствии с разными социально-экономическими формациями[2].

Поэтому для того, чтобы хорошо разбираться в современной действительности необходимо не забывать о типологии, которая является «альфой и омегой» любой науки, в том числе теории государства и права. Особенно это актуально в настоящее время, когда ответ на вопрос о причинах происходящего в современном мире, мы можем отыскать в прошлом, основываясь на типологии, особенностях права и правовых систем того или иного периода.

Таким образом, типология права выступает методом научно-юридического познания, основой которого заключается в теоретическом

---

[1] Реутов В. П. А. А. Ушаков о типологии государства и права // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2009. – № 2. – С. 52; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201; Гарашко А. Ю., Степанюк В. И. Диалектика противоречий государства, гражданского общества, личности // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 40–43; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т. 6. – С. 442.

расчленении правового понимания в качестве целостного системного явления на компоненты и группировка этих компонентов по типам.

Среди большого числа подходов к типологии права, которые имели место в истории теории государства и права, считаю одним из самых важных, является именно исторический подход.

А. И. Гаранина[1],
курсант 4 курса 418 взвода международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуется сущность, природная и социальная ценность прав человека, их эволюция со времен античности до нынешних дней. Автором отмечаются наиболее значимые рубежи развития прав человека, а также философско-правовой мысли, занимающейся исследованием данной категории прав. Уделено внимание выявлению общих особенностей и тенденций развития прав человека в различные эпохи мировой истории. Очевиден тот факт, что доктрина прав человека будет оставаться важнейшим ориентиром и в современных условиях, хотя несомненно будет еще не раз подвергаться изменениям, в соответствии с меняющейся обстановкой в мировом сообществе.

Субъективные права были присущи личности с эпохи первобытного общества, как результат ее самоопределения в племени, роде, к которым она принадлежала. Однако, в силу господства над человеком рода (общины), ограничений в свободе выбора действий, речь здесь не ведется об отчетливо выраженных на раннем этапе субъективных правах. Кроме того, правила, регламентирующие в тот период взаимоотношения между членами рода, невозможно соотнести ни с нормами морали, ни с религиозными нормами, ни с нормами права. В более поздний период истории первобытного общества (в так называемых «протогосударствах»[2]), с упрочением власти родовой верхушки, уровень свободы последней заметно возрастает по сравнению с рядовыми

---

[1] © Гаранина А. И., 2018. Научный руководитель: Гарашко А. Ю., доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

[2] См.: Струсь К. А. Эволюция представлений о содержании категории «правовые основы» // История государства и права. – 2013. – № 9. – С. 50–55.

общинниками. Социализация человека совершенствовалась, но его зарождавшиеся права пока не являлись предпосылками универсальных прав в качестве самостоятельной ценности[1].

В период становления рабовладельческих государств в Европе и Древнем Востоке, вместе с последовательным выстраиванием социальных и личностных взаимоотношений членов общества, все более отчетливо происходило восприятие человеком окружающей действительности и собственной ценности, как существа, с присущими интересами и потребностями.

Формировавшиеся рабовладельческие отношения разделяли представителей общества и на Западе, и на Востоке по месту в структуре производственных отношений, а, следовательно, по степени устанавливаемых долженствований, запретов и дозволений в обществе, общине и семье. Крайними точками отличий, с одной стороны, выступало признание у отдельных субъектов сверхъестественных качеств с безграничными субъективными правами, а с другой стороны, человеческое обезличивание, с лишением его социальных и природных субъективных правомочий, сличением с животными и т. п. Такие различия в отношении к человеку и личности самой к себе, положили начало дифференциации субъективных прав в последующих общественных экономических формациях[2]. Таким образом, «формационный» взгляд

---

[1] Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36; Мамонтов А. Г., Оксамытный В. В., Иванов С. А. и др. Сравнительное правоведение : учеб. пособ. – М., МосУ МВД России. 2013; Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор : монография. МосУ МВД России. – М., 2008; Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Теория государства и права. Базовый курс : учеб. пособ. / под. ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – С. 17–19; Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.

[2] См.: Звонарева О. С. Власть и право: цивилизационный аспект: теоретико- и историко-правовой анализ : дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2009. – 181 с.; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201; Клименко А. И. Система источников права человека // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 3–6.

на возникновение субъективных прав (обязанностей) отдельной личности позволяет увидеть весьма противоречивый и сложный путь формирования права человека в качестве универсальной ценности.

Наряду с этим, уже в древнюю эпоху субъективное право становится (прежде всего, в государствах европейской цивилизации) обособленной, осознаваемой человеком социальной ценностью, которой придается то сакраментальный характер (внеземное, божественное начало), то природный, естественный характер (природное начало, которое отличает человека от прочих живых организмов), то государственно-правовой (обусловлена правовыми предписаниями, велениями государства)[1]. Каждое из таких начал при определении сущности, роли и происхождения прав человека в определенной интерпретации прошло сквозь толщу веков до нынешних дней. Также особое значение приобрели представления древнейших мыслителей о личности в качестве «меры всей вещей», о свободе, о справедливости и равенстве, естественных, данных природой правах человека, о достоинстве как о присущем человеку внутреннем качестве (Демокрит, Сократ, Аристотель, Эпикур, Сенека, Аврелий, Цицерон)[2].

В период Средневековья представления о роли и месте человека в окружающей действительности, о самоценности личности, или же были законсервированы в уже имевшихся воззрениях, или же утеряли естественный гуманистический пафос греко-римской, античной, эпохи. Абсолютизация власти государства, личное, политическое и экономическое бесправие большей части населения в разных уголках планеты предопределили характер развития как субъективных прав,

---

[1] См., например: Гарашко А. Ю. Теоретические аспекты сущности источников права // В сборнике : Законность и правопорядок в современном обществе Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск, 2011. – С. 195–199; Гарашко А. Ю. Особенности системных свойств источников права : дис. … канд. юрид. наук / МосУ МВД России. – М., 2013.

[2] См.: Крашенинников П. В. Времена и право. М. : Статут, 2016. – 256 с.; Давидов Д. С. Исторические предпосылки формирования современной политико-правовой мысли Израиля // В сборнике : Человек и общество в противоречиях и согласии сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции в 2 ч. – Н.Новгород, 2011. – С. 164–170; Гарашко А. Ю., Степанюк В. И. Диалектика противоречий государства, гражданского общества, личности // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 40–43.

так и универсальных прав человека. Тем не менее отдельными духовными и светскими европейскими мыслителями (например, Ф. Аквинским, М. Падуанским) развивались идеи естественных прав личности как высшей ценности, посланной человеку высшими силами и выделяющей последнего из животного мира. Так, воззрения Ф. Аквинского на наделение людей достоинством и естественное право человека на достоинство, послужили значительным вкладом как самого мыслителя, так и христианского гуманизма в целом в концепцию естественных неотчуждаемых прав человека[1].

Качественно иной этап развития прав человека можно пронаблюдать в эпоху Нового времени (в XVII–XIX вв.). Он пришелся в период кризиса феодализма, формирования вначале в Европе, затем в Северной Америке таких капиталистических отношений, которым характерно признание формально-юридической независимости личности, равенства членов общества, разделения власти на взаимно уравновешиваемые ветви, независимости суда, суверенитета народа. В этом перечне особое значение имеют элементы, характеризующие взаимоотношения личности и государства. «Справедливость», «равенство», «свобода» чаще всего провозглашаются в трактатах голландских, английских, французских, американских и немецких просветителей XVII–XX вв. (Г. Гроция, Т. Джефферсона, И. Канта, Д. Локка, Ш. Монтескье, Б. Спинозы и др.). Они основаны на неотделимых от человеческой сущности естественных, природных правах, предопределяющих исходящие от государственных органов предписания (т. е. позитивное право). Тем самым субъективные права, осознаваемые человеком на предшествующих этапах, окончательно трансформируются в «универсальные» права человека как самостоятельную ценность.

Это нашло официальное закрепление в политико-правовых исторических актах периода американской, английской и Великой французской революции XVII–XVIII вв. Так, первая декларация прав личности

---

[1] См.: Права человека / ред. Е. А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М. : 2011. – С. 60; Хазов Е. Н., Егоров С. А., Ларина Л. А. и др. Альбом схем по конституционному праву России : учеб. пособ. – М., 2017; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. – М., 2002; Сидорова Е. В. Феноменологический анализ правовых ценностей // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 4. – С. 11–15; Недобежкин С. В., Милованова Л. В. Реорганизация органов внутренних дел России в период деятельности Временного правительства (февраль 1917 г. – октябрь 1917 г.). – М., 2002.

– Декларация прав Вирджинии[1] (колонии Англии) от 12.06.1776 провозгласила, что абсолютно все люди в одинаковой степени независимы и свободны, обладают такими правами, от которых не могут отказаться ни сами, ни лишить их свое потомство.

Принятая позднее Декларация прав человека и гражданина 1789 года разделяла демократический, ориентирующийся на возвышение основных прав личности пафос преобразований новейшей эпохи. При том она ясно определила круг и сущность базовых прав человека, обусловленность их конституирования, а также разграничила права человека и права гражданина.

Коренные изменения социально-экономических, духовных и политических отношений в европейских странах (а также в государствах, воспринявших европейскую культуру) XVII–XIX вв., с одной стороны, сопровождались демократизацией государства и общества, формированием идеологий правовой государственности, культивированием естественных неотчуждаемых прав человека в общественном сознании в качестве цели государства, но с другой стороны, увеличением роли государства в процессе формирования правопорядка, упорядочением индивидуализма предписаниями, актами государства (т. е. позитивным правом). В таких условиях, со второй половины XIX века, естественное право было потеснено правом позитивным, что, в частности, отражено нормативистской доктриной права XIX–XX вв., а затем социологическим направлением в праве (доктриной «институционализма» и «солидаризма») 20–40-х годов XX века. Отказ от приоритета прав личности в государственной правовой практике, был отражен в установлении тоталитарных и авторитарных политических режимов в ряде крупных государств мира (Италия, Германия, Япония, СССР, и т. д.), сущность которых выразилась в «системоцентристской» модели отношений личности и государства и человека.

---

[1] См.: Арбузов С. Ю. Социальное государство: предпосылки и этапы формирования // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 1. – С. 39–44; Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. – 2011. – № 4. – С. 16–19; Гарашко А. Ю. Проблемы формирования и функционирования суда присяжных в России // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 16–18; Гарашко А. Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике : Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции. – 2011. – С. 301–304; Клименко А. И. Контексты понимания категории «социальное государство» в юридической науке // Право и образование. – 2008. – № 11. – С. 56–61.

В жестоком противоборстве с государствами фашистского тоталитарного режима, в середине XX века, человечество возвратилось к провозглашению естественных прав (но без божественного, внеземного их характера) как общемировой ценности. В тексте Устава Организации Объединенных Наций[1], принятом государствами антигитлеровской коалиции, отмечалось, что народы Объединенных Наций желают вновь утвердить базовые права человека, ценность и достоинство человеческой личности, равноправие женщин и мужчин, равенство прав малых и больших наций и т. д. В развитие Устава ООН 1945 года, в течение следующих десятилетий Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.[2], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.[3], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.[4], а также множество других важнейших документов, указывающих на безусловную ценность каждого человека во всем мире, значение и содержание его основных прав[5].

Сегодня идеология прав человека воспринята большинством государств мирового сообщества, что нашло закрепление в их конституциях, законодательных актах, правоприменительной практике.

Представляется, что развитие прав человека, появление новых видов этих прав будет происходить и в дальнейшем, что связано с непрерывными изменениями в экономической, политической и культурной сфере жизни общества.

---

[1] См.: Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

[2] См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998.

[3] См.: Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994.

[4] См.: Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12, 1994.

[5] См., например: Рязанова Н. А. Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел : дис. …канд. юрид. наук / МосУ МВД России. – М., 2012; Крамской И. С., Лысенко В. А., Рязанова Н. А. К вопросу о дефинитивном ряде понятия «нормативно-правовой акт» // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 199–203.

А. И. Замулаев[1],
инженер информационного центра отделения технического обеспечения учебного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

На сегодняшний день киберпреступность является мировой проблемой, которая предполагает как незаконное завладение денежными средствами, так и различными видами информации. Интернет же в свою очередь несет в себе перемены в области свободы и равноправия, являясь в ком-то смысле и институтом правового и морального воздействия. Сейчас большинство компаний использует безналичные платежи, призванные упростить передачу денежных средств, все это происходит через открытые (не всегда защищенные каналы связи в интернете), либо слабо защищенные каналы связи, поэтому развитие киберпреступности в настоящее время стало очень актуальным, ведь злоумышленники могут завладеть денежными средствами и необходимой им информацией, не выходя из дома.

Киберпреступность – противоправные деяния, осуществляемые лицами, использующими информационные компьютерные технологии для получения материальных благ или духовно-нравственных благ[2]. Принято выделять несколько видов киберпреступности:

- распространение вредоносных-вирусных программ;
- подбор ключей, взлом паролей;
- кражу номеров кредитных карт и других банковских реквизитов;
- распространение противоправной информации (клеветы, порнографических материалов) через Интернет.

Говоря о появлении киберпреступности, стоит заметить, что данное явление зародилось с момента появления первых компьютеров и начинает свою историю с 1960-х годов. Саму историю киберпреступлений можно разделить на два периода:

---

[1] © Замулаев А. И., 2018. Научный руководитель: Иванов С. А., доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

[2] Киберпреступность // Securitylab. URL: www.securitylab.ru/news/tags/.

1. С 1960 г. – до 1990 г. Данный период связан с «физическими» киберпреступлениями. Для того, чтобы завладеть информацией или поразить компьютер, в то время необходимо было физическое воздействие на ЭВМ.

2. С 1990 г. – по настоящее время. Данный период связан с развитием интернета и способностью получения злоумышленниками удаленного доступа к необходимым данным на компьютерах потерпевших[1].

Говоря о первом периоде, следует учитывать, что это период зарождения хакерства и киберпреступности в целом. Данный период характерен тем, что для завладения информацией был необходим прямой, «физический» доступ к ЭВМ с помощью контакта с компьютером.

Одно из первых преступлений, связанных с информационной безопасностью, было совершено в 1960-х годах, когда компьютеры представляли из себя целый комплекс громоздкого оборудования. В тот момент компьютеры использовали в основном для вычислительных операций, причем в основном только в университетах, где это было необходимо. Автор не стал бы утверждать, что в 1960-х годах взлом компьютеров (то, что в настоящее время принято называть хакерством) носил преднамеренный характер, скорее это было ради интереса, науки.

В 1970-х годах хакерство принято связывать со взломом телефонной сети и совершением бесплатных звонков.

1980-е можно назвать годами зарождения хакеров такими, какими мы знаем их сейчас. Можно даже сказать, о зарождении целой культуры хакеров, которая создавала свои тайные общества, свои правила и моральные устои. Одними из первых таких групп были «LegionofDoom» в США и «ChaosComputerClub» в Германии. Тогда был снят первый фильм про хакеров, который назывался «Военные игры». В это время начали публиковаться первые хакерские журналы. Именно в эти годы начались кражи паролей, номеров кредитных карт и другой необходимой информации.

Стоит отметить и то, что 1983-м году, была практически впервые применена правовая норма, регулирующая правоотношения в области компьютерной безопасности. Данная норма была применена к 6 подросткам, которые входили в банду «414», взломавшую за 9 дней 60

---

[1] Киберпреступность: история развития, проблемы практики расследования // Виртуальный компьютерный музей. URL: www.computer-museum.ru/629/.

компьютеров, в число которых входили машины лаборатории ядерных исследований.

Само же развитие нормы получило свое продолжение только в 1986 году, когда конгресс США принял законодательный акт «Computer raudand Abuse Act», в соответствии с которым взлом государственных и корпоративных компьютеров карался лишением свободы. Однако данная норма не распространялась на несовершеннолетних.

В этот же период времени, в 1988 году, в США была проведена первая вирусная атака, которая получила название нападение «Червя Морриса». Данная атака считается одной из самых масштабных из когда-либо существовавших. Саморазмножающаяся программа студента Роберта Морриса поразила более 6000 компьютеров, принадлежащих правительственным и коммерческим учреждениям США, тем самым причинив огромный ущерб[1].

Второй период, как уже говорилось ранее, начинается с 1990 года и длится по настоящее время. Данный период связан с глобализацией интернета и приходом его в повседневную жизнь граждан. Соответственно его можно уже связать с удаленным распространением вредоносных программ и получением удаленного доступа к необходимым данным. В свою очередь, второй период так же характеризуется увеличением мощностей компьютеров и уменьшением их в размерах.

В 1990-х годах, правительство США, озабоченное распространением вредоносных программ, проводит спецоперации, связанные с задержанием хакерских групп, наносящих существенный урон государственным учреждениям. Одна из таких спецопераций под названием «Sundevil» проходила одновременно в 14 городах США и нанесла ощутимый ущерб хакерскому сообществу. Следующее крупное задержание хакеров состоится только в 1995 году, будут арестованы Кевин Митник и Владимир Левин (наш соотечественник). Владимир украл из американского отделения Citibank 10 миллионов долларов, однако 9,6 млн были возвращены, а сам он получил 3 года лишения свободы.

1994 год можно назвать годом крещения хакеров в интернете. В этом году большинство киберпреступников начинают активно использовать веб-пространство – браузеры для общения и обмена информацией.

---

[1] Курицын В. М., Иванова З. Д., Солопанов Ю. В и др. Теория государства и права. М., 1986.

1997 год связан с распространением программы «AOHell» («America-On-Hell»), которая через крупнейший американский провайдер обрушивала потоки спама в электронных письмах и чатах.

В 1998 году создается одна из первых программ, предназначенная для взлома Microsoft Windows 95/98. Данная программа получала удаленный контроль над компьютером через троянское приложение, называемое «BackOrifice» («Черный ход»).

А в 2000 году были проведены первые успешные DDoS-атаки. «Падают» крупнейшие сервисы того времени: eBay, Yahoo!, CNN.com, Amazon.com и множество других. Так же впервые в истории, в этом году были украдены исходные коды компании Microsoft Windows и Office.

В 2001 году жертвой хакерских атак снова становится компания Microsoft, взлом ее DNS-серверов становится трагедией как для пользователей, так и для самой компании, ведь сайты компании «лежат» до нескольких суток[1].

Любопытно, что в 2009 году хакерская организация Hacker-pro создает свой словарь брута, который подбирает пароль за несколько секунд. Это дает доступ практически ко всем компьютерам в мире.

2010 год один из ключевых в развитии киберпреступлений: ведь именно в это время с помощью вируса Stuxnet, разработанного разведслужбами Израиля и США, была остановлена ядерная программа Ирана. Стоит отметить, что киберпреступность официально переходит в рамки межгосударственной борьбы.

За последнее время, в связи с переходом множества как государственных, так и частных компаний на электронный документооборот, совершается множество различных хакерских атак, направленных на парализацию работы и получение материальных благ. В качестве примера можно привести атаку вируса wannacry в 2017 году, который поразил множество компьютеров органов государственной власти, тем самым затруднив их работу. Это одна из первых атак, поразившая множество компьютеров именно в России[2].

Учитывая все вышесказанное, следует в самые кратчайшие сроки разработать новые правовые нормы, регулирующие правоотношения в сфере киберпреступлений, которые предусматривали бы также новые

---

[1] Киберпреступность и киберконфликты // Tadviser. URL: www.tadviser.ru/index.

[2] Киберпеступность // Kaspersky. URL: www.kaspersky.ru/resource-center/threats/cybercrime.

санкции в виде лишения свободы за данный вид преступлений. Необходимо также в кратчайшие сроки разработать план-стратегию борьбы с киберпреступлениями и развитием отечественного программного обеспечения, призванного обеспечить защиту от вредоносных программ и хакерских атак.

А. В. Карпушкин[1],
курсант 320 учебной группы 3 «В» курса Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении и анализе правовых явлений нельзя не отметить особенности общественного правосознания, которое представляет собой непростое для научного познания явление. Состояние общественного правосознания – это наиважнейший показатель степени зрелости конкретно взятой исторической правовой системы, что относится и к современной России. Проявления различных характеристик правосознания можно найти во всех сферах жизни общества. Особенности и свойства конкретного общественного правосознания накладывают отпечаток на реализацию субъективных прав, свободы и обязанности граждан, на структуру и функционирование политико-юридических институтов, на работу всех учреждений общества и государства.

Это во многом связано с возрастанием значимости правовой сферы жизни общества[2]. Сегодня с помощью права можно не только обеспечить всеобщий устойчивый порядок в общественных отношениях, но и придать им определенный импульс и направление развития.

---

[1] © Карпушкин А. В., 2018.

[2] См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201.

Как правило, правовое регулирование основано на государственном принуждении. Исторически право тесно взаимосвязано с государством и государственным принуждением. Право характеризуется определенными признаками: нормативность, формальная определенность, общеобязательность, гарантированность государством и обеспеченность его принудительной силой[1].

Вместе с тем право представляет собой и набор определенных ценностей[2]. Именно в силу этого юридическая теория не должна сегодня ограничиваться только инструментальным отношением к праву и исследованием права как средства решения социальных задач. Правовая теория должна исследовать правосознание и его базовые ценности. И здесь следует подчеркнуть, что наиболее точно специфику правовых ценностей на уровне индивидуального правосознания раскрывает феноменологическая методология. Указанная методология, как утверждает профессор В. П. Малахов, «...сориентирована на рефлексию о переживании правового опыта и правовой реальности, которое и ведет к подлинной очевидности и достоверности; она представляет собой комплекс средств и приемов редукции научных знаний о праве к идеям и очевидностям...»[3]. Однако, будучи ориентированной главным обра-

---

[1] См.: Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Теория государства и права. Базовый курс. Учебное пособие / под. ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – С. 35–37; Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Курс теории государства и права в классической и постклассической юридической мысли. Хрестоматия. Учебное пособие / под. ред. А. Г. Мамонтова, А. Ю. Гарашко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. – С. 39–48; Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. – М., МосУ МВД России, 2008.

[2] См. Клименко А. И. Смысловые координаты правового дискурса: к проблеме правопонимания // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 108–113; Маилян С. С. Групповые формы подготовки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел : дис. … канд. юрид. наук. – М., 1998.

[3] См.: Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 48; Недобежкин С. В., Милованова Л. В. Реорганизация органов внутренних дел России в период деятельности Временного правительства (февраль 1917 г. – октябрь 1917 г.). – М., 2002.

зом на индивидуальные правовые интенции, она имеет и определенные ограничения. Соответственно, для изучения проблемы ценностей российского правосознания возможно также использование социологической и аксиологической методологий в сочетании с антропологическим подходом к исследованию права и правовых явлений.

Следует отметить, что юридическая теория, помимо исследовательских и познавательных, обладает еще и идеологической функцией. Формирование правосознания граждан – одна из важнейших идеологических функций современного правового государства, и юридически теория должна обеспечивать эту функцию в научном отношении, и вместе с тем ее содержание частично является реализацией этой функции (в той мере, в которой она носит идеологический характер). В нашей стране право является основным регулятором взаимоотношений граждан как с государственной властью, так и с государственными и другими публичными институтами, а также граждан между собой. В массовом правосознании должно закрепиться осознание ценности права и приоритета правовых ценностей в системе социальных ценностей.

Что касается самих правовых ценностей – ценностей правосознания как объекта теоретико-правового исследования, то здесь следует подчеркнуть исключительную важность формирования научной позиции релевантной действительной значимости правовых ценностей конвенционального плана в системе ценностей современного общества. От этого будет зависеть не только осуществление идеологической функции государства[1], но и качество правовой политики современного российского государства.

[1] См.: Клименко А. И. Роль идеологии государства в развитии правового и политического сознания // Закон и право. – 2007. – №6. – С. 108–111; Клименко А. И. Функциональная связь правовой идеологии с правом // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 5. – С. 7–13.

С. М. Коваль[1],
курсант 315 учебного взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПРАВА

На наш взгляд, достаточно интересной темой для исследования является изучение революционного правосознания в России в период великих потрясений и коренных изменений как для самого общества и государства, в общем, так и для права в целом. Поскольку, как всем известно, в 1917 году произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, послужившая началом для построения совершенно нового государственного механизма правового регулирования всех сфер жизни общества. Однако стоит заметить, что идеи о революции появляются намного раньше, в их основу легли труды небезызвестных немецких философов, писателей и общественных деятелей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Изучением работ занимался Владимир (Ульянов) Ленин – человек, ставший духовным вдохновителем для всех трудящихся, и непосредственным создателем советской правовой мысли.

Актуальность данной проблемы заключается в том, историческая методология в правовой теории находит свое отражение в большом количестве правового материала, созданного законодателями различных государств в разные периоды времени и с отличной от других целью. Существенное влияние на историю нашего государства и ряда других стран в последующем оказала идея о равенстве граждан и всех трудящихся[2]. Становление и последующее закрепление советского права

---

[1] © Коваль С. М., 2018. Научный руководитель: Правкина И. Н., преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

[2] Правкина И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 59; Правкин И. В., Правкина И. Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 45–48; Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Теория государства и права. Базовый курс. Учебное пособие / под. ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА :

происходило путем отражения революционного правосознания в нормативных источниках. Однако будет не вполне корректно говорить лишь об письменных законодательных документах, поскольку на тот момент, на практике применялись методы не совсем правовые, а в большинстве случаев и вовсе они были не гуманные. В настоящей статье мы попытаемся раскрыть сущность революционного правосознания как источника советского права, формы его отражения, эффективность использования методов, применяемых в то время на практике для достижения поставленных целей советской властью, дадим определение данной категории и проанализируем позиции известных ученых по данной теме.

В начальный период, после свершения Октябрьской революции, когда фактически произошел переворот старой общественной системы, в ней начали складываться новые общественные отношения, однако они недостаточно в полном объеме могли регулироваться декретами Советской власти. С целью устранения упущений, советская власть разрешает применять революционное правосознание в качестве источника права. Но стоит отметить, что лишь правосознание трудящихся классов могло служить как источник права, поскольку на тот момент оно складывалось и прогрессировало на основе марксизма.

В своих выступлениях Ленин говорил о том, что совместными действиями всех трудящихся удалось стереть до основания весь бюрократический аппарат, существовавший до революции[1]. В качестве примера он приводил суд, в котором не пришлось существенным образом менять его аппарат, поскольку вершить правосудие на основе революционного правосознания трудящегося народа может каждый. Он так же отмечал, что суд требует своего совершенствования в дальнейшем, но на данный момент (момент коренных изменений) он справляется со своими функциями. Не случайно первым официальным источником

Закон и право, 2017. – С. 17–19; Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.

[1] См.: Ленин В. И. Доклад о партийной программе // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 2017. – Т. 38 Март-июнь 1919. – С. 172–173; Недобежкин С. В., Милованова Л. В. Реорганизация органов внутренних дел России в период деятельности Временного правительства (февраль 1917 г. – октябрь 1917 г.). М., 2002.

права после Октябрьской революции стал декрет СНК № 1 от 22 ноября 1917 года «О суде»[1]. В п. 5 которого было указано на то, что местные суду решают дела от имени Российской Республики и при осуществлении своей деятельности вправе руководствоваться решениями и приговорами законов свергнутого правительства при условии, что они не отменены революцией и не вступают в конфликт с революционной совестью и революционным правосознанием.

Говоря о деятельности суда после Октябрьской революции, можно сказать, что она носила стихийный характер, нередко были случаи самоуправства и самосуда. Примеры данных явлений сохранились в литературе, в частности в различных приговорах, которые носили не вполне обоснованный и пугающий характер. Так, в селе Покровском города Москвы двое граждан Булкин и Кудников убили гражданина Третьякова, после чего скрылись из села. Вскоре обществом было вынесено решение об их преследовании. Они были найдены в тридцати километрах от места своего жительства и в тот же момент убиты. Так же данное общество выработало свою систему наказаний за преступления: к примеру, если кто-то ударит человека, то потерпевший должен ударить виновника десять раз, или же если лицо, совершившее поджог, будет выявлено, – оно лишалось жизни[2].

Несмотря на данные ситуации, показанные выше, опыт деятельности судов на местах свидетельствует, что оплошностей они совершали намного меньше, чем возможно себе представить. Ярким примером может служить приговор ревтрибунала города А по делу об убийстве крестьянами «колдуньи». Так были подвергнуты наказанию не только лица совершившее убийство, но и жители деревни Д, так как все принимали участие в преступлении. На них был наложен штраф в размере

---

[1] См.: Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. – М. : ИКД Зерцало-М, 2011. – С. 71–77; Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. – М. : МосУ МВД России, 2008.

[2] См.: Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Основы государства и права. – М. : ТК Велби, Проспект, 2016. – С. 263; Рязанова Н. А. Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М. : МосУ МВД России, 2012; Маилян С. С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью : дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2002.

3 тыс. рублей для благоустройства просветительского учреждения в самой деревне[1].

Идея Ленина заключалась в том, что использование революционного правосознания является механизмом для приобщения общества к управлению. Уже после, когда правовая система страны Советов приобрела определенную форму, Лениным было принято решение не рассматривать революционное правосознание как источник права на одной параллели с законами, и в связи с этим суд не может судить по правосознанию, игнорируя нормы права.

Начиная с 1918 года, происходит разработка и издание законов советской власти. Свою деятельность начинают вести известные юристы, среди которых выделяется член коллеги Наркомата юстиции РСФСР А. Г. Гойхбарг. Взяв за основу дореволюционный ГПК 1914 года, Гойхбарг составил примерный Устав гражданского судопроизводства. Во введении к своему руководству он говорил о том, что существующее местные и окружные народные суды сталкиваются с трудностями в применении правил судопроизводства[2]. Поэтому, разрабатывая данный Устав, он пытается упростить позицию судов в сфере применения правил процессуальных законов. К данному Уставу так же прилагалась инструкция самого Гойхбарг, суть которой сводилась к тому, что в случае возникновения противоречий статей правосознанию трудящихся классов, суд имеет право отказаться их применять, но обязательно должен указать мотивы, по которым данная статья не используется. Данный факт указывает на то, что в 1918 году в качестве источников права признавались декреты советской власти, революционное правосознание и старые нормы, не противоречащие правосознанию трудящихся, при отсутствии советских законов. Поэтому издание старого ГПК как инструкции показывает, что на практике возникали трудности при реализации правосудия, поскольку революционное правосознание не всегда могло помочь, как действовать в сложившейся ситуации.

Стоит отметить, что под революционным правосознанием понималось, не что иное, как правовая идеология пролетариата социального

---

[1] См.: Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. – М. : НОРМА, 2016. – С. 315; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.

[2] См.: Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный суд. Вып. IV. Устав гражданского судопроизводства. Ч. 1 / сост. А. Г. Гойхбарг. – М., 1918. – С. 3–4.

класса, произведшая (совершившая) Октябрьскую революцию. Верным, на наш взгляд, является замечание, сделанное Т. Е. Новицкой по поводу того, что значительный вклад внесла пролетарская партия в социалистическое сознание всего рабочего движения и остального населения. Поэтому крестьяне, трудившиеся на благо для общего дела, могут рассматриваться как носители социалистического правосознания[1]. Данное подтверждение мы можем найти в работах самого В. И. Ленина, писавшего: «Коммунистическая партия пришла к власти не только с помощью пролетариата, но и всего крестьянства. В связи с этим партия большевиков вобрала в себя миллионы людей, которые в настоящее время разбираются в вопросе о классовой борьбе, в вопросе о переходе от капитализма к коммунизму»[2]. Ленин так же говорил, что власть для партии большевиков досталось легко, поскольку большевики «узаконили 26 октября то, чего требовали крестьяне в эсеровских революциях». Исходя из выше сказанного, мы можем сделать вывод, что в теории под революционным правосознанием говорилось о правосознании пролетариата, однако на практике в этом качестве выступало правосознание крестьянства, поскольку на момент революции его было подавляющее большинство.

Мы не могли обойти стороной одну из первых работ, специально посвященных проблеме революционного правосознания, изданной в 1922 году Г. М. Португаловым, которая называется «Революционная совесть и социалистическое правосознание». Правовед говорил, что значительную организационную роль в оформлении нового строительства выполнила революционная совесть, которая долгое время не могла освободиться от оков старых мерил добра и зла и теперь, сделав это, она должна немедленно принимать решения, чтобы не допустить

---

[1] См.: Марченко М. Н. Источники российского права. Вопросы теории и истории. – М. : Норма, 2017. – С. 125; Гарашко А. Ю. Системно-структурный анализ источников права // В сборнике : Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире Сборник материалов II Международной заочной научно-практической конференции. – 2011. – С. 301–304; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201.

[2] См.: Ленин В. И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Теория государства и права : хрестоматия. В 2 т. / сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М., 2015. – С. 196.

повторении ситуации. Эта совесть должна соприкасаться с другим «ликом правосудия» – с социалистическим правосознанием. Исследуя проблему соотношения декрета и революционного правосознания, он считал, что социалистическое правосознание является единственным источником советского права, а декрет – не более чем авторитетный путеводитель[1]. С данным мнением можно согласиться, поскольку правосознание масс было толчком для совершенствования законодательства молодой советской республики.

Таким образом, можно подвести итог, сказав, что революционное правосознание стало источником советского права в первые годы после Октябрьской революции. Благодаря ему имелась относительная определенность в процессе осуществления правосудия судом над лицами, совершившими преступление. Несмотря на некоторые коллизии, возникающие в процессе применения революционного правосознания, в целом эффективность данной меры позволила стабилизировать на некоторое время ситуацию в стране и в последующем стать основой для создания нормативных источников. Оно так же стало механизмом взаимодействия между гражданами и государством, поскольку опиралось на общие для всех принципы коммунизма. После смысл, который вкладывался в это понятие, изменился, поскольку, начиная с 1922 года, происходит бурное развитие законодательства, и на смену ему приходит термин «социалистическое правосознание», которое стало рассматриваться как один из правообразующих факторов.

[1] См.: Люблинский П. И. Рецензия на книгу Г. М. Португалова «Революционная совесть и социалистическое правосознание» // Право и жизнь. – 1922. – С. 91–92; Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36.

Е. А. Красиков[1],
соискатель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕМОКРАТИИ И ДИСЦИПЛИНЫ

Организационно-правовые принципы отражают право с точки зрения присущих ему форм, структур, способов и средств, которые связаны с приведением в действие нормативно-регулятивных механизмов, с оптимизацией функционирования права, повышением его результативности.

Следует дифференцировать организационно-правовые принципы становления, поддержания и развития демократии и организационно-правовые принципы достижения и поддержания необходимого уровня дисциплины. Каждая из двух групп принципов детерминирована природой и сущностью предметов ее обоснования[2].

Так, к первой группе, полагаем целесообразным отнести следующие принципы: принципы действенности, комплексности, компетентности, реалистичности, прогнозированности, нормативной обеспеченности (ясности), консенсуальности, стабильности.

Принцип действенности.

Этот принцип содержит требование эффективности как качественного показателя механизма реализации прав и обязанностей при демократическом строе. Основой действенности должна выступать гражданская инициатива, стремление легальным, рациональным и наиболее результативным образом удовлетворить свои интересы.

Принцип комплексности.

Принцип комплексности отражает такое свойство права как системность и представляет собой императив построения в демократическом государстве правовой системы как взаимосвязанной и взаимодействующей совокупности структурных элементов, в соответствии с

---

[1] © Красиков Е. А., 2018. Научный руководитель: Кулакова Ю. Ю., заместитель начальника кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

[2] Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36.

определенными исходными концепциями, синтезированных в единое целое, функционирование которых направлено на достижение общей цели. Демократический строй также должен представлять собой систему, все компоненты которой детерминированы принципами народовластия.

Принцип компетентности.

Лица, обладающие политической властью в демократическом государстве, должны быть профессионально подготовлены к ее реализации, знать и соблюдать свои права и обязанности, в целях наиболее оптимального и устраивающего политическое большинство отправления функций, имеющих значение для всего социума в целом. Профессионализм позволяет гарантировать качественное и эффективное осуществление административных полномочий, выступает необходимым условием получения права на занятие руководящих должностей в государственных структурах.

Принцип реалистичности.

Данный принцип отражает необходимость соотношения поставленных целей и имеющихся ресурсов ее достижения. Выступая идейно содержательным наполнением для дисциплины, демократический строй должен принимать во внимание имеющиеся в распоряжении силы и средства.

Принцип прогнозированности.

Реализуемые в рамках демократии мероприятия должны планироваться с учетом всех возможных для общества последствий их осуществления с целью превенции негативных результатов. Необходимы механизмы по мониторингу, предотвращению и устранению кризисных ситуаций.

Принцип нормативной обеспеченности (ясности).

Принцип нормативной обеспеченности является требованием нормативно-правовой закрепленности, стандартизации и унификации отношений в рамках дуализма демократии и дисциплины. Особая значимость данного принципа выражена в том, что он выступает демократизирующим началом, одним из определяющих условий поддержания демократии и дисциплины как органично связанных общественно-правовых состояний.

Принцип консенсуальности.

Требование согласия всех лиц, единообразия методов достижения целей в контексте связи дисциплины и демократии. Данный принцип

является выразителем основополагающих свойств демократии: единогласного положительного мнения большинства в отношении осуществления властных полномочий. Принцип консенсуальности тесно связан с рассмотренным выше принципом комплексности, так как предполагает единство действий и решений всех элементов системы для наилучшего достижения поставленных целей.

Принцип стабильности.

Постоянство, упорядоченность и неизменность общественной жизни – предпосылки достижения целей демократического состояния социума. Система, стремящаяся к стабильности, предсказуема и легко управляема, что обеспечивает успешное решение ею задач. Нестабильное общество – основа революционных движений, смены режима власти, иных негативных тенденций.

Ко второй группе выделенных нами организационно-правовых принципов связи демократии и дисциплины необходимо отнести принципы индивидуальности, превентивности, упорядоченности, регламентации, постоянства, конкретности, единообразия, мобильности.

Принцип индивидуальности.

Принцип индивидуальности – организационно-правовая основа подчеркивания неповторимости, своеобразия сущностных признаков каждой личности и, соответственно, каждого типа общественных отношений, в которые эта личность включена. Этот принцип, подобно идеальному ценностному императиву, детерминирует специфический подход к любым корреляциям в рамках дисциплинарного строя. При этом соблюдение принципа индивидуальности представляет собой в большей степени цель, нравственный ориентир, к достижению которого в рамках дисциплины следует стремиться.

Принцип превентивности.

Этот принцип представляет собой требование не допускать развития негативных тенденций до степени, когда устранить их последствия будет затруднительно, предотвращая и пресекая появление данных тенденций в самом начале процесса. Оптимально организованный мониторинг и адекватная соотнесенность средств и целей обеспечивают успешное управление в контексте дисциплинарного состояния общества.

Принцип упорядоченности.

Дисциплина строится на четком подчинении, равновесии и системности в обществе. Достижению упорядоченности способствует существующая за счет реализации различных способов регулирования

жизни социума нормативность складывающихся в данном правовом состоянии общественных отношений. Этот принцип тесно связан с рассмотренным выше принципом стабильности и демонстрирует высокую степень организованности связей и отношений в рамках дисциплины.

Принцип регламентации.

Принцип регламентации – строгое и неуклонное соблюдение определенных нормативов, указаний, правил, положений, в соответствии с которыми осуществляется деятельность членов социума. При чем для дисциплины эти нормативы не ограничиваются государственным правом, находящим отражение в нормативных правовых актах, но включают и иные способы общественной регуляции. Регламентация означает упрощение и единообразие различных сфер жизни общества, и в частности дисциплины как политико-правового феномена.

Принцип постоянства.

Связанный с идеей стабильности принцип постоянства означает стремление удержать и поддержать общественный порядок на достаточно высоком уровне, а количество негативных тенденций в нем – на низком, наиболее приемлемом уровне. Реализации этого принципа в рамках дисциплины способствует конкретность, организованность и упорядоченность рассматриваемой сферы.

Принцип конкретности.

Точность, недвусмысленность и прямота, присущие дисциплине благодаря принципу конкретности, позволяют обеспечивать соответствие управленческого дисциплинарного воздействия свойствам его объекта. Дисциплина призвана учитывать реальные первичные потребности и интересы членов общества.

Принцип единообразия.

В состоянии дисциплины все связи и отношения подвержены унификации и единообразию посредством норм множества существующих способов регуляции общественной жизни. Данный принцип позволяет оптимизировать и интегрировать социальную сферу, применять к аналогичным предметам подобные средства и методики воздействия. Единообразие способствует постоянству, стабильности и упорядоченности применительно к дисциплине в рамках ее дуализма с демократией.

Принцип мобильности.

Требование к социальной системе – быстро и без особых усилий приспосабливаться к изменениям внутренней и внешней среды. Мобильность обуславливает переносимость и эффективное восстановление после кризисных ситуаций, адаптивность и способность к динамическому развитию.

Далее, для того чтобы определить в рамках настоящего исследования организационно-правовые принципы взаимосвязи демократии и дисциплины, мы должны разделить нашу работу на два этапа: вначале на основе анализа корреляции выявить их общеустановочные организационно-правовые принципы, затем – определить среди них принципы, непосредственно выражающие связь между двумя рассматриваемыми явлениями.

Общими организационно-правовыми принципами для демократии и дисциплины будут выступать принципы из двух вышеобозначенных групп, одни из которых имманентны в основном демократии, другие – дисциплине. Однако такое распределение для общих принципов довольно условно, так как они в той или иной степени присущи обоим исследуемым явлениям. К таким общим организационно-правовым принципам следует, на наш взгляд, отнести следующие пары: стабильность – постоянство; прогнозирование – превентивность; конкретность – нормативная обеспеченность.

Принцип стабильности – принцип постоянства.

Корреляция двух данных принципов – важная составляющая организационно-правовой основы дуализма демократии и дисциплины, упорядочивающая, гармонизирующая и регулирующая социальные отношения посредством поддержания правового и общественного порядка, мирного разрешения конфликтов, сбалансированного и справедливого удовлетворения законных прав и интересов различных социальных страт.

Принцип прогнозирования – принцип превентивности.

Эта пара принципов детерминирует необходимость в целях оптимизации связи демократии и дисциплины осуществлять правовой и иной мониторинг социальных конфликтов и противоречий, проводить анализ общественного мнения и способствовать участию граждан в отправлении функций государственной власти. Эти, а также другие мероприятия способны предупредить появление, развитие и усугубление деструктивных тенденций общественной жизни, нарушение правовых

норм, норм иных социальных регуляторов, нивелирование общественного и правового порядка, быстро и эффективно принять меры для устранения возможных негативных последствий.

Принцип конкретности – принцип нормативной обеспеченности.

Принципы конкретности и нормативной обеспеченности призваны «дисциплинировать» демократию с помощью однозначных четких правовых предписаний, единственно правильного толкования правовых норм, их применения согласно воле правотворца. Конкретика «обрисовывает» демократии рамки возможного распространения и задает основные лимиты реализации.

Далее определим принципы, отражающие исключительно взаимосвязь демократии и дисциплины. К ним, на наш взгляд, необходимо отнести принципы системности, непротиворечивости, соразмерности, последовательности, ситуативности, общеобязательности, эффективности, обоснованности, адекватности.

Принцип системности.

Принцип системности призван играть значительную роль в вопросе обеспечения «дисциплинирования» демократии, выступая одним из организационно-правовых принципов взаимосвязи демократии и дисциплины. Системность, тесно коррелирующая с вышеназванной комплексностью, является структурообразующей для демократии, способствуя слаженной и одновременной работе всех ее составляющих для достижения целей социума.

Принцип непротиворечивости.

В логике принцип непротиворечивости гласит: «Два высказывания не могут быть одновременно истинными. Одно из них всегда ложно». В праве принцип непротиворечивости соблюдается путем конвенционального утверждения ряда алгоритмов, согласно которым решаются противоречия и коллизии между нормами права (по юридической силе, по дате принятия и др.).

Применительно к взаимосвязи демократии и дисциплины данный принцип означает требование недопущения двух взаимоисключающих тенденций, перманентное стремление к согласию, упорядоченности и гармонии в социуме.

Принцип соразмерности.

Этот принцип достаточно тесно связан с предыдущим и отражает необходимость соблюдения пропорциональности в установлении правовых ограничений, учета субъекта и условий реализации таких огра-

ничений, взаимокорреляции прав и обязанностей, закрепленных в источниках права. Кроме того, этот принцип служит ограничению государственной власти: государственные органы не могут налагать на граждан обязательства, превышающие установленные пределы необходимости и не соразмерные поставленным публичным целям. В ином случае, такие обязательства не будут иметь юридической силы.

Принцип последовательности.

Данный принцип предусматривает соблюдение относительного постоянства и систематичности в осуществлении государственно-правовой политики, реализации права. Мероприятия в рамках дисциплины и демократии, как политико-правовых состояний, должны быть согласованы и последовательны: подчиняться причинно-следственной связи, законам логики и детерминизма, реализовываться поэтапно и в рамках системы.

Принцип ситуативности.

В связи с динамичностью развития общественных отношений, связь демократии и дисциплины не может не соотноситься с таким развитием и должна определяться складывающейся на данный момент времени и в данном месте социальной ситуацией при учете всех возможных детерминант такой связи. Принцип ситуативности позволяет строить адекватную динами развития права в целом правовую политику государства, учитывать актуальные тенденции и предотвращать негативные последствия на основа прогнозирования.

Принцип общеобязательности.

Выполнение норм основных социальных регуляторов – залог общественного порядка и спокойствия. Однако особую значимость несет соблюдение норм права. В силу высокой степени общественного воздействия правовые нормы являются общеобязательными. Общеобязательность права обусловлена его природой и является следствием важности его объективных свойств, показателем социальной необходимости властного соблюдения, конкретизации и защиты требований права в соответствующих нормативных правовых актах. Связь демократии и дисциплины не будет оптимальной без исполнения данного требования: дисциплина потеряет легальность, а демократия – легитимность.

Принцип эффективности.

Как и любая коммуникация, связь дисциплины и демократии должна строится на принципе эффективности, то есть соотношении между затратами (сил и ресурсов) и полученным результатом. Плани-

руемая цель должна достигаться при минимальных издержках и потерях. Этому принципу по своей природе отвечает само право, выступая в сравнении с иными социальными регуляторами в большинстве случаев наиболее оптимальным и результативным, в основном в силу имеющегося властного ресурса.

Целевая связь демократии и дисциплины как правовых феноменов непосредственно выражена принципом эффективности. Компоненты данной связи органично дополняют друг друга.

Принцип обоснованности.

Данный принцип, как и рассмотренный выше принцип системности, имеет особое значение для обеспечения «дисциплинирования» демократии. Принцип обоснованности состоит в требовании наличия достаточных оснований для принятия решений, применении государственных мер негативного характера. Необходимо полное, тщательное изучение всех относящихся к разрешаемой проблеме материалов, реализация права только на основе достоверных, проверенных и не подлежащих сомнению фактов. Здесь демократия «подчиняется» логике и рассудочной специфике дисциплины.

Принцип адекватности.

Дуализм демократии и дисциплины должен соответствовать принципу адекватности – органичному соотношению действительного и идеального, явления и сущности. С точки зрения адекватности, все внутренние тенденции данной связи должны иметь возможность быть объяснены.

Так, рассмотрение нами идейно-правовых и организационно-правовых принципов взаимосвязи демократии и дисциплины позволяет заключить, что демократия и дисциплина выступают взаимодополняющими (взаимокомпенсирующими) элементами организации правовой жизни современного государства и общества. Нарушение этой связи или наличие в ней отклонений от оптимального баланса – закономерная причина социальных кризисов и правовых противоречий.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы и обобщения:

1. Организационно-правовые принципы взаимосвязи демократии и дисциплины направлены на обеспечение «дисциплинирования» демократии. Центральные принципы его обеспечения – принципы системности и обоснованности.

2. Целевая связь демократии и дисциплины как правовых феноменов непосредственно выражена принципом эффективности.

3. Определяющее условие поддержания демократии и дисциплины как органично связанных общественно-правовых состояний выражено принципом нормативной обеспеченности, т. е. демократизирующим началом.

4. На принципиальной основе демократия и дисциплина являются взаимодополняющими (взаимокомпенсирующими) элементами организации правовой жизни современного государства и общества.

О. В. Кулик[1],
адъюнкт кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения ДГСК МВД России,
капитан внутренней службы

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕЛЕКЦИИ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ С ЦЕЛЬЮ ЕЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Значение исторического подхода и исторической методологии для исследования права сегодня трудно переоценить. Право, как сложное социокультурное явление, постоянно трансформируется вместе с изменением общества, с существованием которого оно неразрывно связано. В условиях методологического плюрализма именно исторический подход позволяет изучить причины возникновения, формирования и развития государства и права в их непрерывности[2]. Причем речь можно вести как об отдельном течении в юриспруденции – исторической школе права, так и об отдельных методах научного познания, используемых правовой наукой. Сущность исторического подхода заключается в том, что он позволяет хронологически выстроить различные события общественной жизни во взаимосвязи между ними, в результате чего они предстают как единый и закономерный исторический процесс. При этом исторический процесс может рассматриваться

---

[1] © Кулик О. В., 2018. Научный руководитель: Клименко А. И. профессор кафедры теории государства и права Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

[2] См. Клименко А. И., Лановая Г. М., Малахов В. П., Сидорова Е. В. История и методология юридической науки : учеб. пособ. / под ред. В. П. Малахова, А. Г. Мамонтова. – М. : МосУ МВД России, 2013.

в общем как условия и фон преобразований социума и окружающей его среды, так и в частности, как совокупность действий и явлений, значимых для конкретного периода. На основе анализа единичных исторических фактов и их совокупности становится возможным построение прогнозов и определение векторов дальнейшего жизненного устройства.

В практическом плане в отношении правовой действительности исторический подход позволяет не только аккумулировать знания о праве и его реализации на различных временных отрезках, но и способствует поиску в прошлом положительного опыта правового регулирования, который мог бы полностью или частично использоваться в настоящем. В противном случае история государства и права представляла бы собой просто констатируемую данность, реконструированную на основе соответствующих источников. Однако современные теоретические исследования демонстрируют обратное. Значительное количество выводов и положений, выносимых на защиту в диссертациях, связывают сегодняшнее правотворчество и правореализацию с историческим прошлым. Кроме того, схожие по своей риторике предложения в ряде случаев звучат и с политических трибун, и со стороны практикующих юристов – судей, адвокатов. Представляется, что и тема легализации правовой практики не должна составлять исключение в этом отношении.

Легализация правовой практики предполагает отражение в соответствующих источниках (формах) права индивидуальной или коллективной правовой деятельности участников общественных отношений и правового опыта, накапливающегося в результате подобной деятельности. Это обуславливает ценность легализации правовой практики для правотворчества. Логично, что прежде чем перенести правовую практику в источник (форму) права ее надо соответствующим образом выявить, учесть и проанализировать. Исходя из приведенного выше определения, правовая практика одновременно существует в прошлом и настоящем и предполагается к формированию в будущем. Такое пространственно-временное свойство правовой практики как нельзя более актуализирует использование в процессе ее отбора исторического подхода, так как с некоторым допущением можно говорить о том, что большинство правовой практики уже есть история.

Итак, становится очевидным, что достижение цели совершенствования правотворчества предполагает избирательность легализации правовой практики. Легализовать следует далеко не всю правовую

практику, а только ту, которая действительно будет полезна для создания правовых предписаний, отвечающих потребностям и ожиданиям населения в правовом регулировании. Таким образом, в основе легализации правовой практики лежит ее селекция, заключающаяся, во-первых, в разграничении правовой практики от неправовой, а во-вторых в тщательном анализе имеющейся правовой практики и выборе из нее наиболее актуальных и перспективных правовых конструкций. В отличии от естественных научных отраслей, где селекция используется еще и для экспериментального получения новых осязаемых образцов для дальнейшей работы с ними, применение селективного метода в юриспруденции заключается в большей степени в отборе, составлении прогнозов и моделировании.

Селекция правовой практики может полноценно осуществляться в случае соблюдения принципов легализации правовой практики, под которыми одновременно следует понимать определенные требования и рекомендации для субъектов правотворчества и условия, позволяющие создавать правовые нормы, отражающие в себе правовую практику. К числу таких принципов относятся принципы: ценностной релевантности, актуализма, инновационности, конструктивности (целесообразности), системности, формализма, достаточной компетенции и научности. В свое совокупности они позволяют осуществляться легализации правовой практики в полной мере. Несоблюдение хотя бы одного принципа в процессе легализации правовой практики может повлечь за собой отсутствие ожидаемого положительного результата или вовсе – прямо противоположных последствий. Так, например, несоблюдение принципа ценностной релевантности может даже нести определенную угрозу национальной безопасности[1].

Учитывая изложенное, еще раз констатируем, что легализации правовой практики предшествует ее селекция, которая предполагает отбор положительной правовой практики не только среди современной, но и среди всей когда-либо существовавшей. Так, часто в качестве положительного примера комплексной реорганизации государства и права называют «Великие реформы» Александра II, по образу и подобию которых предлагается осуществлять необходимые изменения и сегодня. Беспрецедентные по своему масштабу они были идейно нацелены на продвижение капиталистического уклада, развитие гражданского общества и правового государства. «Великие реформы», наряду

[1] См.: Клименко А. И. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности // Закон. – 2010. – № 7. – С. 50–51.

с кодификацией российского права М. М. Сперанским, являются своего рода визитной карточкой прогрессивной мысли периода Российской Империи. Однако при всей их значимости, указанные реформы не стоит излишне идеализировать. Более того, они наиболее ярко демонстрирует, что «законодательное «забегание» реформ без тщательно просчитанных условий и перспектив преобразований не может дать ожидаемого эффекта»[1]. Подобные нюансы также должны учитываться в процессе селекции правовой практики, что достигается за счет критического анализа исторических событий. Таким образом, селекция правовой практики не останавливается только на обнаружении положительного опыта. В процессе ее удается распознать и не самые удачные (а иногда и вовсе отрицательные) попытки правового регулирования и отгородиться от них в будущем.

Представляется, что наиболее приближенным к современной правовой практике, несмотря на кажущуюся ей противоположность, является советский опыт правового регулирования, который в последнее время незаслуженно остается обделенным вниманием или вовсе принижается в политическом или экономическом контексте. Вместе с тем именно советское право стало основой формирования правовых систем, объединенных в общую социалистическую семью, отдельные из которых, хоть и в модернизированном виде, продолжают существовать и сейчас, после распада СССР.

Исторический подход к селекции правовой практики позволяет не просто не отказываться от положительных примеров правового регулирования, а, наоборот, культивировать их, попутно развивая в праве преемственность и традиционность[2]. Это в свою очередь обеспечивает единство и неразрывность правосознания, связи между правовыми ценностями разных поколений. Правосознание же, как справедливо

---

[1] Мамонтов А. Г. Идеи независимости следователя и состязательности на предварительном следствии в ходе обсуждения проектов и реализации Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Реформационный романтизм и правовая реальность: к 150-летию введения в действие Судебных уставов Александра II: сборник материалов Первой международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына (13 декабря 2016 г.) / под ред. А. Г. Мамонтова, А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко. – М. : МосУ МВД России, 2017. – С. 12.

[2] См. Недобежкин С. В. Традиционность как неотъемлемое качество нормативности права. Право и государство: XXI век – век перемен. – М., 2012. – С. 143–153; Недобежкин С. В. Реорганизация НКВД РСФСР и деятельность милиции РСФСР в годы проведения нэпа (1921–1928 гг.). Лекция. – М., 2001.

утверждает В. П. Малахов, является «связующей цепью права в его истории; вне правосознания истории права нет»[1]. Применительно к легализации правовой практики данное утверждение дополнительно раскрывается через принцип ценностной релевантности легализации правовой практики. Принцип ценностной релевантности предполагает, что легализуемая правовая практика обязательно будет отвечать присущим обществу ценностям, которые во многом зависят от уровня его развития, исторических и культурных особенностей[2]. А так как общество состоит из представителей различных поколений, то создаваемые нормы будут учитывать ценности, общие для них. В свою очередь правовые предписания, основанные на ценностях, не просто более эффективны для применения, но и гораздо более легко воспринимаются в обществе, что способствует его консолидации[3].

В пользу применения исторического подхода к селекции правовой практики можно привести цикличность истории. Исходя из утверждения о том, что происходящие события имеют свои аналогии во времени, столкнувшись с какой-либо проблемой в правовой области, мы можем обнаружить, что она является вовсе не новой, и для нее уже придуманы свои решения. Конечно, говорить о том, что такие решения носят универсальный характер и обязательно приведут к урегулированию возникших споров крайне самонадеянно. Исторический процесс весьма ситуативен и во многом привязан не только к объективным условиям, но и к факторам личности, культуры и менталитета народов. Вместе с тем иметь перед глазами конкретный пример всегда лучше, чем действовать в полной неизвестности.

В заключение хотелось бы отметить, что применение исторического подхода к селекции правовой практики для ее последующей легализации не должно подменяться ситуациями, при которых правовая практика прошлого берется за основу для правового регулирования в силу инертности руководства государства и (или) субъектов правотворчества либо крайней реакции власти на происходящие изменения.

---

[1] Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – С .57.

[2] Клименко А. И. Идеологическая функция государства. Исторические и культурные особенности ее осуществления // Закон и право. – 2004. – № 5. – С. 11–13.

[3] См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017. – С. 45, 85–86, 144, 145, 155–156.

На практике это, как правило, приводит только к несоответствию правового регулирования уровню и тенденциям общественного развития, излишней, искусственной консервации общественных отношений, что идет вразрез с предназначением легализации правовой практики.

Пример такого возращения к предыдущей правовой практике мы находим все в том же XIX веке в контрреформах Александра III. Результатом контрреформ стал не просто откат от минимально накопленных достижений, но и усугубление условий, при которых государственное право уже не могло выполнять своих социальных функций и еще больше утратило свою значимость для большинства населения.

Кроме того, история содержит значительный «пласт» правовой практики, которая в настоящее время не отвечает общепринятым стандартам правового регулирования, хотя еще недавно являлась вполне законной и воспринимаемой в обществе. Например, правовая практика времен колониализма не может быть легализована в современном мире, в котором рабство и принудительный труд запрещены на международном и государственном уровне. С методологической стороны легализация подобной правой практики невозможна, поскольку она не будет отвечать, в первую очередь, принципам актуализма и ценностной релевантности легализации правовой практики.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. В основе легализации правовой практики лежит ее селекция, которая заключается в отборе наиболее полезных в плане правового регулирования результатов правореализации и правового опыта.

2. В качестве предмета селекции может выступать не только повседневная, складывающаяся в наши дни правовая практика, но и правовые конструкции, существующие в ретроспективе. Выявление и учет таких конструкций становится возможным за счет исторического подхода к селекции правовой практики.

3. Использование правового опыта прошлых лет для правового регулирования полезно не только в инструментальном плане, при создании, изменении или отмене соответствующих правовых предписаний, но и в идеологическом, ценностном наполнении, поскольку привносит в правотворчество элемент преемственности и традиционности, а также позволяет не разрывать правосознание поколений.

4. Российское государство и правовая система имеют чрезвычайно богатую историю, при детальном рассмотрении которой возможно обнаружить достаточное количество положительной правовой практики для ее последующей легализации.

5. Применение исторического подхода к селекции правовой практики не должно абсолютизироваться и приобретать гротескные формы. Важно помнить, что легализация правовой практики предполагает существенную инновационную составляющую, направленную не на зацикливание и консервацию общественных отношений, а на их развитие.

И. И. Мазуров[1],
адъюнкт 2-го года обучения ФПНПиНК Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (кафедра теории государства и права), капитан внутренней службы МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ПРАВОПРИТЯЗАНИЯ В АКТУАЛИЗАЦИИ ПРИОБРЕТАЕМЫХ И ДОБЫВАЕМЫХ ПРАВ

Сегодня область исследований прав человека, формирование теории прав человека, является крайне существенной сферой общей теории права и правовой идеологии современного общества[2]. В связи с чем следует обратить внимание на категорию «правопритязание». Проблема заключается в том, что исторически категория «правопритязание» использовалась в юридическом дискурсе весьма вариативно.

Несмотря на дореволюционную традицию использования категории «правопритязание», в отечественной научной литературе, как правило, принято использование категории «правопритязание» в узком смысле. Традиционно правопритязание раскрывается в качестве од-

---

[1] © Мазуров И. И., 2018. Научный руководитель: Клименко А. И., профессор кафедры теории государства и права Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

[2] См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017. С. 7–9.

ного либо группы правомочий, составляющих структуру субъективного права[1]. Такая традиция имеет под собой определенные исторические и теоретические основания, которые мы подробно рассматривали ранее[2]. Однако она не позволяет в полной мере определить роль человека в актуализации приобретаемых и добываемых прав.

Во-первых, следует заметить, что противоречивость традиционной интеллектуальной конструкции подтверждается фактом продолжающейся научной полемики вокруг проблемы определения самой структуры субъективного права: мнения варьируются от тезиса отсутствия каких-либо правомочий вовсе[3], до тезиса о необходимости разделения данных правомочий на множество видов по различным основаниям[4].

Во-вторых, правопритязание представляет собой волевое, намеренное действие, обладающее соответствующей речевой формой, и направленное на право обладания разнообразными материальными и нематериальными благами. В свою очередь, субъективное право представляет собой точную меру возможного поведения, обусловленную определенными юридическими фактами и, как правило, пределами очерченными нормой объективного права. Ввиду чего возникает закономерный вопрос: «каким образом понятие «правопритязание», являющееся полностью автономным, функционирует лишь как элемент структуры понятия «субъективное право»?». Иначе говоря, в данной интеллектуальной конструкции осуществляется экспозиция «причины» как структурного элемента «следствия». Подобные рассуждения представляются едва оправданными.

Разумеется, посредством правопритязания правовой актор приобретает, добывает субъективное право и формирует индивидуальный

---

[1] См., например: Багмет А. М. Теория государства и права. Курс лекций. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. – С. 230.

[2] См.: Мазуров И. И. Притязание и правопритязание как категория общеправовой теории // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 86–88.

[3] См., например: Нерсесянц В. С. Общая теория права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – С. 508–523.

[4] См., например: Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник – М. : Высшее образование, 2005. – С. 145–146.

правовой статус, проходит свое становление в правовой жизни (субъективацию[1]). Между тем роль правопритязания в актуализации приобретаемых и добываемых прав не одинакова, что обусловлено их содержанием.

Прежде всего, необходимо отличать объективное право от права субъективного, содержание которого обозначено выше. Объективное право характеризуется тем, что оно: а) рассчитано на неоднократное применение к типичным ситуациям и отношениям; б) носит относительно-определенный, абстрактный характер; в) задает пределы для возможного поведения, условия актуализации субъективного права; г) определяет нормативную составляющую правового актора, концептуализируя его в виде субъекта права. Иными словами, объективное право задает такую нормативную реальность, облеченную соответствующей речевой формой (т. е. нормативно-правовую систему), в которой определены: объект притязания (определенные материальные и нематериальные ценности), условия правопритязания и его признания (например, форма правопритязания – заявление, иск, ходатайство и т. п.), предполагаемый субъект права (круг лиц, правопритязания которых, при определенных обстоятельствах, подлежат признанию). Следовательно, приобретаемым для правового актора является то право, которое предопределено нормативной правовой системой, объективным правом (в указанном нами классическом понимании). С точки зрения правового актора, объективное право имеет ценность в качестве потенциально приобретаемого. Таким образом, когда идет речь о приобретаемых правах, правопритязание является способом актуализации уже существующего, предусмотренного права.

Однако правопритязание, с некоторыми оговорками, также можно рассматривать как способ актуализации добываемых прав.

При сопоставлении с приобретаемыми правами, сущностью добываемых прав, напротив, является то, что они непосредственно не предопределены нормативной правовой системой. В свою очередь, правовой актор притязает на такое субъективное право, которое напрямую не следует из объективного права. Хотя, конечно, некоторые аспекты добываемых прав могут быть обусловлены общими принципами права, существующей правовой идеологией[2]. Результатом данного

---

[1] Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособ. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 250.

[2] См.: Клименко А. И. Функциональная связь правовой идеологии с правом // Образование. Наука. Научные кадры. – 2013. – № 5. – С. 7–13.

правопритязания является «добытое» субъективное право, которое в этот момент еще не предусмотрено нормативной правовой системой, однако признано в качестве такового (например, право-привилегия или право-иммунитет и др.). Притом момент существования права уже как добытого и, в то же время, его как правопритязания совпадает, поскольку вопрос о разрешении данной проблемы уполномоченным государственным органом путем правообразования (или легализации, законодательной регламентации) сохраняет свою актуальность. Следовательно, возникновение таких правопритязаний, их консолидация, агрегирование служат импульсом к формированию объективного права.

Следует отметить, что именно на примере добываемых прав мы можем наблюдать парадокс, когда человек, не будучи концептуализирован как субъект права отсутствует в нормативной плоскости, однако фактически пребывает в правовой реальности, обладая субъективными правами и обязанностями. Необходимость разрешения данного парадокса является одним из аргументов введения в научный дискурс концепта «правовой актор».

Таким образом, если речь идет о добываемых правах, механизм их актуализации, взятый в особом значении, можно рассматривать как механизм формирования права или, своего рода, объективации идеи права в реальных правоотношениях.

Следует признать, что для повседневной юридической практики примеры добываемых прав достаточно редки, однако весьма часто встречаются ситуации актуализации приобретаемых прав. Приобретаемые и добываемые права сходны по механизму актуализации, однако если первые условно (т. е. при соблюдении определенных условий) предусмотрены объективным правом (нормативной правовой системой), то вторые имеют источником именно правового актора и изначально внешне не детерминированы.

Тем не менее механизм правопритязания, как объективный результат развития общественных отношений и взаимодействия между членами социума, остается неизменным в случаях актуализации как приобретаемых, так и добываемых прав.

На современном историческом этапе развития нашего общества, актуализируется широкое, концептуальное, представление о правопритязании в научном дискурсе. Наряду с чем становится востребованной и категория «правовой актор». Это во многом обусловливает новые подходы в теории прав человека.

А. Д. Овсянников[1],
курсант 407 взвода 4 «В» курса Института подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВО КАК СРЕДСТВО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ РЕЖИМОВ

Право зачастую ассоциируется с возможностью осуществлять свою свободу, но в ряде случаев наступают различные сложные для всего политически организованного общества ситуации (кризисы существования, когда государственно-организованное общество утрачивает свое нормальное состояние)[2], когда право приобретает статус мощного рычага воздействия на население государства, призванного разрешить возникшие перед ним трудности.

М. Вебер в своем очерке «Политика как призвание и профессия» высказал мнение о том, что важнейшую черту государства – его основной признак – возможно установить по используемым государством средствам[3]. Средством, легитимное использование которого признается только за государством, является насилие (его обеспечивает силовой аппарат: полиция, вооруженные силы, различные силовые подразделения и формирования)[4]. В условиях серьезных вызовов перед госу-

---

[1] © Овсянников А. Д., 2018.

[2] См. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017. – С. 180; Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И. и др. История и методология юридической науки. М., 2013.

[3] Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–675, 689–706.

[4] См.: Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Теория государства и права. Базовый курс. Учебное пособие / под. ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – С. 17–19; Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Курс теории государства и права в классической и постклассической юридической мысли : учеб. пособ. / под. ред. А. Г. Мамонтова, А. Ю. Гарашко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. – С. 17–27; Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. – М. : МосУ МВД России, 2008; Мамонтов А. Г. Следственная реформа 1860 года в России: опыт системного исследования // Российский следователь. – 2007. – № 8. – С. 33–35.

дарством встает проблема самого существования и это не может отразиться на праве, которое начинает приобретать особые характеристики своего рода «полицейского» права. Так, А. И. Клименко отмечает: «… полицейское право имеет серьезные преимущества в сложных экстремальных ситуациях. Оно как право режимное позволяет быстро решить острые и актуальные задачи, «дисциплинировать» и консолидировать общество в целом»[1]. Речь, разумеется, идет о ситуациях, которые носят временный характер, к примеру, во время войны, чрезвычайных ситуаций или специальных режимов, вводимых государством в силу иных важных причин такой тип права востребован.

И здесь важным предметом теоретико-правового анализа выступает «чрезвычайное законодательство» – нормативные правовые акты, принимаемые в расчете на особые обстоятельства и предоставляющие, как правило, особые полномочия главе государства и/или органам исполнительной власти, ограничивающие ряд прав и свобод граждан, а также вводящие политическую, экономическую и социальную деятельность в строгие юридические рамки. Приведу в пример российский федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.07.2016 3-ФКЗ, а именно ст. 11 «Меры и временные ограничения, применяемые при введении чрезвычайного положения». В этой статье есть нормы, являющиеся отражением экстремальных условий, в которых государство реализует свою «монополию на принуждение». Например, пункты «г» и «е» данной статьи гласят: «...на период действия чрезвычайного положения может предусматриваться введение следующих мер и временных ограничений: установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий»[2]. В данных нормах можно проследить ужесточение

[1] Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017. – С. 165.

[2] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении», ст. 11: «Меры и временные ограничения, применяемые при введении чрезвычайного положения», пункты «г», «е».

правового режима для обеспечения осуществления функций государства в период чрезвычайных ситуаций[1].

Аналогичные правовые нормы существуют не только в нашем государстве. Например, некоторые законы ФРГ, принятые в 1968 г., существенно ограничили права граждан в условиях чрезвычайного положения. Данные ужесточения затронули вопросы неприкосновенности почтовой корреспонденции, телефонных переговоров и т. д. В США закон Маккаррена-Вуда предполагает возможность введения чрезвычайного положения и также связывает это положение с существенными ограничениями гражданских прав населения и расширением полномочий государственных (прежде всего, правоохранительных) органов[2].

На вышеприведенных примерах явно наблюдается как раз таки одна из форм легитимного, санкционированного государством принуждения, когда невозможность действия обычными, «нормальными» методами[3], риск потери управления и контроля страной вынуждает руководство государства идти на определенные правовые меры, предполагающие расширение полномочий государственного аппарата и, прежде всего, органов исполнительной власти (органов оперативного управления), сопряженную с ограничением ряда гражданских прав и свобод.

---

[1] См. Зиборов О. В. Институт военного положения по российскому праву: Историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002; Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.

[2] Закон Маккарена-Вуда от 1950 г. «О внутренней безопасности», издан 23.10.1950.

[3] См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – М. : Норма, 2017. – С. 164–167; Клименко А. И. Идеологическое обеспечение полицейского права в контексте функциональных характеристик правовой идеологии // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 24–27; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201.

Я. В. Цыганкова[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и
научных кадров по кафедре теории государства права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВОЕ ГАРАНТИРОВАНИЕ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ (ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

Правовое гарантирование в западной культуре – не только теоретико-правовая, но и историко-правовая проблема. Для понимания особенностей правового гарантирования в западной культуре необходимо учитывать, как изменялось социальная жизнь в исторической перспективе. Прежде всего, принципиально важным является то, как западное право, оставаясь антропоцентричным, трансформировалось в аксиологическом плане.

Правовое гарантирование как процесс связан с созданием и поддержанием правовыми средствами условий для претворения идеальных правовых моделей отношений путем обеспечения воспроизводства и охраны базовых ценностей в рамках существующей культуры. В этой связи необходимо определить, каковы аксиологические особенности традиционной, индустриальной и постиндустриальной культуры, а также уяснять, как названные особенности влияют на характер объектов правового гарантирования.

Для общества в рамках традиционной правовой культуры характерно преобладание общественных интересов над частными, отсутствие или имитация свободы гражданских проявлений и общественных институтов, ограничение по религиозным, сословным и этническим признакам и т. д.[2] Как следствие, в правовой культуре традиционного общества базовым объектом правового гарантирования явля-

---

[1] © Цыганкова Я. В., 2018. Научный руководитель: Лановая Г. М., профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

[2] См.: Давидов Д. С. Роль религии в формировании политико-правовой мысли Израиля. Юридическая наука и практика / Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 340–344.

ется сложившаяся система отношений. Непосредственно в традиционном обществе западного типа объектом гарантирования выступает система прав и обязанностей в рамках существующих правоотношений[1].

Для индустриального общества характерно ориентирование на инновации, вслед за отказом от традиций, нацеленность на индивидуализм, подразумевающая признание прав и свобод личности, развитие демократических и гуманистических основ общества. В таких условиях в западной правовой культуре объект правового гарантирования трансформируется в условиях, в которых существует возможность реализации принадлежащих человеку прав. Система правового гарантирования нацелена на защиту прав, неотъемлемо принадлежащих человеку. Важно подчеркнуть, что речь идет о защите от посягательств со стороны не только частных лиц, но и государства.

Система ценностей индустриального общества позволяет притязать и на естественные[2], присущие человеку от природы права, и на предоставляемые права, присущие человеку как члену общества, закрепленные политическими и юридическими средствами[3].

Принципиально важным является то, что правовое гарантирование в индустриальном обществе ориентировано на создание условий для осуществления естественных прав, призванных обеспечить условия для удовлетворения собственных интересов и потребностей человека,

---

[1] Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36; Кулакова Ю. Ю. Трансформация современных государств: теория и практика // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 17–20; Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.

[2] См.: Бернацкий Г. Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2001; Михайлов А. М. Идея естественного права: история и теория. – М. : Юрлитинформ, 2010; Верховодов Е. В. Генезис теории естественного права в Западной Европе : дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2001; Куницын А. С. Теория естественного права в России: история и современность. – Курск : Изд-во Курск. ун-та, 2006; Клименко А. И. Роль правовой идеологии современного государства в противодействии экстремистским идейным течениям и формировании гражданского общества // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества. Международная научно-практическая конференция. – 2006. – С. 197–201 и др.

[3] См.: Малахов В. П. Концепция философии права. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – С. 507.

а также предоставляемых прав, являющихся условием государственно-правового регулирования в целом.

Отдельно следует подчеркнуть, что реализация естественных прав может быть беспрепятственной только при условии признания их государством и создания последним специальных юридических механизмов их гарантирования (т. е. фактически – в случае их трансформации в предоставляемые права)[1]. Поэтому в случаях, когда говорят о юридических гарантиях естественных прав[2], в конечном итоге подразумевают гарантирование реализации тех предоставляемых прав, в которые естественные права трансформировались в силу их признания государством.

Следующий исторический этап в развитии науки, техники и культуры – постиндустриальный. Он характеризуется высокой производительностью труда, конкуренцией во всех видах деятельности, стиранием классовых границ и различий, эмансипацией женщин, усилением значимости информации во всех сферах жизни людей, возрастанием роли науки, абстрактных, теоретических знаний и образования в целом в жизни общества, плюрализмом мнений в политике и культуре, а также индивидуализацией потребления и производства, увеличением значимости гражданского общества, роли закона и права, развитием индивидуализированного типа сознания. Базовыми ценностями постиндустриальной культуры и постиндустриального общества являются информация, знания, образованность, новые технологии и прогресс.

Если в античный период антропоцентризм западного права предполагает свободу и равенство гражданина как члена полиса, участвующего в коллективной реализации власти, в эпоху буржуазных революций в Европе – индивидуальную свободу, а в эпоху Нового времени – неприкосновенность собственности и ее свободу, то в период Новейшего времени антропоцентризм ассоциируется, прежде всего, с признанием человека источником права и постановкой вопроса об «индивидуальном» праве.

---

[1] Войде Е. Г. Способы реализации прав человека : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 77–88.

[2] См., например: Зайцева А. М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 13–14; Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека. – СПб. : Лексикон, 2001. – С. 86–89.

В силу специфики постиндустриальной культуры в рамках этой культуры происходит процесс индивидуализации человека как правового существа, и вопрос прав человека трансформируется в вопрос прав личности[1]. Повышается уровень защиты и обеспечения личных прав, которые в государстве выходят на первый план уже в качестве декларируемых и гарантируемых.

Кроме того, ставится вопрос о приобретаемых правах, которые по своей сути являются рядом субъективных возможностей, отличающих в правовом смысле одного человека от другого. Именно данное обстоятельство оказывает наиболее существенное влияние на характер объектов правового гарантирования. Реализация приобретаемых прав в правовом гарантировании оказывается деятельностью, направленной не только на изменение правовой среды и системы отношений в соответствие с собственными потребностями и интересами, но и на поддержание человеком его индивидуальных качеств и свойств, необходимых для существования у него таких прав.

Таким образом, объектом гарантирования в постиндустриальном обществе становятся те возможности, которые личность способна реализовать в качестве своих прав, в том числе возможности, на которых личность способна настоять как на собственных правах.

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, можно полагать, что в постиндустриальном обществе правовое гарантирование ориентировано на максимально полное использование возможностей человека в правовом поле, с одинаковой активностью реализуются естественные, предоставляемые и приобретаемые права.

---

[1] См., например: Афанасьева И. Д. Система прав и свобод личности как элемент взаимоотношений личности и государства // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 34. – С. 67–71; Макаров Ю. Я. Права личности и их правовое обеспечение // Власть. – 2006. – № 10. – С. 48–51; Орлова О. В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе // Государство и права. – 2008. – № 7. – С. 71–75; Шодонова М. Э. Гражданская дееспособность и права личности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 3. – С. 148–153; Францифорова С. Ю. Юридические гарантии прав личности // Адвокатская практика. – 2008. – № 3. – С. 29–31 и др.

А. Н. Шумилов[1],
соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМИДЖА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современное постиндустриальное общество характеризуется все возрастающими и затрагивающими практически все сферы жизни, включая право, процессами инноваций. Постоянные обновления, не всегда вызываемые объективными условиями и заимствующие положительный опыт предыдущих поколений, постепенно приводят к росту формализованности общественных институтов и, прежде всего, институтов государственной власти, потере их содержательности, недоверию со стороны большей части социума, недовольной дестабилизацией, наращиванием нового «без оглядки» на старое, безоговорочным признанием достижений прошлого «архаизмами».

Преодолению такого противоречия в праве призвана служить активизация его взаимодействия с иными формами общественного сознания, что обусловит формирование в обществе права, пользующегося авторитетом, доверительного и толерантного отношения к его нормам, добровольного и сознательного выполнения требований субъектов правоприменительной деятельности.

С этим обстоятельством, в частности, связано следующее: одним из способов поддержания эффективности правоприменения, наряду со скоординированной правотворческой деятельностью, повышением уровня профессионализма правоприменителей и др., является воздействие на общественное сознание с помощью построения позитивного образа субъектов правоприменительной деятельности, формирование с помощью неправовых, идеологических, психологических, в том числе, визуальных средств, средств массовой информации доверительного отношения общества к государственной власти, творимому ей праву, проводимой государственно-правовой политики и субъектам, реализующим эту политику.

---

[1] © Шумилов А. Н., 2018. Научный руководитель: Кулакова Ю. Ю., заместитель начальника кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

В этой связи очевидна актуальность исследования истории становления и развития использования имиджевых особенностей правоприменительной деятельности в качестве инструмента социально-правового управления, определения их значимости для юридической науки и практики.

Несмотря на то, что окончательно, с научной точки зрения, феномен имиджа оформился лишь в XX веке, корни его уходят в историю, а образ[1] человека, воплощающего в жизнь правила общественного поведения, установленные правителями, в том числе, как средство воздействия на общественное мнение, появился еще на заре человечества, когда возникла необходимость упорядочивать социальные отношения, и стали возникать первые нормы поведения, носящие правовой характер.

Исторический анализ специфики проявления имиджевых оснований в правоприменительной деятельности целесообразно осуществлять, взяв за основу несколько базовых констант имиджа и рассмотрев особенности их содержания и появления в контексте шести основных эпох развития человечества: Древнего мира, Античности, Средних веков, эпохи Возрождения и Реформации, Нового времени и Новейшего времени. Подобный алгоритм исследования позволит нам проследить появление, развитие, закономерности и характеристики имиджа как средства повышения эффективности и оптимизации правоприменения в сравнительной исторической ретроспективе.

Возьмем в качестве основных имманентных свойств имиджа следующие[2]:

---

[1] Проблеме разграничения понятий «имидж» и «образ» посвящено достаточное количество научных работ. Поэтому в данном диссертационном исследовании, руководствуясь поставленными целями и задачами, мы не считаем целесообразным проводить различение данных понятий и употребляем их как в целом синонимичные.

[2] В процессе достаточно длительного и полного противоречий развития общества свойства имиджа, как его неотъемлемой части, периодически менялись. Единого и однозначного взгляда на свойства имиджа не сложилось и в научном мире. Кроме того, невозможность составления исчерпывающего списка особенностей данного полисемантичного феномена, обусловленная хронологическими, историческими, географическими и иными особенностями детерминировали, на наш взгляд, выявление таких свойств имиджа, которые оставались неизменны на всем протяжении времени его существования. Исходя из этого, были определены три данных свойства имиджа, которые мы считаем в большей степени перманентными для рассматриваемого понятия.

– исключительность: имидж всегда предполагает формирование внешнего образа лица, находящегося вне стандартных социальных рамок, выделенность и необыкновенность для других членов социума;

– семиотичность: носитель имиджа, как правило, своим внешним видом, поведением, атрибутикой и т. д. символизирует что-либо. В частности, субъект правоприменительной деятельности непосредственно ассоциируется в обществе с представляемым государственным органом, государственной политической властью, государственным аппаратом, государством и государственностью в целом;

– целесообразность: имидж всегда является внешне формируемым, искусственно создаваемым для реализации конкретной цели образом[1].

Существует теория, согласно которой первым «имиджмейкером» следует рассматривать библейского первосвященника еврейского народа, брата пророка Моисея – Аарона. По причине отсутствия у Моисея таланта красноречия, Аарон должен был говорить вместо него перед народом, в связи с чем и был назван Богом устами Моисеевыми[2].

Однако впервые достаточно объективное и систематизированное представление об образе представителя власти стало возможным получить с момента формирования первых государств Древнего мира и Античности. При этом особенности представлений о власти в восточном государстве целесообразно рассмотреть в рамках государств Древнего мира, а в западном – на примере Древней Греции и Древнего Рима (Античного времени).

Так, в Древней Греции понятие образа заменялось термином «эйдос», подразумевавшего как внешний вид, так и внутреннюю сущность человека. Дух и тело считались неразрывными. Высказывание Аристотеля: «Нет ничего в разуме, чего прежде бы не было в чувствах» – отражает установку античности на первичность сенсуального (чувственного) восприятия, оказывающего доминирующее воздействие на формирование рационального образа.

---

[1] Мы в целом согласны с точкой зрения о возможности существования естественного имиджа. Полагаем, в случае, когда формирование образа не осознается и создается в большей степени подсознательно, не является самоцелью, и человек не стремится создать видимость чего бы то ни было, речь идет о естественном имидже. Однако в праве и политике имидж практически всегда формируется согласно определенной цели и вполне конкретными средствами, то есть возможен только как искусственный.

[2] См.: Утлик Э. П. Практическая психология имиджа // Вестник университета. Серия : Социология и психология управления. – М. : ГУУ, 1999; Недобежкин С. В., Карасева М. В., Безбах В. В. и др. Экономика права. М., 2009.

«Развивая теорию чувственного восприятия, античные мыслители сформулировали целый ряд методологических положений, важных для современной теории имиджа. Познание всякой вещи окружающего нас мира, в том числе и человека, начинается с формирования зрительного образа, причем процесс этот во многом является самопроизвольным. Мы воспринимаем и оцениваем, прежде всего, внешние очертания и облик вещи или человека, и только затем стремимся проникнуть в ее суть, познать ее идею. Именно впечатление от внешнего облика существенным образом влияет на формирование мнения о данном предмете, и именно этому мнению мы доверяем в дальнейшем, не заботясь о том, насколько оно истинно и совпадает со знанием. Процесс приема информации органами чувств завершается переработкой и созданием устойчивого образа, который в дальнейшем будет устойчиво воспроизводиться»[1].

Философы античности часто создавали образ идеального (его предметом выступали: государство, законы, правители, человек, и т. д.) и стремились к воплощению его в реальной жизни или, по крайней мере, приближению к нему. Соответственно, представление о вполне реальных государственных деятелях, в том числе, правоприменителях, преломлялось в сознании социума в контексте сравнения с их идеальным образом.

Так, идея Платона о том, что в идеальном обществе должны править философы и мыслители закладывает представление об априорной мудрости лиц-властедержателей и даже о возможности нарушения ими законов государства: «Власть философа в государстве не подвержена каким-либо ограничениям или контролю. Он не должен стесняться писаных законов и в каждом отдельном случае должен руководствоваться своим непосредственным предусмотрением. Писаное законодательство вообще не существует в Платоновом государстве, потому что мудрость правителя здесь заменяет писаный закон»[2].

Как в трудах Платона, так и в трудах Аристотеля присутствует много рассуждений о том, каким должен быть «государственный муж». При этом требования мыслителей к элите, управляющей государством, очень высоки. Подобающий внешний облик правителя, по их мнению, должен полностью соответствовать масштабам его личности. Вот образ идеального правителя, описанного Платоном: пусть он

---

[1] Черемушникова И. К. Имиджелогия : учеб. пособ. / под ред. И. А. Петровой. – Волгоград : ВолгГМУ, 2013. – С. 36.

[2] См.: Платон. Диалоги. Серия: книга на все времени. – М. : АСТ. 2011. – 237 с.

будет молод, памятлив, способен к учению, мужествен и от природы великодушен, пусть выделяется среди других своими телесными и душевными качествами[1].

Важным для общества в античный период и значимым для формирования в дальнейшем феномена имиджа являлся принцип «калокагатии» (от др.-греч. καλὸς καὶ ἀγαθός – «прекрасный и хороший», «красивый и добрый») – единовременно прекрасного, гармоничного сочетания души и тела, нравственного и физического в человеке. Человек, которому по статусу «полагалось» внушать «простым людям» уважение должен был подчеркивать этот статус своим внешним видом. Именно поэтому в древние времена основными конструктивными чертами образа политика или государственного деятеля выступали символы и атрибуты, позволявшие формировать в сознании граждан «нужные» власти архетипы восприятия.

Так, в Древнем Египте богиней справедливости, персонифицирующей истину и всемирную гармонию, считали Маат, изображавшуюся в виде сидящей женщины с пером страуса на голове. Джати или Великий визир Египта, выполнявший функции верховного судьи носил золотой образ этой богини на груди в знак своего особого положения.

У древнегреческих богинь правосудия (Фемида, Немезида, Дике, Адрастея), согласно многочисленным мифам и легендам, присутствуют следующие атрибуты: весы, крылья, меч, веревка, рог изобилия, завязанные глаза и земной шар и т. д. Изображения, статуи и мозаики этих богинь всегда находились у лиц, вершивших правосудие, и выступали символами последнего[2].

---

[1] См.: Платон. Законы. – М. : Мысль, 1999. – 830 с.

[2] Примером преемственности и статичности образного мышления, являющегося основой формирования имиджа, стойкости архетипов общества, остающихся неизменными на протяжении веков, может служить следующее. Древние римляне считали богиней правосудия Юстицию, имя которой легло в основу существующего в настоящее время в Российской Федерации и в других развитых демократических государствах Министерства юстиции и соответствующих специальных званий сотрудников данного ведомства, а символика – меч и весы – повсеместно используются отечественными и зарубежными судебными и правоохранительными органами в своих эмблемах. Интересно, что все эти символы были успешно заимствованы на волне ксенофилии, при этом нельзя встретить (и тем более, увидеть на стенах или в помещениях государственных органов) изображение древнего славянского бога правосудия – Прове. Р. А. Алеев в своей статье «Символы правосудия» (Бюллетень нотариальной практики, 2005, № 3) так его описывает: «Свое имя Прове получил от языкового корня «вед» – знание,

Древние связывали данный образ правосудия (остающийся и сегодня наиболее актуальным символом правовой государственности) не только со смыслом и идеей справедливого суда как специального государственного органа, но и с идеей справедливой государственности в целом (разумной и справедливой организации власти в социуме). Правосудие – это суждение по праву (то есть осуществление справедливости).

Важно было визуально выделить людей, представлявших в обществе государство из «общей массы» при помощи внешнего вида, одежды, прически, атрибутов власти, условий жизни, количества слуг и др. (визуальные, акустические, обонятельные образы власти), тем самым подчеркнув необходимость выражения в отношении их почтения и преклонения, уважения и страха (Платон: «Должности, подати, распределения и подобающий каждому почет устанавливаются не только по личной добродетели или по добродетели предков, не только по силе и красоте тела, но и по имущественному достатку или нужде»[1]).

Облик и поведение «государственных мужей» должны были соответствовать статусу, возрасту, положению, ситуации и даже времени года. Античные мыслители вводят понятие «подобающего», как базового критерия оценки внешнего вида и поведения человека.

Вид представителя власти, обладающего полномочиями применения права, должен был «служить» одним из способов предотвращения общественных беспорядков и нарушений законов. Люди должны были быть уверены если не в святости представителей закона, то в их априорной справедливости, разумности и обоснованности принимаемых

видение. Истукан Прове стоял на дубовом столбе, держал в одной руке обломок камня, в другой – копье, а на шее у него висела цепь. Прове был крайне длинноух, голову венчал венок. Столб окружали многоликие и «глазастые» идолы. Дубовый столб символизирует власть, крепость, благородную твердыню положения. Возвышенное положение – высота статуса и исполняемой миссии, неучастие в мирской суете. Длинные уши говорят о том, что Прове все слышит. Его помощники – идолы – многолики и глазасты, ибо они внимательно взирают во все стороны, следя за поступками людей. Обломок камня символизирует преступление и обвинение (сравни с библейским камнем обвинения). Копье символизирует наказание. Цепь символизирует, с одной стороны, причинно-следственные связи и «кармические» последствия поступков, а с другой – процесс расследования с его последовательностью в распутывании деяний, ибо, перебирая одно звено за другим, Прове добирается до истины и виновника.

[1] Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 195–196.

ими решений. Это выступало безусловным фактором и средством легитимации.

Как и в настоящее время, образ лица, реализовывавшего государственную власть в античном мире, ассоциировался у окружающих в целом с положительными изменениями, внушением уважения, подчеркиванием факта исключительности и компетентности данного лица.

Символы и знаки были основой влияния на общественное сознание в Древнем Египте, Древнем Риме и Древней Греции[1], так как в тот период сознание людей характеризовалось образностью и синкретичностью. Символика ассоциировалась с божественным, непостижимым и неприкосновенным, вечным и единственно верным, поэтому легко воспринималась и надолго в качестве архетипов восприятия фиксировалась в сознании народа.

Образ правоприменителя в античное время складывался также за счет ритуалов, таинств и процедур (совершение правосудия, приведение к власти, престолу, создание законов, привлечение к ответственности за нарушение установленных порядков и устоев, «раздача символов» власти правителями своим ближайшим слугам и др.). Каждый подобный ритуал наделялся сакральным значением, а правоприменитель, произнося соответствующие слова, облачившись в соответствующую одежду и обладая соответствующими атрибутами, наделялся божественной властью.

Образ правоприменителя также включал в себя особенные наименования и титулы, упоминания которых должно было оказывать воздействие на сознание людей при помощи сенситивного способа познания окружающего мира.

Значительными отличиями в восточной и западной правовых культурах обладал процесс приведения к власти.

В античных города-государствах (полисах) правитель избирался на народных собраниях (часто в дальнейшем вводилось престолонаследие среди одного рода) и всю полноту власти получал от граждан и жителей государства. В данном случае можно говорить о разумной, сознательной легитимности власти.

---

[1] В качестве примера были использованы три вышеуказанных государства древнего мира по причине их наибольшего вклада в развитие современной цивилизации, наследование традиций, обычаев и законов, а также максимальной значимости для культуры древности.

В восточных государствах, характеризующихся тиранической властью монархов, отличие правоприменителя от правотворца – правителя, фараона, государя, халифа, императора и т. д. заключалось в том, что первый наделялся практически неограниченной властью только в моменты ритуального применения права, когда выступал представителем монархической власти, в то время как второй позиционировался богом на земле (его образом, воплощением, символом и даже сыном), имел право распоряжаться жизнью и смертью каждого из своих подданных. Само государство ассоциировалось с его правителем (примером может служить чеканка монет, на одной из сторон которой практически всегда изображался правитель), в отличие от потестарной имагологии (учение об образах власти) современности, когда сакрализуются символы самого государства: герб, флаг, гимн и др. Для государств восточного типа имманентная в основном подсознательная, сенситивная легитимность правителей и правоприменителей.

Таким образом, для формирования образа представителя власти-правоприменителя в античное время было характерно наделение последнего символами божественности, подчеркивание приближенности к правителю, социального статуса за счет материальных ресурсов (золотые украшения, дорогие одежды, слуги, собственность и др.), принадлежности к высшему классу. Первая выделенная нами константа имиджа – исключительность – основывалась на публичном и неограниченном демонстрировании материального достатка. Это, в условиях небольшой бедности большей части общества и убежденности в полновластии божественного пантеона, сочетающихся с насыщенными мифами и стереотипами сознания социума, выступало эффективным манипулятором поведения населения, сдерживания его в установленных действующим правом границах.

Лицо, реализующее государственную власть, – символ государства, правителя, мирового порядка. Следует отметить, что формирование имиджа в этот период времени вторично по отношению к осуществлению власти, при том как, например, в настоящее время, сначала должен быть сформирован позитивный общественный образ, затем в рамках этого образа осуществляются властные полномочия.

Цель формирования имиджа власти Античности и Древнего мира – оптимизация ее реализации с помощью безграничного и беспрекословного «слепого» подчинения, перерастающего в преклонение. На этом этапе развития, формирующиеся в сознании социума образы, глубоко

и надолго укореняются в сознании и имеют подсознательную нерациональную почву. Такие образы невозможно достаточно быстро поменять или изменить.

Мыслители Средних веков развивают теорию сенситивного восприятия. Боэций, известный философ и основатель средневековой схоластики, писал, что органы чувственного восприятия, которыми располагает человеческое тело, выполняют роль своеобразных фильтров, помогающих распознавать «хорошее» и отделять «плохое»[1].

В Средние века влияние образности через распространение мистицизма увеличилось еще больше, чем во время античности. Основным отличием было аккумулирование восприятия и ассоциации с образом монотеистического божества, а не множества различных, в том числе аниформных божественных созданий. Кроме того, наряду с трансцендентными символами власти, стали появляться и типичные образы-символы людей (образы «рыцарей», «папы», «королей», «крестоносцев», «монахов», «феодалов» и т. д.). Это привело, в том числе к появлению концепции «двух тел короля», согласно которой король рассматривался и как индивид, и как сверхъестественное существо, причастное сакральной власти.

«У короля есть два тела, тело естественное и тело политическое. Его естественное тело, заключенное в нем самом, есть тело смертное, подверженное всем недугам, происходящим естественно или в результате несчастного случая, по недомыслию детского или почтенного возраста или вследствие других недостатков, присущих естественным телам обычных людей. Но его политическое тело, которое нельзя увидеть или потрогать, существует для наставления народа и для осуществления общественного блага: это тело совершенно свободно от детского состояния и других недостатков и слабостей, которым подвержено тело естественное. По этой причине то, что король делает в силу того, что обладает политическим телом, не может быть признано недействительным»[2]. Сущность и значимость власти Бога и царя провозглашаются равными, вне зависимости от того, принадлежит ли эта власть от природы, или же она только приобретена в силу благодати. Власть царя есть власть Бога[3].

---

[1] См.: Черемушникова И. К. Указ. соч. С. 40–41.

[2] Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. А. Ю. Серегиной; под ред. М. А. Бойцова. – М., 2005. – С. 12.

[3] См.: Канторович Э. Х. Указ. соч. С. 47.

Еще одной особенностью образа правоприменителя в Средневековье выступало единство светской и духовной власти и ее представителей (символ средневековья: два меча Фомы Аквинского, изображавшие власти земную и небесную, царство Божье и царство земное). При этом в работах мыслителей часто подчеркивался приоритет церковной власти над властью светской, наличие границ реализации государственной власти, согласно церковным канонам. Например, Фома Аквинский утверждал следующее: «Насколько действия правителя отклоняются от воли божьей, насколько они противоречат интересам церкви, настолько подданные вправе оказывать этим действия сопротивление. Правитель, который властвует вопреки законам Бога и основам морали, превышает свою компетенцию, вторгаясь, например, в область духовной жизни людей или облагая их чрезмерно высокими налогами, – тот правитель превращается в тирана. Так как тиран печется только о своей выгоде, попирает законы и справедливость, народ может свергнуть его»[1].

С этим было связано и широкое распространение в Средние века канонического церковного права. Служители церкви, и в частности Святые инквизиции, опирались на страх общества перед трансцендентным, мистическим началом. Людям внушалась ничтожность человека перед величием Бога и Церкви, что являлось одним из важнейших факторов легитимации правоприменения. Таинственность и скрытость, всегда связываемые в обществе с истинными нетривиальными знаниями, а также ритуализированность и сакральность были признаками власти римской католической церкви и создаваемых этой церковью обязательных для всех верующих правил поведения.

Значение религии привело к тому, что светская власть в итоге стала подчиненной и неотделимой от церковной, в связи с чем в деле собственной легитимации часто прибегала к сакральным символам (изображения святых, использование папской символики)[2].

---

[1] Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л. : Наука, 1990. – С. 128.

[2] И в дальнейшей истории человечества государственная власть, даже утверждая в нормативных правовых актах свою отделенность от власти религиозной, в целях привлечения положительного внимания общества и позитивных социальных оценок, применяет церковные символы (например, изображения христианских святых на гербах городов).

Одной из основных задач семиотики того периода стало укрепление и подчеркивание иерархичности средневекового уклада жизни, системы феодализма-вассалитета. «Сословный характер средневекового общества был всеобъемлющим. Личность в этот период полностью отождествлялась с ее ролью в обществе. Человек был «крестьянином», «ремесленником» или «рыцарем», но не индивидом. Уже при рождении человек попадал в социальное положение, которое гарантировало ему определенный, освещенный традицией жизненный уровень и уклад. Человек рассматривал себя как часть этого порядка и стремился ему соответствовать. Естественно, что такая принадлежность человека к определенному кругу была закреплена не только в юридических законах, господствующей морали и религии, но и в законах повседневной жизни, в одежде, в языке, то есть в имидже»[1].

Для этого периода свойственно отсутствие четкого распределения полномочий в реализации государственной власти. Обязанности правоприменителя и военачальника часто выполнялись одними и теми же лицами администрации, что также сказывалось на формировании единого образа лица, реализующего правовые нормы.

Постепенно, по мере распространения феодализма и перераспределения власти в вотчинные домены, появляются должностные лица «регионального» уровня. Образ правоприменителя приобретает несколько иной характер: если в дворцовой системе правоприменитель, в основном, лицо знатного происхождения, то в феодальных поместьях, где появлялось собственное локальное право, а, значит, и собственные правоприменители, функции последних выполняют не всегда представители аристократии, но лица, преданные феодалу и обладающие соответствующими знаниями, умениями и навыками.

Таким образом, для образа представителя власти-правоприменителя в Средневековье было характерны следующие черты: синкретичность, религиозное преклонение, ритуализированность, появление, наряду с сакральными представлениями, образов-типов людей, занимающих определенное место в иерархической системе. Исключительность носителя имиджа складывалась по-прежнему за счет материального достатка, а также близости к представителям власти. Субъект имиджа – символ светской и/или духовной власти. Его цель – реализовать власть на основе беззаветного преклонения перед религиозными

[1] Черемушникова И. К. Указ. соч. С. 38–39.

и политическими авторитетами, страха перед их оценкой и суждением[1]. Однако в Средние века, как и в двух предыдущих периодах, образ власти органичен, он еще не выделяется как самостоятельный инструмент управления общественным сознанием в целях реализации норм права. Именно поэтому здесь невозможно говорить о самостоятельном образе правоприменителя, отличающемся от образа любого другого представителя государственной власти.

Позднее, в эпоху Возрождения, а затем Реформации, вместе с потерей влияния церкви на второй план уходят мистицизм и таинственность в реализации права, человек, его воля и разум становятся мерой всех вещей, а на смену теоцентризму приходят антропоцентризм и рациональность.

Именно к этому времени относятся труды одного из известнейших мировой науке теоретиков имиджа и образа правителя – Никколо Макиавелли. Данному ученому было имманентно обостренное «чувство имиджа» или развитое «имиджевое» мышление. Особенность такого мышления – умение мыслить и вести себя в межличностном пространстве, предполагая возможные реакции со стороны других людей и корректируя свои действия в соответствии с этими реакциями. В своей основе данное мышление имеет глубокую социальность человека и включает умение располагать к себе других людей.

В своей работе «Государь» он акцентирует внимание на необходимость для правителя иметь «чувство стиля», умение манипулировать общественным сознанием создавая нужный образ политической власти. Подлинная основа власти, полагал Н. Макиавелли, – выгода и сила, свободные от моральных запретов, но при этом внешне государственный деятель должен поступать так, чтобы прослыть в обществе добродетельным, милостивым, честным. «… Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных…»[2].

---

[1] Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36; Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. – М. : МосУ МВД России, 2008.

[2] Макиавелли Н. Государь. – М. : Планета, 1990. – С. 51.

Образ правителя (государственного деятеля) становится основой успешного управления и применения установленных государством правил поведения. «Государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающими ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимым».

Н. Макиавелли создал новый рецепт социального успеха и первым в истории европейской общественной мысли выразил идею о возможности манипуляций людьми и их поступками с помощью внешнего вида и манеры поведения субъекта имиджа. Он предложил позиционировать первичными не духовный мир и совершенствование личности человека, а приемы, которые помогут создать нужное мнение о нем и, следовательно, изменят его социальное положение. В работах Макиавелли оформляется мысль о возможности имитации социального статуса с помощью внешних символов и знаков[1].

Таким образом, эпоха Возрождения рассматривается как переходное состояние между двумя устойчивыми укладами в праве, экономике, политике, религии, морали: средневековым укладом и укладом Нового времени. Процесс отделения сферы личного от сферы общественного закончился формированием нового идеала человека, как свободной, всесторонне совершенной личности. По мере того как общественные отношения становятся более разнообразными и сложными, человек преодолевает сословные рамки, начинает играть одновременно несколько социальных ролей. Вместе с этим возрастает значение таких понятий, как престиж, слава, социальный успех, карьера. Конкурентная борьба продолжает расти, и вместе с нею возрастает значение имиджа. Как следствие происходящих процессов, имидж от типического начинает эволюционировать в сторону индивидуального[2], что выступило «мейн стримом» в развитии данного феномена в этот период.

Исключительность, как основная характеристика имиджа, проявляется уже не столько в материальном достатке и близости к власти,

[1] См.: Черемушникова И. К. Указ. соч. С. 45.

[2] Там же. С. 42.

сколько в рациональности, разумности, интеллектуальной достойности. Субъект имиджа символизирует власть разума и рациональность власти. Цель имиджа – разумное управление социумом на основе подчиненных формальной логике общеобязательных правил поведения.

В Новое время проблемы символов и образов в рамках реализации права получили собственное осмысление. На волне буржуазных революций, секуляризации, краха монархических режимов, формирования теорий правового государства, гражданского общества, демократического устройства, образ короля как пожизненного и наследного правителя – избранника Бога, утрачивает легитимность. Приоритетным становится образ представителя власти – избранника народа, лица обладающего дарованным всем обществом, в целях наиболее эффективного правления и обеспечения общественной безопасности суверенитетом: «… для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению общего лица»[1]. Именно добровольная передача части своих естественных природных прав и свобод всеми гражданами (заключение общественного договора)[2], сопутствующая доверительному и уважительному отношению к государственному деятелю, обеспечивают последнему легитимность и положительный образ народного представителя, действующего исключительно в рамках закона и согласно предоставленной компетенции. Образ государственного деятеля, включавший в себя наследственные привилегии, знатное происхождение и высокий достаток, сменяется образом разумного, отличающегося целесообразностью в поведении, избираемого и принимаемого обществом лица.

Способом предотвращения злоупотребления такой властью и превышения полномочий, по мнению мыслителей того периода времени, становится концепция разделения властей на три независимых, но в то же время контролирующих друг друга ветви власти: законодательную,

---

[1] См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Избранные произведения : в 2 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 196–197.

[2] Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор. Монография. – М. : МосУ МВД России, 2008.

исполнительную и судебную. Один из основателей данной концепции власти Шарль-Луи Монтескье утверждал следующее: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем…»[1].

В XVI веке английский мыслитель Френсис Бэкон вводит в научный оборот понятие «идолов» или «призраков» сознания (идолы театра, идолы пещеры, идолы рода, идолы площади), как некую типологию заблуждений человеческого разума, в то же время являющуюся предпосылкой современных исследований имиджа как аналогичного своеобразного искусственного и целенаправленного «замутнения» сознания людей. Ф. Бэкон: «Их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта. Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений. Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения»[2].

Философ-иррационалист Артур Шопенгауэр расширяет и дополняет представления о феномене имиджа, уделяя особое внимание такой его составляющей, как мнение. Он, также как и Френсис Бэкон, рассматривает человека как существо общественное. Человек, полагает он, представляет собой то, чем он является в представлении других людей, каким они его себе представляют.

---

[1] Монтескье Ш. Л. О духе законов // URL: http://www.civisbook.ru/ (дата обращения: 19.05.2017).

[2] Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Сочинения в 2-х томах. Том I. – М. : Мысль, 1977. – С. 307–311.

А. Шопенгауэр считал естественным, что все оценивают друг друга по виду и наружности и обращал внимание на важность первого впечатления. По мнению данного философа, «только глупцы полагают, что вид и наружность человека не имеют никакого значения, потому что душа сама по себе, а тело само по себе... Напротив, душа и тело столь неразрывно связаны, что во внешности изображается и отражается внутреннее содержание, а лицо … раскрывает внутреннюю сущность человека»[1]. Человеческое лицо можно рассматривать как «иероглиф природы», подвергать его «дешифрованию», он также считает, что подвергать анализу и дешифровке следует не только лица, но также и походку, движения, жесты.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что человек, находясь среди людей, постоянно «излучает информацию», которую эти люди анализируют и помимо собственной воли формируют мнение о нем. На первом месте, безусловно, стоит зрение, так как «его сфера самая широкая, а его восприимчивость самая тонкая. Познание же, называется «сложным физиологическим процессом в мозге, результатом которого будет создание некоего образа»[2].

Большую значимость складывающиеся в обществе образность и символьность правоприменения стали приобретать в связи с новым взглядом юристов на сам процесс применения права. В европейской юриспруденции конца XIX – начала XX веков появилось такое научное направление, как школа «свободного права».

Представители данной школы (Р. Фон Иеринг, Ф. Жени, Е. Эрлих, Э. Х. Канторович и др.), подобно идеологам естественно правовой концепции, отрицательно относились к разработанной в рамках юридического позитивизма теории, утверждавшей второстепенность правоприменения и исключительное значение в его рамках писаного права.

Основные идеи школы «свободного права»: естественность постоянно присутствующего противоречия между законодательством и потребностями правовой практики, неизбежность пробелов и коллизий нормативных правовых актов и необходимость в связи с этим предоставления большей свободы усмотрения правоприменителям и, прежде всего, судьям, недопустимость монополии правотворчества законодательных органов власти. Судьи не только в силу субъективных,

---

[1] Малахов В. П. История политических и правовых учений : учеб. пособ. для вузов. – М. : Академический проект, 2003. – С. 61.

[2] Черемушникова И. К. Указ. соч. С. 50.

но и объективных причин часто вынуждены поступать и praeter legem (кроме закона) и даже contra 1egem (против закона).

Писаное право никогда не бывает адекватным правовым реалиям. Законодательство начинает устаревать уже с того момента, когда оно было сформулировано[1].

В контексте идей школы свободного права не мог не ставиться вопрос о личности правоприменителя и ее воздействии на объект правового влияния, качествах, которыми должен был обладать правоприменитель, чтобы участвовать в правотворчестве. Таким, по представлению теоретиков свободного права, мог быть человек, не только обладающий юридическими знаниями, но и человек высоких моральных и нравственных качеств, ставящий справедливость и дух права выше буквы закона.

Однако свободное право, несмотря на очевидность положительных аспектов этого учения, не смогло вытеснить позитивистские тенденции юриспруденции XIX–XX вв., утверждавшей, что распространение теории «живого права» неизбежно приведет к неопределенности прав граждан, ошибочности и неоднозначности толкования норм права, неуверенности членов общества в их надежной защите со стороны государства, злоупотреблении правоприменителей своими полномочиями и др.

К таким позитивистским теориям относились: юридический позитивизм Джона Остина, органическая теория права Герберта Спенсера, нормативистская теория права Ганса Кельзена и др. Все они были убеждены в первичности, обязательности и необходимости норм права, их строгого и неукоснительного соблюдения. Вопросы правоприменения и личности представителей власти не входили в круг исследований данных направлений юриспруденции.

В отечественной науке идеи свободного права получили актуальность, и нашли отражение в трудах дореволюционных юристов конца XIX – начала XX века (С. А. Муромцев, П. М. Коркунов, Л. С. Белогриц-Котляревский, Ю. С. Гамбаров, Н. А. Гредескул, И. Б. Новицкий и др.)[2].

---

[1] См.: Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М. : Статут, 2011. – С. 91.

[2] В дальнейшем в послереволюционной советской России идеи «свободного права» также привлекали внимание специалистов в области юриспруденции, однако практически отсутствовали попытки найти в них рациональное зерно и

Еще один известный представитель отечественной правовой классики начала XX века, И. А. Ильин, писал о необходимости выполнения ряда требований к надлежащей организации власти в государстве, назвав их аксиомами власти и утверждая, что власть в государстве должна принадлежать не знатным и благородным, как в прежние времена, но и не исключительно избранникам общества, как в современности, а лучшие: «Править государством должны лучшие люди страны, а народ не редко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно-воспитанных и через поколения образованных слоев народа»[1]. А образ правоприменителя будет настолько успешен в рамках легитимации власти и укрепления правопослушания, насколько он будет способен внушить гражданам сопричастность их делам государственным, уверенность в том, что нарушая установленные государством правила поведения, они причиняют вред не абстрактному Левиафану – государству, а самим себе, как неотъемлемой части последнего.

Лев Иосифович Петражицкий, являясь основателем психологической теории права, помещал в основу своей концепции психологическое отношение человека к императивным нормам права и выделял право официальное (позитивное) и неофициальное (интуитивное) и соответствующие им юридические и нравственные нормы. Данная теория также стала основой для развития в дальнейшем представлений об имидже (образе) представителя власти, как эмоциональном, часто подсознательном отношении членов общества к правоприменителям, необходимости гармоничного сочетания официального, то есть юридически закрепленных статуса и полномочий данных должностных лиц, и впечатления, складывающегося в обществе о них под воздействием неправовых, в том числе психологических факторах.

определить возможности применения в практической деятельности, а в исследованиях по истории правовой мысли обычно преобладала критика рассматриваемого научного направления. Но основной вопрос «свободного права» – вопрос о более волюнтаристском отношении правоприменителя к закону и о возможности реализации его собственной правовой позиции-усмотрения – был и до сих пор остается предметом дискуссий отечественных юристов.

[1] См.: Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России, статьи 1948–1954 годов / подготовка текста и вступит. статья И. Н. Смирнова. – М. : МП «Рарог», 1992. – 616 с.

В конце XIX – начале XX века известный социолог права Макс Вебер вводит в науку понятие «легитимность», представляющее собой признание или подтверждение законности в чем-либо и конкретно в праве. Этому же ученому принадлежит дифференциации легитимности на типы: традиционный, харизматический, легально-рациональный. Применительно к образу правоприменителя можно утверждать, что существует традиционная легитимность, когда требования должностного лица и выполнение норм права осуществляется благодаря уважению к обычаям, традициям, заветам предков и т. д., харизматическая легитимность, когда уважение к правоприменителю формируется исключительно на его личных качествах, темпераменте, интеллекте и др., и легально-рациональная легитимность – право эффективно реализуется благодаря строгому и неукоснительному соблюдению членами общества норм права (в отношении последнего типа легитимности власти Макс Вебер писал следующее: «Бюрократический аппарат государства и осуществляющий его функции рациональный homo politicos... выполняют доверенные им дела и налагают наказания за нарушение законов, причем именно в том случае, когда они следуют идеальному смыслу насильственно установленных государством рациональных правил, чисто деловым образом, «не взирая на лица», «sine ira et studio» – без ненависти, а потому и без любви»[1]).

Таким образом, для имиджа в Новое время впервые становится имманентной политизация, то есть искусственное, изначально ставящее целью использование в качестве инструмента управления обществом и легитимации формирование положительного образа власти. К концу данного исторического этапа исключительность основывается на демонстрации политической власти и силы. Имидж субъекта государственной власти впервые дифференцируется от имиджа аппарата государственной власти как структурного образования. Цели формирования имиджа – удобное и успешное управление обществом, приобретение и удержание власти, наведение социального порядка и восстановление режима законности.

Позднее, в первой половине XX в., вновь произошло возвращение к идеям школы свободного права. Американский правовед Р. Паунд ввел плюралистическую концепцию права, где наряду с «правом в книгах» – законодательством под правом в широком смысле понимал и

[1] Вебер М. Избранные произведения / пер. с немецкого, сост., общая редакция и послесловие д-ра философ. наук Ю. Н. Давыдова; предисловие д-ра философ. наук П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 317.

«право в действии» – правопорядок, судебный и административный процесс, то есть применение права. Реалистическая (бихевиористская) школа права (К. Ллевеллин, Дж. Фрэнк) пошла еще дальше и стала сводить понимание права к правоприменительной деятельности и ее результатам: «Действие, относящееся к сфере споров, является сферой права. И люди, которые осуществляют это действие, например, судьи, шерифы, клерки, тюремщики или адвокаты, являются официальными выразителями права. То, что эти официальные лица решают в отношении споров, и есть, по моему мнению, само право» [1], – писал К. Ллевеллин.

Наибольшей значимости вопрос имиджа правоприменительной деятельности приобрел во второй половине XX века. Именно тогда впервые в истории в литературных источниках появилось понятие имиджа.

«Имидж» (от лат. «imago» и в дальнейшем от англ. «image» – «образ», «слепок», «подобие», «икона», «изображение») при своем первом употреблении использовался в достаточно узком контексте – в коммерческой рекламе для дифференциации товаров (термин «имидж» ввел американский экономист К. Болдуинг). В 1960-х годах имидж стал ассоциироваться с образом музыкантов, шоуменов и политических лидеров (английский политолог Грэхем Уоллес впервые использовал термин «политический имидж» в начале XX века).

В лексикон российских ученых «имидж» вошел только с конца XX века, так как в советской России имидж считался элементом западной капиталистической пропаганды, видимостью, манипулированием общественным мнением, обманом населения, поэтому употреблялся исключительно в негативном контексте. О. А. Феофанов впервые в 1974 году в своей работе «США: реклама и общество» употребил понятие имиджа в качестве основного средства психологического воздействия рекламодателя на потребителя, набора определенных качеств, которые люди ассоциируют с определенной индивидуальностью[2].

В дальнейшем О. А. Феофанов уточнил, что под имиджем следует понимать «такое отображение воспринимаемого явления, при котором ракурс восприятия умышленно смещается, умышленно акцентируется

[1] Мачин И. Ф. Указ. соч. С. 399.

[2] См.: Феофанов О. А. США: реклама и общество. М., 1974. С. 41.

восприятие определенных сторон явления. Имидж – более или менее иллюзорное отражение того или иного явления»[1].

Первая отечественная монография, посвященная вопросам имиджелогии (наука о закономерностях формирования, функционирования и управления имиджем персоны, товара или услуги, организации и др.), вышла под авторством В. М. Шепеля в 1994 году[2]. Именно благодаря его работам имиджелогия приобрела статус самостоятельной научно-прикладной области знаний, а понятие «имидж» приобрело позитивные содержание и смысл.

Вместе с тем в связи с устойчивым негативным отношениям современного российского общества к государственной власти, представлением о чиновниках как замкнутой, закрытой, нацеленной на собственные нужды и враждебной общественным интересам кастой, сформировавшимися на фоне распада СССР в конце XX века, иных негативных тенденций в большинстве сфер общественной жизни, имидж субъектов правоприменительной деятельности в Российской Федерации остается на довольно низком уровне. В сочетании с невысокой общественной правовой культурой, достаточно слаборазвитым правосознанием социума это не может не привести к росту правонарушений, посягательств на общественный порядок и общественную безопасность, в целом на режим правопорядка и законности.

В этой связи в целях преодоления подобных тенденций и сложившихся стереотипов органами государственной власти проводится активная работа по формированию позитивного образа государственной власти, доверия российских граждан к чиновникам. Все возрастающее влияние средств массовой информации – действенный механизм конструирования имиджа должностных лиц государства, осуществляющих правоприменительную деятельность.

Новейшее время – период расцвета и популяризации имиджевых технологий и имиджологии в целом. Положительное отношение общества и его членов – цель практически любого вида деятельности. В это время можно уверенно заявлять о появлении самостоятельного имиджа правоприменителя, отличного от имиджа любого другого представителя государственной власти, что в том числе связано с активным развитием этой формы реализации права

---

[1] Феофанов О. А. Реклама. Новые технологии в России: психология рекламы. Формирование имиджа. Политическая реклама. – СПб., 2004. – С. 79.

[2] См.: Шепель В. М. Имиджелогия: Секреты личного обаяния. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.

Исключительность формируется не на основе материального фактора или близости к власти, а на подчиненности интересам и нуждами общества («слуга народа»), затем внешнего формируемого в основном за счет средств массовой информации видимости равенства (партнерские отношения, сервисное государство). Целью такого равенства является легитимация власти, ее удержание и поддержание с помощью формирования уважения, доверия и толерантности. Лицо, осуществляющее правоприменение, позиционируется, вне времени исполнения должностных обязанностей, как рядовой член общества. Такое лицо исполняет свои обязанности на выборной или назначаемой основе, а, значит, обладает властью временно, ограниченно (профессионализация имиджа). Представитель власти перестал быть статичным архетипом восприятия.

Тенденция разделения имиджа государственной власти и государственного аппарата, впервые возникшая в предыдущий период, в Новейшее время получила окончательное развитие и актуальность (децентрализованность имиджа). Особенности информационного общества современности – значимость средств массовой информации, позволившая трансформировать имидж в достаточно быстро формируемый, динамично меняющийся, но в большей степени поверхностный, за счет рационализации и практической потери связи с сакральностью и подсознательным, способ повышения эффективности реализации права. Еще одно свойство имиджа правоприменителя, наряду с виртуализованностью, – важность формализации. Значимость этого свойства проявляется в распространенности анкет, резюме, портфолио, собеседованиях и различных презентаций. Такие инструменты позволяют быстро и малозатратно сформировать нужный образ (памятки о работе министерств, ведомственные спортивные мероприятия, концерты и т. д.).

Анализ проявлений имиджевых оснований правоприменительной деятельности в исторической ретроспективе позволяет утверждать следующее.

Во-первых, имидж власти как ее положительный образ в общественном сознании, позволяющий наиболее эффективно реализовывать политику государства, использовался с момента появления первых государств и их должностных лиц. Однако впервые имиджевые основания правоприменительной деятельности стали выделяться только в Новейшее время, что было связано, в том числе с вызванным

процессами бюрократизации и расширением направлений правоприменения дифференцированием образа представителя власти, государственности и образа представителя государственного аппарата, его органов и подразделений.

Во-вторых, начиная с XIX–XX веков, когда юридическое сообщество всерьез обратило внимание на пробельность существующего законодательства и несовершенство позиций представителей юридического позитивизма, интерес к правоприменению, как средству восполнения законодательных пробелов и устранения коллизий, а, соответственно, и к роли и особенностям правоприменителей, значительно вырос.

В-третьих, несмотря на длительную историю развития, имидж на всем ее протяжении обладал тремя основными константами, характеризующими его природу. К таким константам относятся: исключительность, семиотичность, целесообразность. Содержание и особенности этих констант с течением времени претерпевали объективные изменения, однако их суть остается неизменной до настоящего времени.

В-четвертых, образ и атрибутика правоприменителей уже долгое время являются средствами воздействия на общественное сознание, однако понятие «имидж», являясь молодым как для зарубежной, так и тем более, для отечественной науки, прочно вошло лишь в некоторые области знания, такие как психология, политология, социология и др., не успев приобрести должного влияния в сфере юриспруденции. С этим обстоятельством связано отсутствие значимых и глубоких исследований, посвященных влиянию имиджа на право.

В-пятых, в настоящее время роль имиджа в деле регуляции общественных отношений возросла в несколько раз, но при этом имидж государственных деятелей приобрел иные каналы социализации, что обусловлено распространенностью «четвертой ветви власти». В связи со значением средств массовой информации, наращиванием темпов информатизации и визуализации, одним из наиболее эффективных средств поддержания правопорядка и борьбы с правонарушениями в настоящее время становится позитивный имидж субъектов правоприменения, формирование которого относится к приоритетным задачам государства в рамках легитимации государственной политики.

В-шестых, диалектическая взаимосвязь государственной власти и общества прошла путь трансформации от беспрекословного преклонения и обожествления носителей такой власти (Античность и Средние

века), рационального отношения к ним как к лицам, способным наиболее эффективно управлять государством (период Возрождения), позиционирования в качестве «слуги народа», обязанного выполнять волю последнего (Новое время), до сервисного государства, где представители власти и члены общества – равноправные и в целом самостоятельные партнеры, объединяющие усилия для достижения общей цели.

Сборник материалов Второй ежегодной международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына (20 декабря 2017 г.)

Историческая методология в правовой теории

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Редактор *Лосева О. С.*
Корректор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Усковой М. А.*

Подписано в печать 06.09.2018	Формат 60×84 1/16	Тираж 66 экз.	
Заказ № 1630	Цена договорная	Объем	17,15 уч.-изд. л. 18,3 усл. печ. л.